Б.И.Берман.

Библейские смыслы

Главы 1-3

---

k ББК 86. 3
Б 50
Обработка магнитофонных записей бесед Б.И. Бермана (1957—1992) и переложение их для печати осуществлено *И.Б. Берманом*. Консультации и редактирование — *Мейр Сайтанов*. Издание осуществлено при финансовой поддержке:
Израильского педагогического общества **AMITEI YERUSHALAIM** и фонда**MEMORIAL FOUNDATION FOR JEWISH CULTURE**
Берман Б.И.
Библейские смыслы. Кн. 1. — М.: Лайда, 1997. — 200 с.
ISBN 5-87632-052-8
Книга составлена на основании магнитофонных записей лекций и бесед Б.И.Бермана (1957—1992) — преподавателя Еврейского Университета Бар-Илан (Израиль), директора и научного руководителя «русских программ» в Педагогическом Институте им. Я.Герцога в Иерусалимском Институте Д.Хартмана; Б.И.Берман — автор книг «Шма» (Иерусалим, 1990 г.) и «Сокровенный Толстой» (Москва, 1992 г.). В «Библейских смыслах» подробно и последовательно раскрываются те подлинные смыслы и значения библейских текстов, которые они имеют на языке первоисточника, адекватный перевод с которого на европейские языки далеко не всегда возможен. Такого рода знания до сих пор почти не были востребованы русской культурой. Первая книга «Библейских смыслов» выявляет библейский взгляд на истоки той драматической ситуации, в которую поставлен человек на Земле, и осмысливает этапы вхождения зла в человеческую жизнь. Эта книга охватывает первые семнадцать глав книги Бытия, где речь идет о Днях Творения, о грехопадении Адама, о Каине, допотопном растлении, Потопе, Вавилонском строительстве и о начале пути Авраама. Обширные выдержки из этой книги Б.И.Бермана печатались в двенадцати номерах журнала «Знание-сила» в No 3—10 за 1994 год и в No 7—10 за 1995 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый. В НАЧАЛЕ
I. Тьма и Свет
II. Земля
III. Сотворение человека
IV.В Саду Эдена
V. Грех Адама
VI.Изгнание
VII. Уроки Каина
VIII.Потерянные поколения
Раздел второй. НОАХ
I. Потоп
II. ПослеПотопа
III. Хам, Кнаан и Нимрод
Раздел третий. НА ПУТИ К СЕБЕ
I. Уход
II. В Египте
III. Авраhам и Лот
IV. Война
V. По другую сторону
VI. Символы утроения
VII. Завет
VIII. Обрезание

Раздел первый. ВНАЧАЛЕ *
I.
ТЬМА И СВЕТ

Тора открывается возвещением о том, что Бог сотворил Небо и Землю. Первые слова Библии звучат на языке подлинника так:

Берешит бара Элоким эт ha-шамаим вэ-эт ha-арец[1].

Адекватно перевести эту фразу чрезвычайно сложно. Попробуем растолковать значение каждого слова.

Слово Элоким (Бог) есть множественное число слова Элоah, происходящего от корня «эле» — указательного местоимения «эти», обозначающего явления в объединенности и единстве: «все эти». Элоah — то проявление Всевышнего, которое объединяет явления Мира. Если для язычников Мир распадается и у каждой части его есть свой источник, свое божество, то Элоким означает, что есть Единый Источник всех сил, существующих в этом Мире.

Элоким — Бог всего Творения, его Творец, Законодатель и Судья в Мире. Он устанавливает Закон и порядок, дает «меру» этому Миру. Евреи так и называют Элоким — «мера Закона», «мидат hадин». Употребляется слово Элоким и в человеческом общежитии для обозначения тех, кто дает обществу закон, овладевающий хаосом и анархией.

Корень слова «бара» (сотворил) родствен корню слова «убежал», «ушел», «вырвался наружу». По чисто лингвистическому смыслу «бара» — это выход изнутри наружу. Бара Элоким — выведение из Себя Мира. В словах этих определен процесс, идущий от состояния, предшествующего сотворению и радикально отличающемуся от него состоянию творения. Первое состояние или первая ступень (уровень) Божественного Деяния выражается в понятии ацелут, то есть эманации, истечения из Себя. Второе состояние или вторая ступень (уровень) выражается в понятии брия, творение.

Ацелут — не более, чем неопределенное Божественное желание иметь Творение. Мир **Брия** — это мир Мысли Творения, его общего Замысла. В состоянии брия Мир существует только в Мысли (Хохма) Элоким. Слова «бара Элоким» говорят о том, что Бог сотворил, вывел из Себя, породил Замысел Творения.

В первой главе Торы введены еще два понятия, определяющие последующие ступени Божественного Деяния. Это уровень **Иецира** — стадии Формирования, созидания проекта, который осуществляется, делается, строится на уровне **Асия,** Делания. Действие Бога на уровне Иецира в русском библейском тексте переводится словом «создал», действие на уровне Асия — словом «произвел», «сделал».

Слово «бара» употреблено в первой главе Торы три раза: в отношении сотворения неба и земли, в отношении творения жизни и творения человека. «Бара» — всегда творение из «ничего», сущего из несущего. Следующие же уровни — творение сущего из сущего.

В Библии каждое слово и сам порядок слов существенно важны. Эта Книга обращена к нам, людям, и Элоким — Творец — может быть виден и понятен нам только тогда, когда Он проявляется в Мире, через сотворенное Им. Вот почему сказано «бара Элоким», а не «Элоким бара». Но почему же первое слово Библии — «Берешит»?

Предлог «в» (на иврите «бе» — с неясным «е») пишется слитно со словом, к которому он принадлежит. Слово «решит» вовсе не означает начало во времени (как означало бы слово «тхила») или отправную точку («каце»). Нам тут вообще не рассказывается о порядке Творения, о том, что было в начале процесса, а что потом. В этом же стихе Торы говорится о «водах», о «тьме», о «духе» и ни словом не упомянуто об их сотворении. Слово «решит» всегда применяется в Торе в смысле «начатка», становления нового, а не отрицания предшествующего. «Решит» — новый поворот чего-то или в чем-то, новый путь.

Берешит поставлено в начале Книги, и в слове этом есть пафос, в том числе и пафос современный. Те, кто некогда создавали науку, будучи людьми религиозными, желали понять каковы законы Бога в Мире. Позднее понятие «закона» стало восприниматься в качестве чего-то извечно существующего, не предполагающего наличие Источника закона, Законодателя. По сознанию людей нашего времени мы живем в вечном Мире, с его вечными законами и с извечно существующей материей. Хотя всякий современный человек, считающий себя религиозно просвещенным, признает некую благую и могущественную Силу в Мире, Силу устроения Мира, действующую внутри этого Мира и в том или ином смысле подчиненную этому Миру. Говорить при таком подходе об абсолютной свободе этой силы не приходиться.

Словом «Берешит» нам указано на абсолютное Начало Мира, на то, что Мир начитается (начален), и у него есть Творец. Мир сотворен, создан, сделан по Его Воле и в нем действует Своя Воля.

«Решит» в тексте первой фразы Торы играет роль существительного и происходит от слова «рош», голова. Это тот главный центр, где сходятся все центры, куда поступают все образы и смыслы Мира и который обращен к Миру. «Главное» по-еврейски — всегда производное от слова «рош».

Элоким выводит из Себя новый Центр, голову Творения, в которой главная мысль Бога, лежащая в основании всех потоков Творения и определяющая постоянно действующий в Мире Его Замысел. Небо же и Земля сотворены как начаток этого Замысла Творца.

«Шамаим» (небо) — множественное число слова «шам», переводимое указательным местоимением «там». «Шамаим» указывает на все то, что существует вне пределов человеческой досягаемости, через что мы получаем свет, что вне и сверху — там и там. На ступени Брия, на уровне Замысла Бога, Небо («высшие миры») есть первичное проявление Бога в Творении и выражение Мира в его доподлинной сущности.

Мир — говорит, он весь устроен по принципу текста, в котором выражена Его Мысль. То, что говорит Мир своими явлениями, не тупо и бесчувственно. Это — разговор. И небо материальное, космос, для нас есть выражение чего-то метаматериального, духовного. Бог, выводя Творение из Себя, творит то, с чем Ему можно общаться, к чему можно обратить Слово, и что может это Слово воспринять. Это видно в продолжение всего рассказа о Днях Творения.

Что такое «арец», земля? Близко к нему слово «харац», вырезать. Арец — это то место, та Обитель существования, в которой все с величайшей скрупулезностью разделено, все старательно отграничено, выделено в отдельное существование — отделено. Земля — Обитель Отделенности, отграниченности, индивидуализированности. Но «арец» восходит так же и к корню «руц», бежать. Земля это также место, где все движется. Это место движения в отделенности, поприще действия индивидуализированного.

Однако в тексте первого стиха (пасука) сказано не «шамаим вэ-арец», а «эт ha-шамаим» и «эт hа-арец». Частица ha — определенный артикль, указывающий, что имеется в виду именно эта наша Земля и это Небо. Слово «эт» составлено из двух букв: первой буквы еврейского алфавита, «алеф», и «тав», последней буквы алфавита, то есть как бы охватывает весь алфавит. От того же, что и «эт» корня, происходит слово «от», знак — то, что в некотором символе выражает явление в целом. Употребление «эт» указывает на явление вместе с его основой. «Эт» еще означает добавление чего-то — «с» чем-то, совместно. Так что в первом стихе Торы речь идет о Небе и Земле во всех границах и со всем, что в них содержится. Начаток Замысла Творения — полная картина Неба и всего воинства его, Земли и всех ее проявлений, всех ее потенций, которые раскрываются в Днях Творения.

Но о Небе и делах Небесных нам больше ничего не рассказывается. Все внимание — только Земле. О ней

1) Знак h соответствует букве «хей» иврита и читается как английское h. Заглавная h обозначена как `Г.

дальнейшее повествование. Создана и сделана Земля на Третий День Творения: создана (на уровне Иецира), когда соберутся воды, и сделана (на уровне Асия) когда ею будет произведена растительность. Теперь же, в Первый День, Земля творится в Замысле Бога, на уровне Бриа.

Состояние Земли к моменту становления Света описывается во второй фразе, которая начинается не с глагола, а с существительного, что обычно означает: происходящее уже было.

Ве ha арец hайта тоhу ва-воhу ве хошэх аль пней техом.

Понятие «Бытие» как таковое мы получили посредством греческого языка от античного мировоззрения. Ивритское же слово «hайта» — не «быть», а «стать», «выразиться». То есть «Земля стала» — не была, как обычно переводят, а стала — совсем другая энергия мысли, другое восприятие событий и течения времени, другой и смысл.

Исходное состояние Земли — то, какой на уровне Бриа она стала, описывается в двух таинственно звучащих и непереводимых выражениях: «*тоhу ва-воhу*» и «*хошэх аль пней техом*».

В плане эмоциональном «тоhу» выражает состояние предельного изумления и недоумения, связанного с предельной скорбью. Как понятие абстрактное «тоhу» это состояние предельного нестроения и смятения, близкое к полному хаосу. Это тот «материал», из которого строится Мир. Тоhу Земли — максимально приближено к тому «ничего», из которого Бог творит Мир.

Еврейские мудрецы учат, что Бесконечному для возможности творения необходимо Самому сократить Свою Мысль — с тем, чтобы оказалось «пустое» темное место для Мысли Замысла о Мире. Мир, «Олам», по-еврейски предполагает отсутствие и сокрытие Его. Олам — где исчезает Свет, где есть отделенность и отграниченность как таковые. «Ничто», используемое как материал Творения, суть пределы отграничения Света, дающие возможность существования в Обители отделенности. Отграничение Света в пределах и есть образование Тьмы.

«Тоhу» — это, как образно изъясняются мудрецы, зеленая линия (каф), обегающая весь Мир, отграничивающая его от Света, но и заключающая в себе некое внутреннее стремление, Тоhу — хаос и тьма, но и потенция отстройки Мира, его формы. В нашем Мире изначально наличествует ущерб, тьма и хаос. Что подразумевает и само слово Элоким — Бог, дающий Закон и порядок, овладевающий, одолевающий хаос, «тоhу».

Интересно, что форма первой буквы, с которой начинается Тора — буквы «бет», выражает образ «тоhу ва-воhу»*. Начертание «бет» отграничивает некое пространство, открытое с одной стороны и закрытое с трех других; и внутрь этого отграниченного пространства включена какая-то точка.

«Боhу» — простое слово: «бо hу» — «в нем он». В «тоhу» содержится «боhу» — некоторая точка, как внутри буквы «бет». Этот точечный остаток Света во тьме и хаосе и дает возможность осуществления Замысла Бога. Слово «боhу» часто употребляется как восклицание скорби и печали. «Тоhу вавоhу» есть состояние, когда ничего нет, все в потенции, в неосуществленности, в предельном томлении становления, еще без становления самого по себе.

Слово «техом» обычно переводится как «бездна». Но это не совсем точно. «Техом» уже некоторая материализация «тоhу» и отличается от последнего одной буквой «мем», намекающей на «маим», воду. «Техом» — это пучина, заполненная, говоря условным языком материализации, первозданным паром, смешанным с воздухом и рвущимся предельно расшириться во все стороны.

Слова «аль пней», «по лицу», часто в Торе употребляются в значении «против», в положении противостояния и противоборства. Против «техом», рвущейся в пучине праматериальности, наложен «хошэх», Тьма.

«Хошэх» («хосек») — отсутствие и нехватка, нехватка Его Света, Тьма. В общеупотребимом духовном смысле Тьма это то, что сдерживает духовный рост и движение, что убирает Свет, что держит в заключении светлые силы. В Тьме есть мощь. Недаром «хошэх» связано со словом «хозэк», сила. Сила Тьмы воспринимается людьми как злая дьявольская сила. В изначальном Мире, находящемся в состоянии брия, то есть Замысла Бога, это совершенно не так.

Состояние хаоса и смятения Земли, состояние «тоhу», перешло в состояние беспредельно рвущейся во все стороны первоматерии, «техом», на которую наложена сдерживающая сила Тьмы, «хошэх». И тотчас, в этой же фразе дан результат их противостояния: мощь Тьмы остановила рвущееся первозданное правещество, и «техом», пучина стала «hамаим» — «водами» Мира.

Вода — образ изменения и непостоянства, текучести и нестабильности. Вода олицетворяет одно важнейшее свойство Мира — его свойство изменения. Оно уже есть в первородном хаосе и смятении «тоhу», оно переходит от него в необузданность «техом», которая, будучи остановлена под давлением «хошэх», становится «hа-маим» — уже упорядоченной, введенной в пределы духовной стихией Первомира.

И дух Творца (руах Элоким) витает и заботится (мэрахэфет)[2] против вод. «Боhу» — светлая точка внутри первоначального хаоса — превращается в дух Творца, во вселенский дух Небес, расправивший крыла над метаматериальной стихией вод. Изначально Мир строился только на основании «меры Закона», выражаемой в слове Бога. Но Мир не может устоять на этом. И в него впрыснута «мера Милосердия» (мидат рахаим). Символ чего — дух над водою. Если соединить слова «руах» и «маим», то получим слово «рахаим», Милость Бога, действующая против праматериальных стихий. Динамика первых фраз Торы совершенно исчезает при переводе на любой другой язык.

Пророк Ишаия (Исайя) говорит, что «Творец формирует Свет и творит Тьму». Тьма и Свет из Одного высшего Источника. Но Свет есть в Боге до Творения, Тьма же сотворена из «ничего» для того, чтобы создать Мир. В известном смысле Тьма как Начало отделенности и отграниченности производит Мир.

В первую половину Первого Дня Творения Тьма действовала без Света и сделала свое дело. Она предварила выход Света в Мир, но в соответствии с Замыслом Бога не исчезла, а пребывает в Мире вместе со Светом.

Свет и Тьма — антонимы. Свет, «Ор», — то, что вырывается на свободу, освобождается. Близкие слова: «свобода» (херут), «предельная белизна» (хивэр), «пробуждение» к развитию, росту. Тьма же — то, что ограничивает, темнит, сдерживает, препятствует, останавливает, гасит. Тьма и Свет суть два Начала, действующие с разных сторон.

«*И сказал Элоким: пусть станет Свет*» (Б. 1:3).

Бог впускает Свой Свет во Тьму. Свет Изначальный, который в Нем, Он переводит из Себя в Мир, делает Светом этого Мира, Светом сотворенным. Первозданным.

«*И стал Свет. И увидел Бог Свет, что он хорош*» (Б. 1:4).

Есть Смотрящий, и есть то, на что Он смотрит. Бог относится к Свету, как к чему-то уже от Себя отделенному. Свет в Мире — это Свет отделенный от Бога. Этот Свет стал Его «плащом», которым непостижимая сущность Бога отграничена от Мира. Мы даже не можем говорить о Его атрибутах и утверждать, что Он «есть» то-то или (и) то-то.

Слово «тов» — хорошо, добро, благо — понятие нравственное. По первому Речению Бога Свет стал в Мире, и Бог увидел, что этот Первозданный Свет хорош — таков, каким должен стать. Сотворенный Свет соответствен Его Замыслу и Воле. Тому, чтобы Добро могло осуществиться в этом Мире.

«Тов» имеет тут и еще одно значение. После исполнения каждого Своего Речения Бог убеждается, что «это хоро-

*Когда «боhу» становится вторым элементом словесной конструкции, как в этом месте, тогда «бет» произносится как «в».

[2]Слово «мэрахэфет» означает не столько «витает», сколько «существует здесь», «заботится».

шо». Но каждая последующая ступень в Творении в каком-то смысле отменяет предыдущую. И это — хорошо, запечатывает Бог, так и должно быть. Где есть «тов», там проявляется Свет.

Осуществление и разделение — две стадии процесса Творения и его общая схема. Бог увидел, что отменяющий Тьму Свет Мира оказался «тов» и именно поэтому «*разделил* (вайавдаль) *между Светом и Тьмой*». Свет в Мире таков, что он не уничтожает Тьму, но разделяет. «Вайавдаль» — не механическое разделение и не означает противопоставления одного другому, а есть назначение собственной функции для одного и для другого. У Света есть способность возрастания и убывания: Свет приходит и уходит, уступая Тьме.

И Тьма и Свет внесены в Мир, но не для борьбы между собой. У каждого из них своя сфера. Тьма есть в Мире. И Мир выстроен постепенно, Десятью Речениями, а не весь сразу. То, что сотворено (бара) Им Самим, уже не может быть отменено; но то, что оформлено, создано (иецира) и то, что сделано (асия), может отмениться, вернуться к изначальности. Состояние «tohy вавohy» сотворено (бара), а после него — только его изменения. Земля может в принципе вернуться к состоянию «tohy ва-bohy».

В Мире должно совершиться некое Добро, «тов». Но Добро не выдается свыше, а должно осуществляться, должно быть выгружено, шаг за шагом, через рабочее преодоление, в Пути. Все в Мире, и более всего человек, есть Путь, прокладываемый в условиях отграниченности и индивидуализированности. Само состояние в пределах отделенности — от Тьмы, без которой, следовательно, нет Пути. Мир создан не на уничтожение Тьмы, а для путепрохождения Света во Тьме. Вместе с Изначальным Светом Тьма существовать не может. Первозданный же свет Тьму не уничтожает. В таком приливно-отливном процессе свое время Свету и свое время Тьме, темноте, тени.

«И назвал (ваикра) Бог Свет днем, а Тьму назвал ночью» (Б.1:5).

Есть два способа сказать «и назвал имя». «Ваикра эт» — дал новое имя, назвал впервые. В первой главе книги Бытия Элоким называет день, небо, землю другим способом: «ваикра ла», что означает: «добавил функцию» или, точнее, «и позвал» (позвал, называя); или, еще вернее: «и призвал Элоким» Свет исполнять функцию Дня, а Тьму призвал исполнять функцию Ночи [3].

Б. 1: 6-7

Что значит «День» (йом) и «Ночь» (лайла)? «День» связан на иврите со словами «встать», «подняться»; это пора действия жизни. Ночь, «лайла» — время, когда все сворачивается («луль»), уходит в себя как «лула» (петля). Причем сама длительность «дня» или «ночи», конечно, не имеет значения. «День» и «Ночь» — разные стадии, стадия Света и стадия Тьмы, стадии прилива и отлива Света, подъема и спада жизни, активности и пассивности, разворачивания и сворачивания работы духа. Смена Дня на Ночь и Ночи на День всегда и везде есть в Творении. Мир в целом и по частям — приливно-отливный процесс. Эта волна создана и задействована сразу же, в Первом Дне Творения. Тьма — приготовление к утру.

«И был вечер (эрев) *и было Утро* (бокер); *День один»* (Б.1:5)

«Эрев» от корня «арав» — это тогда, когда все вещи смешиваются, сливаются в одно. «Бокер» — когда вещи вырываются на свет, обретают свое лицо. Первое предшествует второму. Вечер и ночь — время темноты — есть преддверие к выходу на Свет, и, глобально, и каждодневно. Движение же от вечера к утру ведет ко Дню.

II.
ЗЕМЛЯ

Слово «Берешит» (с большой буквы, как оно и пишется в качестве первого слова Торы) указывает на существование изначального Плана, который есть действующая сила Творения. Этим Планом, этой Своей Мыслью, этой «решит» Элоким сотворил Небо и Землю. Как же изначально, в Его Плане соотносятся Небо и Земля? В цельной картине еврейского миропонимания есть две традиции, две глобальные линии, дающие разные ответы на этот вопрос. Одна из них восходит к дому учения Гиллеля, другая — к дому учения Шамая. Эти великие мудрецы жили в конце I века до н.э., и, как говорится в трактате «Авот», вели «спор во Имя Всевышнего».

Тора огласована и разделена на слова нашим восприятием. Принципиально говоря, текст Торы можно читать не так как мы привыкли. Буквы первых двух слов Торы для Шамая слагаются не в слова «Берешит бара», а в слова «Бара ше итбара» — сотворил, чтобы перетвориться. Таков замысел Бога по Шамаю. Центральное место в этом Замысле принадлежит Небу. Все земные дела важны поскольку, поскольку они служат Небу. «Небо — Престол Мой, — сказано у пророка Ишайи (Исайи) — Земля же — подножье ног Моих» Сначала делается Престол, учит Шамай, а затем — скамейка для ног. Небо по Шамаю сотворено во Второй День, а «tohy ва-bohy» Первого Дня есть то «ничто», из которого творит Бог.

Смысл творения по Гиллелю в том, что Бог строит Свой Дом. «Tohy ва bohy» по Гиллелю есть начало создания Земли как Дома Бога. Небо, учит Гиллель, покоится на земном Доме. И проявление Бога в Мире соответствует тому каков этот Дом, строящийся на Земле.

Разумеется, в такого рода расхождении («маклохет») нет неправого. Напряженность однозначно нерешаемой проблемы так и остается навсегда. Однако конкретное жизнепрохождение должно иметь четкое мировоззрение и опираться на что-то одно. На сегодня еврейский мир живет не по Шамаю, а по Гиллелю. Но, уча Тору, мы видим, что целостный процесс Творения идет как бы по дуге и имеет две ветви нисходящую — от Неба к Земле и восходящую — от Земли к Небу. В какой-то точке первая переходит во вторую. Повествование же о шести Днях Творения ведется по первой, нисходящей ветви, от Неба к Земле.

Каждая последующая стадия в шести Днях Творения подытоживает предыдущую и без нее невозможна. Состояние хаоса и смятения (tohy) в Первый День Творения превращено в состояние «хошэх аль пней tehom», Тьмы против пучины. Первозданная пучина, tehom, заполнена рвущейся к беспредельному расширению праматерией, укрощена силой хошэх, Тьмы. Во Второй День Творения эта укрощенная пучина преобразуется.

Творение осуществляется Речениями Бога: «Вайомер Элоким», «И сказал Бог«. Слово «вайомер» (и сказал) на языке Торы — всегда сказал кому-то. Первое Речение вывело Свет в Мир и обращено к Источнику Света, к Самому Себе. Второе Речение, Речение Второго Дня Творения, обращено уже к Первозданному Свету.

«И сказал Бог: Пусть станет «ракиа» внутри вод (ha маим) *и да разделит между водами и водами* (бейн маим ла маим)» (Б. 1:6)

«Ракиа» — облицовка чего-то и разделяющая кромка — есть дальнейшее выявление в Мире начала отделенности. Ракиа разделяет разные миры, в том числе мир материальный от миров духовных. Свою ракиа имеет и Земля и Космос и вся наша Вселенная. Во Второй День ракиа устанавливается «внутри вод», вод уже известных, с определенным артиклем (hамаим) — вод tehom, первозданной пучины. Эту ракиа, которая разделяет не в пространстве, а по сущности вод, создает Свет, к которому обращено Слово Бога. Под действием Света и при помощи ракиа воды tehom разделяются на какие-то «воды и воды», «маим ла маим», без определенного артикля. В следующем стихе эти однородные воды превращаются в разные воды: «ha маим» над «ha ракиа» и «ha маим» под «ha ракиа» — на «верхние» и «нижние» воды. Разделение на воды произведено некоторой определен-

[3] Сам Господь Бог «называет имя» только шесть раз: «Ночь», «День», «Земля»,»Небо», «Авраhам», «Исраэль».

ной (с определенным артиклем) ракиа.

Творение разделяется, сжимается, индивидуализируется. Запущен процесс, в соответствии с которым «воды» идут вниз (к Земле или ракиа), что-то отдают и поднимаются обратно. И ракиа и Земля получают, чтобы отдавать. Разделение в Творении необходимо для того, чтобы было это получение и отдавание. Все в Мире разделено: получает и отдает. Наш Мир создается и гармонизируется этим.

«Воды» второго Речения нельзя, конечно, понимать буквально. Язык Торы органически ассоциативен. «Шамаим» (небеса, небесное) ассоциативно связано с «са маим» (несущий воду), с «шам маим» (там вода), с «шем маим» (имя воды) и, наконец, с «эш маим»:

огонь-вода; «огонь» — Его мощь, «вода» — Его благословение. Небо — та область Творения, в которой «вода» и «огонь» существуют как единое целое. Сам язык указывает на близость понятий неба и воды.

В метаматериальном прамире ракиа произвела сущностное разделение «вод». Нижние воды — возникшая из tohy изначальная стихия материальности, ее субстрат, из которого затем образуется Земля. Верхние воды — воды «небес», содержащие в себе bohy, потенциально несущие от Духа Творца небесное благословение, без которого существующее существовать не может[4].

«И призвал (вайкра ла) *Элоким ракиа стать небом; и был вечер, и было утро — День Второй»* (Б. 1.8)

В Первый День земное и небесное сливалось. Во Второй День земное локализовалось, выделилось из Творения, обрело свою верхнюю границу, свою ракиа. Бог призвал ракиа исполнять функцию неба для Земли — быть ее небосводом. В знакомом нам мире небосвод пропускает через себя на Землю различные излучения Вселенной и преломляет их — иначе живущему нельзя пользоваться этим «светом». То же и в духовной реальности. Духовное Небо, через которое идет Свет, не есть, собственно говоря, Его Небо, а есть ракиа Неба, через которую к нам приходит Свет Его. На пути Первозданного Света к нам установлена некая преграда, произведенная Светом, но ограничивающая поступление этого Света.

«И стало так»

— то есть так, как продолжает быть, как есть теперь. «Кен» (так) — то, что не изменяется.

Во второй День Творения Земля и Небо разделились и определились. Второй День есть День разделения и потому про него не сказано «ки тов», это хорошо. Нижнее отделено от верхнего, но работа не закончена.

Третий День Творения работает только с нижним, с ограниченной небосводом Землею.

«И сказал Бог: Пусть соберутся (йкаву) *воды из-под неба в одно место и появится твердь. И стало так»* (Б. 1:9)

Тут менее всего имеется в виду собирание воды в водосборник. Слово «йкаву» употреблено в значении приданного нижним водам стремления течь и собраться в одно место. Ограниченные первозданным небосводом летучие воды tehom по слову Творца разом устремились вниз, излились вселенским ливнем и собрались внизу. Таким образом в пространстве нижних вод образовались области океана (воды), неба (воздуха) и суши (земли).

«И назначил Элоким суше быть Землею, а скоплению вод назначил быть морями».

Земля в Третий День Творения еще более сужается — до суши. Затем скопление вод мирового океана разделяется на моря, разрезающие сушу на континенты, образующие множество самых различных климатических и географических зон. Различные зоны обитания создают благоприятные условия для своеобразного развития будущих обитателей Земли.

«И увидел Бог, что это хорошо» (Б.1:10)

— хорошо для Его Замысла, для всего живого и, более всего — для человека, которому надлежит индивидуально развиваться, проживая в разных местах Земли.

Следующее Речение Бога, как и предшествующее, обращено к Земле и повелевает ей отравяниться (тадше). Земля исполняет это Речение, но по-своему. Сопоставим повеление Бога Земле в 11 стихе и исполнение его ею в 12 стихе.

Элоким предписал Земле произрастить:

однолетнюю траву, зелень — «дешэ»;

многолетнюю траву, подымающуюся над Землею и сеющую семя на нее — «эсев мазриа зера»;

дерево («эц») плод («при»), делающее плод («осе при») по роду его («лемино»), семя в нем («ашер заро бо») на земле («аль hа арец»). Это все та же схема разделения и получения-отдавания.

Земля же вывела («тоце») из себя:

однолетнюю траву «дешэ»;

семеносную траву («эсев мазриа зера») по роду ее («леминэhу»);

дерево, делающее плод («эц осе при»), семя в нем («ашер заро») по роду его («леминэhу»).

«И стало так» — так, как есть сейчас, но не совсем так, как предписано в четвертом Речении Бога.

Земля вывела из себя деревья, которые делают плод, — у которых растет ствол и ветви, которые цветут, опыляются, на которых завязываются и созревают плоды, несущие в себе семена по роду семени. Сказано же было Земле произрастить «дерево плодовое», дерево-плод, в котором его растущая часть и есть часть плодовая, которое само есть плод по роду дерева, семя которого на земле (а не в плоде на ветвях). Нужно ли так задуманному дереву-плоду цветение и опыление? Погибает ли оно по созревании плода и семени? Как понимать, что «семя в нем на земле»? Почему плод, а не семя, должен быть «по роду»? Как выжить дереву, у которого его главная растущая часть насыщена вкусом плода и которую съедят? Множество вопросов... Но Творец видел, что произвела Земля и сам признал, что «это — хорошо», то есть может соответствовать Его Замыслу. Следовательно, та тенденция Творения, которой следовала Земля, по сути верна. Хорошо бы уловить эту глубинную тенденцию в Творении.

Но прежде подумаем, как могла Земля ослушаться Речения Бога? Откуда у нее такая свобода?

Творцом творятся не предметы, вещи или частицы, а меры и законы, управляющие предметами, вещами, частицами. Земля — не глина, а овеществленное Слово Бога, то есть отдельное и, следовательно, в какой-то мере самостоятельное духовное существо. Нельзя сказать, что она — «живое существо», она, как говорят про нее, «домем», молчащая. Но к ней можно обратиться, с ней можно общаться. Земля слышит, воспринимает, реагирует. Разумеется, у нее нет той свободы ослушаться Бога, которой наделен человек, но у нее есть способность активно воспринимать властные духовные сигналы, по-своему улавливать тенденцию волящего Речения и по своему разумению исполнять. Земля — не машина и не орудие, а исполняющее духовное существо, не могущее не исполнять, но способное исполнять по-своему.

Что же сделала Земля? Она произвела еще одно, дополнительное разделение, отделила плод дерева от самого дерева, превратила дерево, само вызревающее как плод с семенем, в делающее плод дерево, на котором образуются, созревают и отпадают плоды. В первом случае дерево, чтобы возродиться вновь, скорее всего, должно было все погибнуть. Во втором случае дерево, возрождая себя через плод, остается жить и может плодоносить много раз. С естественно природной точки зрения это целесообразнее, но нам важно не это, а то, что

[4] В земной реальности, на которую проецируются процессы духовного мира, также есть разные воды небесные, разные дожди: дождь «гешем», питающий почву влагой из атмосферы, и дождь «матар», струи которого очищают душу, восстанавливают ее, несут благоволение; в водах этих дух Творца, руах Элоким. Дождь «матар» изливается не в результате природных процессов на планете.

тут изменился сам принцип воспроизводства, по которому родительское дерево живет в одно время с потомством.

Дерево-плод обязано было производить только работу по созреванию самого себя как плода. Дерево, делающее плод, производит всю работу семятворения по схеме: рост — зачатие — вызревание — роды. Видимо схема эта, эта идея особенно важна в Замысле Творения. Такова мистическая стратегия роста и плодоношения: материнское дерево продолжает жить, расти, цвести, плодоносить, а его плод по созревании должен опасть, дабы начать новую самостоятельную жизнь — жизнь нового дерева... Мы не раз вспомним об этом принципе.

Еще одно самовольство Земли состоит в том, что она вывела семяносную траву по роду своему. Тем самым Земля распространила закон лемино на все, что сеет семя.

Закон лемино, то есть заложенный в Природе закон разделения и несмешения видов, есть один из основополагающих законов всего живого на Земле. Чем выше существо, тем жестче его ограничения на «мин», вид, род. Справедлив закон лемино и для духовной жизни. Любое живое существо, и человек в том числе, способно полнокровно служить Богу, только если оно исполняет закон лемино, не выходит за назначенные ему границы рода. Одна из главных причин Потопа состояла в том, что закон лемино нарушался на Земле. Тора в некотором смысле это закон лемино для Исраэля.

Человеку кажется, что он улучшает природу, скрещивая виды трав, деревьев, животных. Этим он, конечно, добивается большего урожая или особого вкуса или изменения определенных качеств животного, но, добиваясь утилитарных целей и нарушая закон лемино, современный человек не сознает, что он портит саму живую плоть Земли, в том числе и свою собственную плоть. Закон лемино фундаментальнее любого экологического закона и его нарушения наверняка тоже фундаментальны. Это людям еще предстоит понять.

Человеку закон лемино дан как свободно волящему существу. «Мин» на иврите не только «вид», но и «пол», и «секс». Человеческие запреты лемино это половые запреты.

Самоуправство Земли не могло не иметь и непредусмотренных отрицательных последствий. Распространив принцип воспроизводства животного мира на растительность, Земля тем самым ввела стихию либидо в биологическую основу всего живущего. Необоримость этой стихии особенно чувствует в себе человек. Но усиление либидо плоти опасно, по-видимому, и для всей Природы. Поэтому-то закон лемино не только расширяется и ужесточается Землею, но и вводится вглубь — к самому семени, которое в плоде становиться по роду своему.

Вечером Третьего Дня Земля сжалась в сушу и раздробилась на множество мест. На утро Третьего Дня Земля вывела из себя растительную жизнь, свершилась как место обитания, перешла в новое и высшее качество существования.

Утверждая сотворенное или созданное Им, Бог видит, что «это хорошо». Что не означает, что в Днях Творения нет изъяна. В каждом из Дней Творения есть свой ущерб, но этот допущенный Творцом ущерб входит в цельную картину Творения, ведущую к человеку: ущербы Творения продуктивно работают для исполнения человеком его назначения. С этой точки зрения виден и произведенный Землею ущерб Третьего Дня.

Солнце, Луна, звезды как духовные сущности созданы в Первый или Второй Дни Творения. В Третий День они заключаются в ракиа Неба. В Четвертый День некоторые из этих сущностей (или существ?) приспосабливаются к Земле, овеществляются и становятся «светилами», «мэорот».

Слово «мэот» обозначает не источник света и не сам свет, а то, что излучает свет, получая его извне, из светоносного источника. «Мэорот» предполагает присоединение света к светилам и пропускание света через них. Светила небесные получают Свет от Неба и, как посредники или проводники, отдают уже ослабленный Свет на Землю, освещают ее.

Какова собственная запредельная функция светил как духовных существ нам явно в Торе не сказано и вряд ли здесь должно нас занимать. Нам важна их функция для Земли. Мы видим над собою звездное небо, которое служит нам знаком о Нем. Светила устанавливают сроки и моменты для встречи Бога и человека во времени. Само время вошло в Творение в Первый День, вместе с приливно-отливной волной Света и Тьмы. В Четвертый День с помощью светил создаются Циклы земного физического времени: года, месяца, суток.

Слово «мэорот» написано в стихе 14 сокращенно (без буквы «вав») и в таком виде обретает смысл чего-то недоброго и грозного. Мэорот управляет физическим временем и в них умерщвляющая сила времени, времени ставшего, неумолимого. В этом состоит ущерб Четвертого Дня Творения.

Есть связь темы Четвертого Дня с темой Третьего Дня. Природная работа дерева, неоднократно «делающего плод с семенем» куда полнее, сложнее и многограннее, нежели работа дерева-плода. Дереву, делающему плод, как и всем созданным потом живым существам, вынашивающим плод, нужно свое время и своя определенная длительность времени, свои моменты и сроки для прохождения всего цикла воспроизводства потомства. Этот цикл жестко включается в цикл земного времени, заключается в него и им размечается. Всему растущему определен срок жизни, но этого мало: все этапы роста и жизненной работы определены на графике собственной временной дистанции всякого дерева или животного, которое живет по закону лемино; и в дистанцию эту ему необходимо уложиться. Всему живому по роду его дано нормативное расписание жизнедеятельности. И нельзя уклониться от этого расписания. Этим, наверное, достигается максимальный динамизм жизнепрохождения земных существ в условиях физического времени.

Стратегическая модель роста одна и та же в единстве всего Творения. Так что все сказанное справедливо не только в отношении живого тела, но и для живой души, и для живого духа на Земле. Всем душам, и особенно душам людей, задан график путепрохождения жизни. Душе, как и телу, нельзя останавливаться в росте. Тут закон для тела и назначение человеческой душе и духу. Каждому возрасту тела соответствует своя полнота созревания души, которую необходимо достичь. И чем дальше по жизни, тем спрессованное становится время. Выполняя свое назначение, душе нельзя остановиться, отстать, не состояться в срок. Сошел с дистанции — и не исполнил своего назначения. В этой спрессованности физического времени и его привязанности к расписанию духовного роста души — драматизм нашей душевной жизни, совершающейся в постоянном напряжении, на пределе сил и возможностей человека, которому всегда грозит опасность не успеть, не состояться в жизни. Но не будем протестовать. Завершив творение Четвертого Дня, Бог подтвердил его: «ки тов», это — хорошо.

III.
СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

1

В Третий День Творения образована суша, воздух и вода. В Пятый День Творения вода и воздух заселяются живыми существами.

«И сказал Бог: да воскишат воды (йишрэцу ha маим) кишащими живыми душами (шерэц нефеш хая) *и птица полетит по лицу небосвода»* (Б. 1:20).

Что такое «шерэц нефеш хая»?

«Хая» — сама жизненность, та особая энергия, которая заряжает жизнью тело, делает его живым существом, то есть тем, кто обладает чувством жизни, кто знает жизнь в себе и способен переживать ее напряженную динамику. «Хая» — жизненное движение и жизненаполнение, способное избирательно воспринимать и отталкивать, различая, что хорошо для жизни того или иного существа, а что дурно. «Хая» — само по себе динамическое побуждение жить, властительное желание обладать благом жизни как таковой и стремление к большему обретению и сохранению блага жизни.

«Нефеш» — душа, то самое, что каждое живое существо знает в себе как центр себя, то, благодаря чему оно сознает себя со своим телом единым, целостным и выделенным из всего остального. Нефеш содержит сознание единичности существования, выделенности из Всего и своей отграниченности от другого и других. Слово «нефеш» связано со словом «нафац» — вырваться, отделиться, оторваться. В отличие от растения, корнями накрепко связанного с почвой, живое существо оторвано от земли и обладает большей свободой проживания. В нефеш есть это сознание оторванности, отделенности — составная часть сознания «я».

«Нефеш хая» — живая душа. И растение живет, но только жизнью плоти. Живое существо живет еще и *душевной жизнью,* то есть, переживая чувствосознание «я», желает и не может не желать блага «я», стремится к увеличению наслаждения жизнью в «я» и избегает страданий жизни. В этом основополагающем желании и стремлении «я» живого существа — движущий мотив его жизни в каждое мгновение ее.

«Шерэц» — своего рода наименьшая частица, обладающая нефеш хая. Это всякая мелкая кишащая тварь, которая бегает (рац), обладает независимым движением: мухи, муравьи, жуки, рыбы и рыбешки.

В следующем стихе (Б. 1:21) второй раз в Торе звучит слово «бара», творение. Творение живых существ, как и творение небесного и земного, есть творение из ничего. Напомню, что «бара» и «йивра» (сотворим) — это еще не делание («асия») и не создание, формирование (йецира), а порождение Замысла Творения.

Элоким породил в Замысле всевозможные виды живых душ, долженствующих обитать по родам их в водах и воздухе. Воплотить этот Замысел — работа Земли.

Но кроме нефеш хая Элоким сотворил в Замысле еще какие-то загадочные существа — *«эт ha таниним ha гдолим»*. Слово «гдолим» (огромные или великие) звучало выше, в стихе 16, где оно понадобилось для характеристики великих светил Земли — Солнца и Луны.

«Танин» (от корня «нун» — производить потомство) — слово загадочное, в значение которого веками пытаются вникнуть мистики. Это не какое-либо отдельное существо, а то, что существует на уровне «Бриа» и оттуда управляет всем царством живых существ —то, от кого в мистическом смысле производится (как потомство —»нун») это царство. На такое понимание намекает и слово «эт», стоящее перед ha таниним, с определенным артиклем.

«И благословил их Элоким, сказав (лемор): *плодитесь и множтесь* (пру у-рву) *и наполняйте воды в морях, и птицы да множатся на земле»* (1:22)

Благословить (йиварэх) их — положить в них закон и соответствующее ему влечение жизни. «Лемор» (сказав) — от слова «амар» — имеет особый оттенок и предусматривает необходимость незамедлительного и безоговорочного исполнения данного благословлением закона и влечения. Но это не голое и самодостаточное стремление к удовлетворению. «Множтесь» («рву») предписывает заботу о потомстве, без чего нет и увеличения числа, умножения.

В Пятый День заселялись воды и воздух. В Шестой День Творения заселяется Земля.

«Пусть выведет Земля из себя: душу живую породу (нефеш хая лемино)», существа, которые называются *«бehема»*, пресмыкающихся и зверей земных по их роду. (1:24)

«Бehема» — важное и интересное слово. Это не зверь («хайто эрец»), а совершенно другое животное, приписанное к человеку, по самой своей природе; оно для человека «бама» — то «подножие», на котором он в своей повседневной жизни и работе может надежно опереться. Оказывается, среди животных есть такие особые виды — неважно, в диком они состоянии или одомашнены — заранее предназначенные быть человеку «бама», поддержкой. Бehема призваны освобождать человека от природного тягла, облегчать его труд, давать ему досуг для духовной жизни. В известном смысле человек становится человеком, опираясь на бehема, которые подключены к человеческой душе не в результате умелой дрессировки, а своей нефеш хая.

В этой связи становится понятно, что имеется в виду под «нефеш хая лемино» Шестого дня. Животная душа как таковая создана на Пятый День. Здесь же, в Шестой День Творения делается уже **животная душа человека,** к которой подключены души животных — друзей человека, нефеш бehема.

Особо отметим, что животную душу человека, как и дерево, выводит из себя Земля.

«Эти (эле) *порождения* (толдот) *неба и земли* (ha шамаим ве ha арец) *в сотворении, их* (бе-hибарам) *в День Делания* (бейом асот) *`Га-Шем Элоким земли и неба* (эрец ве-шамаим)» (Б.2:4).

Кажется, во всех переводах Торы на русский язык слова «эле толдот» переводятся: «вот происхождение» или «вот родословие». В таком переводе получается, что этот стих подытоживает Творение. Но здесь нет слова «hине», «вот». Слово же «эле» всегда обозначает то, что нацелено вперед; «эти» — не те, которые были, а те, которые будут. Под словами «эле толдот» подразумевается начало нового, новое порождение. Попробуем разобраться, что нам здесь сказано.

Начнем с глагола «бе-hибарам» — в (при) сотворении их. Это пассивный инфинитив, указывающий на пассивность производящего действие. Грамматически на пассивный залог указывает стоящая тут буква h — маленькая. Человек, который невнимательно смотрит в текст, не заметит эту уменьшение написанную букву «хей». Без нее «бе-hибарам» превращается в «бе-браам» — «при творении их». Различие существенное. Во втором случае небо и земля творят свои порождения сами; в первом — эти порождения творятся вместе с небесным и земным.

«Порождения неба и земли» в стихе четвертом не есть то, что творится небом и землею. Нет божеств под названием «небо» и «земля», которые творят. Небо и Земля участвуют в этих порождениях пассивно — теми законами, которые заложены «в сотворении их» Творцом.

Есть люди, видящие в Мире только «толдот», его произведения, которые Мир производит сам, «бе-браам». Смотря на Мир, люди эти не видят в нем Творца его, не замечают букву h-маленькую в слове «бе-hибарам». Мудрецы (хохамим) несколько перестраивают это слово и говорят: с помощью «хей» Он сотворил [5]. Авраhам (Авраам), у которого впервые открылись глаза, который первый, сам, узрел в Мире Хозяина и Творца, обрел тем самым в своем имени букву «хей», сделавшую Аврама Авраhамом.

В некотором глубинном смысле буква «хей» — символ этого мира. «Хей» в языке — даже по форме начертания — специфически женская буква. Она обозначает женский род. Мир, который Он сотворил, все Им сотворенное — женское, оно женственно. Потому-то Мир (небесное и земное) порождает пассивно и порождает то, что в него вложено при сотворении. Мир, который мы воспринимаем и сознаем, это Мир, **в котором что-то рождается.** На это и указывает слово «толдот», порождения.

Смысл разбираемого стиха в том, что грядут порождения, которые предусмотрены в самом сотворении Неба и Земли. Земля, Природа, весь животный мир уже сотворены в Дни Творения. Пришла пора нового нарождения Неба и Земли — человека, Адама, людей. Про них сказано: «эле толдот», эти порождения.

Заметьте, что в создании человека участвуют вместе и Небо и Земля, и «верхние» и «нижние». Человек — их совместное, хотя и пассивное, произведение. Восьмое Речение Бога, о котором столько разговоров и в котором Он предлагает: «создадим человека по образу Нашему, как подобие Наше» — не должно смущать множественным чис-

[5] Произнесение буквы «хей» не требует усилий; это — придыхание. Так же, без труда и усилий, и Бог творит Мир.

лом. «И сказал» восьмого Речения обращено к Небу и Земле, к женской природе Мира, которой предлагается по образу Нашему — то есть и мужского начала Всевышнего и женского начала Мира — создать человека. Человек порожден и несет в себе и Всевышнего, и Небо, и Землю.

Чрезвычайно важно, что именно в этом месте впервые в Торе вместе с именем Элоким поставлено непроизносимое четырехбуквенное Имя Всевышнего. На русский язык оно переводится словом Господь. Евреи же говорят «`ГаШем» (или `Гашем) — Это Имя. В отличие от всего ранее созданного, созданного Элоким, человек порожден `Гашем Элоким, Господом Богом.

Что означает Это Имя с языковой точки зрения? В европейской традиции Оно переводится как «Сущий», чем подчеркивается вечное и непрерывное Бытие Всевышнего. Корни такого понимания и в греческой онтологии и в позднейшем религиозном мировоззрении, но не в Торе.

Из употребления в Торе Этого Имени видно, что оно есть Собственное Имя Всевышнего. Как всякое собственное имя в иврите имя `Гашем не может употребляться с определенным артиклем; а имя Элоким — может.

Корень Этого Имени в сущности означает не столько «Бытие» (как часто понимается), сколько «Становление». Слово это поставлено в особой языковой модели, указывающей на интенсивное переходное действие. Это глагол, который стоит в будущем времени, но в таком будущем времени, которое обозначает переход к будущему. В первом приближении значение Имени: Осуществляющий и Дающий новое Бытие. `Гашем — **Становящий Бытие** — Тот, который приходит не продолжать, а обновлять Мир, даже и тогда, когда в предыдущем нет для этого оснований.

Мы уже говорили, что Элоким это Творец и Судья Мира, Единый Источник всех сил Мира. Он дает Миру «меру» (аспект, качество) Закона — «мидат hадин»[6]. `Гашем дает Миру «мидат hарахамим»,что точно перевести невозможно и что условно на русском языке передается как «мера милости». Но дело тут не в милости или милосердии Всевышнего.

До создания человека Творение велось только Элоким. Теперь в Творение вводится новый фактор — **свобода** человека, который сам свободно решает созидать ему или уничтожать созданное. Так вот, работа Всевышнего со свободой человека всегда делается «мидат hарахамим» (от слова «рэхэм», рожающее чрево). Эта работа для рождения, в видах того, чтобы состоялся Замысел нового рождения в Творении. Человек способен идти против этой задачи Бога, срывать ее исполнение. В результате его действий Творение могло бы потерять смысл. Но `Гашем в ответ ему производит такое обновление существующего, которое направляет и исправляет содеянное свободой человека.

Элоким ведет и управляет как закон; `Гашем — ведет Творение дальше по назначенному Им Пути, выправляет, обновляя его, когда нужно. `Гашем может аннулировать поступки и дела, которые свершились своевольно, не по Его Воле, против Его Воли. И в этом смысле Он являет «милость» рожающего.

«Сущий» сотворил и в блистательном великолепии удаляется вечное Свое Бытие, в Свою глубочайшую онтологическую природу. «Становящий» (а это русское слово гораздо менее энергично, чем `Гашем) обновляет и исправляет Мир, творит новый Мир и Ему есть дело («ихпад») до всего, что происходит в этом Мире.

`Гашем Элоким, Господь Бог — Тот, Кто осуществляет специальный присмотр за тем, что происходит на боевом участке Его дела в Творении. `Гашем Элоким осуществляет Божественный Присмотр(«hаш-hаха») за работой Творения.

Именем Всевышнего `Гашем признается только в иудаизме. Имя `Гашем полностью раскрывается в Истории только тогда, когда создается народ Израэля. Вся история Израэля основывается на Этом Имени и есть раскрытие Этого Имени. В имени Элоким, в Природе и Законах Мира, нет достаточной опоры для Израэля. И из законов Истории не вытекает существование евреев, более того, оно противоречит им. Создание и продолжение существования народа Израэля коренится только в имени `Гашем. Поэтому `Гашем всегда связан с историей Израэля. И впервые вполне проявляется при Исходе.

Элоким действует в Днях Творения. `Гашем Элоким действует в День Делания, «йом асот», на который указывает разбираемый стих Торы. Нам еще предстоит говорить о Дне Делания, в котором мы и живем. Сейчас отметим чем День Делания отличается от остальных Дней Творения.

Сказано: *«бе-йом осот `Гашем Элоким эрец ве-шамаим* — в День Делания Господом Богом Земли и Неба. Как в первой главе книги Бытия, так и в первой части этого стиха было сказано о сотворении Неба и Земли; здесь же, в День Делания — наоборот: Земли и Неба. На этом обстоятельстве более всего и настаивал Шамай.

В Днях Творения Небо и Земля с определенным артиклем — наше Небо и наша Земля. В День Делания Земля и Небо без определенного артикля. Речь идет тут не об этой Земле и не об этом Небе, а о том, про что сказано у пророка: *«Я делаю новую Землю и новое Небо»* — другую Землю и другое Небо. С возникновением человека начинается процесс претворения небесного и земного.

Напомним, что уже говорили: творение идет от Неба к Земле (арец), претворение или становление идет от Земли (эрец) к Небу. И это не обратный процесс, а две половины одной дуги: первая, нисходящая половина от Неба к Земле, вторая, восходящая половина от Земли к новому Небу. Это новое Небо теперь начинает зависеть от Земли.

В Днях Творения строился Престол Всевышнего. В День Делания начинается, как и учил Гиллель, строительство Его Дома. Престол Всевышнего религиозно переживается в чувстве благоговения, в чувстве экзистенциальной пропасти, лежащей между человеком и его Создателем. По этому чувству человеку невозможно обратиться к Творцу, обратиться с молитвой, с просьбой, обратиться «на ты». Дом Всевышнего, который воздвигается в День Делания, предполагает совершенно другое религиозное отношение к Нему. Тут доминирует не религиозное ощущение Кого-то предельно (запредельно) величественного и недоступного, но —аhава, любовь, любовь к Богу.

Итак, идет описание «йом асот», Дня Делания. Читаем дальше, стих пятый главы второй:

«И всякое (вехоль) *произрастание* (сиах) *поля* (hа садэ) *еще не* (тэрэм) *будет* (иhе — будущее время) *на земле* (арец) *и всякая трава поля еще не* (тэрэм) *выросла, потому что не пролил дождем* (hимтир) *Господь Бог на землю* (hа арец), *и человека нет работать* (авод) *землю* (hа адама)» (Б.2:5).

О каком дожде идет тут речь? Не о природном дожде-гешем, идущем от нижних вод, а о дожде-матар — от слова «мата», вниз, спускаться — идущем от верхних вод, откуда и осуществляется Присмотр Господа Бога. Мудрецы говорят, что ключи от дождя, как и ключи от рождения, не переданы посредникам или посланникам, а находятся в руках Всевышнего. Дождь-матар — не просто вода с неба, этот дождь связан с действиями человека и зависит от того, что в духовном смысле происходит с ним. Символично, что земля Израэля получает воду не от реки, как земля Египта, а от дождя.

Есть отношение человека к Земле и есть отношение Всевышнего к человеку,

[6]Буквы иврита используются в качестве цифр. Один из способов толкования слова — прочтение его числом, как суммы цифр. Это называется гиматрией слова. Числа — одна из основополагающих характеристик функционирования в Мире. Сопоставление гиматрий слов бывает продуктивно. Слово «Элоким» имеет ту же гиматрию, что и слово «Тева», Природа — важный намек для уяснения значения слова Элоким.

работающему на Земле. Нет человека (адам) работать (лаавод) землю (ha адама) — нет и дождя-матар от Него на Землю (ha арец). «Авода» — не труд (амаль), а работа, в которой человек отказывается от себя и служит другому — Земле ли, или Тому, Кто дает ему работу. Авода — работать как служить. Нет рабочей службы человека на земле — нет матар от Всевышнего, — а потому «еще не будет» (тэрэм ihe) произрастать трава поля.

Растительность выведена Землею на Третий День Творения, но вот наступает День Делания и сам по себе ее рост уже не нужен, пока «еще не будет» человека работать Землю.

Слово «сиах» — плотское произрастание — употребляется и в другом значении. В духовном смысле «сиах» это определенный род обращения человека к Богу, Иногда это слово переводят словом «медитация», но не в восточном смысле самопогруженности сознания, а как та сосредоточенность и отрешенность, с которой Ицхак (Исаак) выходил работать в поле (садэ), чтобы обратиться к Богу.

Земля (адама), чтобы окончательно пробудиться в Мире, должна проявиться в поле — стать почвой. Поле для Ицхака — там, где он сеет, где он молится, где беседует с Богом. Жизнь в поле Земли есть для него религиозное действие и духовный опыт. «Сиах» — это такое действие, в результате которого возникает плод, пусть и невидимый.

Значение слова «садэ» (поле) — нечто среднее между значениями двух слов: «шад», грудь, материнская грудь и «цайд», ловля.

«Шад» — естественное кормление грудью; «цайд», как всегда показывает буква «цади», есть в каком-то смысле неестественное кормление посредством ловли; «садэ» — некоторая середина: та часть кормилицы земли, которая потому-то и называется «полем», что она питает человека только при условии, что он ее обрабатывает (кстати, лингвистическая цепочка: «ш» — «ц» — «с» на иврите ведет от полюсов к середине).

Слова «авода» (рабочая служба), «сиах» (обращение к Богу в духе) и «садэ» (поле, питающее от работы на нем) вместе заключают в себе глубинный смысл Дня Делания.

Господь Бог готовится создать существо, с которым можно общаться и которое способно обращаться к Нему с тем, что по-еврейски называется «тфила» и что на старославянский язык точно переведено словом «молвить», совершать молитву. Молитва — это не просьба, а определенное состояние души, в котором человек выносит Богу свое сознание и, вместе, свое служение Ему. Богу нужен некий «другой», который способен обращаться к Нему.

Не может быть — в духовном смысле «еще не будет» — произрастания поля (сиах садэ) и ничего не вырастет на Земле (арец) в День Делания, пока нет человека, нет его духовной работы и его работы на земле (ha адама), благословленной от высших вод.

Следующий стих, шестой, продолжает предыдущий, но как бы раскладывается на две части:

«И пар (эд) *поднимается* (йаале — будущее время) *от Земли* (ha арец)» — вот первая часть; и вторая часть: *«и напоил* (hишака —прошедшее время) *все лицо земли* (ha адама)».

Строение первой части фразы указывает на то, что слово «эд» мало понимать в смысле материального пара, посредством которого происходит орошение. Это такое «эд», которое будет подниматься, когда будет создан человек. В духовном значении «эд» —это опять-таки молитва, вернее, особый ее аспект: молитвенное «разбивание сердца» человека, отказывающегося от себя в общении с Богом. Такое «эд» и будет подниматься от Земли к Нему. Тут дано направление всей работы Дня Делания — по второй половине дуги, где Небо пьет от Земли.

Другая часть стиха шестого указывает на естественный природный процесс, орошающий почву (адама), место природной работы человека (адама).

Есть распространенное заблуждение, по которому слово «адам», человек, образовано от слова «адама», земля. Это не так и лингвистически и по смыслу. «Адама» от «адам», но никак не наоборот. Адама — это именно та земля, на которой адам призван работать. Другое дело, что человек, адам, взят от земли, адама, и она присутствует в нем в качестве «афар», его плотского начала, покрова души. Адама есть сфера жизни и работы адама. Перед творением человека (Б.1:25) Бог создал и диких зверей, и behema, и пресмыкающихся на земле (адама), то есть именно на той земле, на которой, руководя всем живущим, станет жить и работать человек.

Слово «адам» явно родственно слову «адом», что значит «красный». Красный есть цвет, то есть вид света: свет преломленный и цвет огня. Мистики говорят о «темном огне» — изначальной Тьме. В красном свете (в котором и пленку проявлять можно) свет и тьма как бы вместе. Это то, что называется «Свет во Тьме светит», — одно из самых пронзительных определений сущности человека.

Слово «адам» родственно слову «ha дом» — та самая подставка, о которой говорил Шамай. В этом мире человек — вместо Бога, назначен делать Его дело, для Него и отчасти вместо Него.

Наконец, адам родственно слову «дома», что значит «уподобление». В задачу человека входит уподобление Богу. Человек — тот, кто делает Его подобие в этом Мире.

2

«И сформировал (вайицер) *Господь Бог человека из праха земного и вдохнул в него дыхание жизни, и стал человек душою живою»* (Б.2:7).

Слово «йецер», сформировал, означает действие на уровне Иецира, то есть формирование, создание проекта или матрицы. Это слово связано со словом «иасар», нравственное наставление, и со словом «иашар», прямой (прямой путь). Действие йецер — такое формирование, которое в своих контурах направлено к определенной цели.

Но — посмотрите внимательно на это слово. Уникальный случай: оно в этом стихе написано с двумя буквами «йод»: «йийецер»! Во всех других местах — и где говорится о создании животных, и даже в следующем восьмом стихе, где еще раз упоминается создание человека — везде это слово пишется с одним «йод» (‘). В отличие от животного, человек сформирован двумя началами, он двуедин изначально. В нем есть начало формирования, йецер, идущий, как у животного, снизу, от Земли, и есть начало формирования, йецер, идущий сверху, от Неба. Это-то и зафиксировано в начертании слова «йийецер».

Каковы же эти два начала? Одно начало формирования — это «афар мин ha адама», из праха земного. «Афар» — тонкий покров Земли, ее летучая часть, ее прах. Первый йецер человека — от Земли, из адама.

Про другое начало формирования человека сказано так:

«вайипах бе-апав нишмат хаим», и вдохнул в его лицо дыхание жизни.

Второе, идущее сверху формирующее начало человека, — это то дыхание жизни, которое `Гашем Элоким вдохнул в лицо его. Дыхание Бога в человеке и есть для него дыхание Жизни.

В человеке различимы два начала, две души. Одна — животная душа, **нефеш,** выводимая Землею. И другая — дыхание Бога, **нешама,** выводимая Богом. Нешама — «Божественная доля свыше» (Иов31:2) в человеке. Нешама изошла от Бога и стала в человеке высшей душой, связывающей человека с Богом. Подлинная Жизнь для человека — это жизнь нешама. Добро увеличивает эту Жизнь, зло — уменьшает. Высшую душу человека нельзя не различить; она видна в человеческих глазах, в его лице, которое и выделяется тем, что в нем, в отличие от животного обличия, светится одухотворенность, вдуновение Божие, делающего человека человеком.

Есть два слова для обозначения «лица». Язык различает лицо, обращенное к Миру — «паним» и лицо, вбирающее в себя Мир —»апаим»; о нем-то и говорится здесь («апав»). Нешама вдунута в человека обращенного вглубь себя и вбирающего в себя Мир.

«и стал человек (вайhи ha адам) *душою живою* (ле нефеш хая)» (Б.2:7).

И у животного есть нефеш хая, живая душа, но человек, в отличие от животного, становится душевно живым только после того, как в его обращенное вглубь лицо вдунута нешама. Живая душа человека — от дыхания Бога. Без нешама человек перестает быть человеком, но не превращается в животное. Животное следует своему закону. Человек же без нешама — существо противозаконное и непутевое; это уже не человек — мертвый душою и воплощающий зло. Так что жизненность человека — не от Земли, из которой он взят, а от дыхания Бога.

Нефеш присуще сознание оторванности «я» от «не-я», от всего, что не есть «я». Такого сознания оторванности в нешама как центре Я нет. Нешама причастна Богу, сознает свою нераздельность с духовным миром и сама обитает в мире Творения, Замысла Бога, на уровне Бриа. Нешама несет в себе Замысел Бога на человека.

Нельзя сказать, что два формирующих начала, два йецера, легко уживаются в человеке. И у нефеш человека есть чувство себя, свое чувство-сознание жизни, и у нешама есть чувство-сознание Я. Каждое из этих начал желает блага себя и выставляет ударение на себе. Их противостояние, бывает, раздирает человека и всегда создает в нем ту напряженность душевной жизни, ту внутреннюю борьбу с собой, в которой горит его дух, находящийся на службе Господа. Это есть рабочее напряжение, в котором растет и созревает плод — то, ради чего и сотворен человек.

Вся мудрость человеческой жизни заключена в решении вопроса взаимоотношений его нефеш и его нешама. Оба йецера, оба формирующих начала нужны духовно растущему человеку. Нужна и их борьба. Аскетические усилия, направленные на угасание нефеш, — выводят из этой борьбы и не заслуга человека. Не подавлять плотско-душевное животное начало в себе, а в наибольшей степени взращивать свое Божественное начало, которое работает и все больше выявляет себя на преодолении противодействия животного начала.

3

Послушайте, как звучит на иврите знаменитое восьмое Речение Бога:

«Вайомер Элоким (И сказал Бог): *наасе адам* (сделаем человека) *бе-цальмэну ки-дмутэйну* (в образе Нашем как подобие Наше)» (Б. 1:26)

Ни одно из творений не вводится так торжественно, ни одному из них не предшествует «декларация о намерении» Бога. Словно все Творение приглашается Им участвовать и видеть то, что произойдет. Чуткое ухо мудрецов улавливает: Всевышний советуется с Творением, так как человеку предназначено руководить сотворенным.

Человек есть порождение Неба и Земли вместе, и эти глобальные линии Творения встречаются и взаимодействуют в нем. Работа каждого Дня Творения, все десять Речений Бога, десять потоков Творения сочленены в человеке в единое целое. Элоким делится совсем Творением своим намерением сделать человека в образе «Нашем» — Бога и Творения.

Слово «целем», которое переводится словом «образ», связано и со словом «цель» (тень, проекция, отпечаток, отображение) и со словом «цемель» (символ) и со словом «симла» (платье, одежда), которая внешне представляет человека. «Сделаем в образе Нашем» — сделаем нашим отображением, знаком, воплощением, выражением, представителем. Тень в Природе обычно есть двумерное отображение трехмерного; так же и человек есть отпечаток Творения в иных измерениях.

Но ведь и Мир, его контуры — одежда Бога, Его отпечаток. И Мир, созданный Творцом, выражает Его в образе. Чем же человек отличается от Мира и всего Творения? Бог в Мире проявляется как его Начало, как Источник его сил и сущностей. Но не как Хозяин, не Сам по Себе. Бог обращается к Своему макрообразу, в который Он уже оделся, и приглашает этот «целем гадоль» (большой образ) вместе с Ним сделать микрообраз, на который могут быть сфокусированы все потоки Творения и Он Сам.

Есть тело Мира и есть у Мира душа. В макротеле Мира отпечатывается мировая душа. Также и человеческое тело — это «целем», образ для человеческой души. Тело наше, начиная с лица, есть отображение на материальном уровне нашей души. С другой стороны, тело человека отображает духовную структуру мироздания. В этом — честь и достоинство человеческого тела, его значение, необходимость его сохранения в чистоте и здоровье. Неуничтожение и неразрушение тела — важнейшая задача нравственной жизни человека.

Широко распространено мнение, по которому образ Бога в человеке это его разум. Действительно, человека не может не изумлять, что его разум соответствует Миру: наше познание и слово, как зуб в паз, входят в то, что существует в Мире. Разум человека схож с Разумом Творца. Но далеко не в той мере, в которой оправдано говорить о нем как об образе Самого Бога. Да и как раз в этом пункте человек вовсе не уникальное явление существующего. На других уровнях Бытия обитают надчеловеческие духовные сущности (ангелы служения, скажем), которые наделены разумом.

Образ Бога в человеке есть то, что на всех уровнях Творения не существовало до человека. Это — человеческая свобода. Нет свободы в Шести Днях Творения! И подобен человек той Божественной сущности, которая свободно управляет мирами — подобен Тому, чье Имя подчеркивает **свободное становление,** свободное осуществление. `Гашем управляет по Своей свободной Воле, Своей «милостью». Предлагая «сделать человека», Бог обращается и к Себе, к «Своему сердцу», к Началу свободной Воли в Себе Самом и вкладывает ее в человека.

Конечно, свобода человека не тождественна свободе Господа Бога. Поэтому-то человек — не подобие Его, а как подобие, некоторое ограниченное уподобление, большая или меньшая степень которого характеризует высоту и духовное достоинство души человека. Свобода духа в человеке возможна только при условии «дмут», подобия. Подобным Богу человек делается. Но не может человек уподобиться Сущности Его, и потому уподобляется Его качествам, «мидат», проявлениям. Созданный «как подобие» Бога человек обязан в своем жизнепрохождении все больше и больше сам уподобляться Богу, Его действиям, о которых нам рассказывается в разных местах Библии. Мы можем — нам дана такая возможность —познать Его действия и в своей жизни руководствоваться ими в деле уподобления Ему.

В силу самого факта приведения к подобию уподобляемый не может противоречить тому, кому он уподобляется. И потому главное свойство уподобления и его верный признак — это отсутствие противоречия Его Воле в душе человека. Есть некоторая зависимость человека, в котором образ Бога, и человека как духовно становящегося существа, как Его подобия. Частичка «ки» в слове «ки-дмутэйну» понимается и «как», и «когда». Когда человек производит в себе работу уподобления Богу, когда он делает свободный выбор Добра, тогда в нем есть «целем Элоким», образ Бога. Таково, видимо, общее значение выражения «бе-цальмэну ки-дмутэйну». Надо понимать, что предложение Бога создать человека относится не только к таинственному моменту восьмого Речения, оно распространяется и на нас с вами, живущих в День Делания — делания человека. Человека делают и Бог и человек вместе, и делают в свободе.

«Сделаем человека» (наасе адам) есть обращение не только к Самому Себе, не только к Миру, но и ко всем тем, кто как подобие Бога, свободно делает выбор Добра — ко всем творящим добро душам, к «цадиким». Быть «ки-дмутэйну», становиться подобием Бога значит все больше и больше делаться партнером Его.

Но разве всегда обладающий свободной волей человек становится партнером Его? Мидраш (поясняющий рассказ к этому месту Торы) рассказывает, что когда Всевышний приготовился сотворить человека, то Он увидел как тех, кто делает выбор Бога, так и тех, кто делает выбор против Его Воли. Эти последние срывают работу Дня Делания. И, увидя это, продолжает мидраш. Всевышний

скрыл путь тех, кто делает выбор против Бога, от Своего Лица и отвернулся от них. Тем самым Он установил два разных Пути жизни человека, дал ему две возможности путепрохождения. Один Путь, Путь Добра, намечен изначально. На другом Пути, Пути добра и зла, выделено место для идущих против Бога и предусмотрена возможность метафизической гибели души человека. Кроме того, на этом втором Пути действует Его «мера Милости», которую Он присоединил к той «мере Закона», с помощью которой Элоким творит Мир.

Свободноволящий человек после его сотворения имел два Пути жизнепрохождения. Это обстоятельство важно для понимания того, что произошло с человеком в Саду Эдена. Сам Сад в Эдене был создан на Третий День, после того, как Земля по-своему исполнила повеление Бога, изменив модель роста и плодоношения. Что произошло бы с человеком после адамова ослушания Бога, не будь Сада Эдена и разделения Путей? Крушение человека и его уничтожение? Возвращение Мира в состояние «тоhу ва-воhу»? Разделение Путей — одно из средств осуществления Замысла Бога в отношении обладающего свободной волей человека.

Вот еще один мидраш на туже тему. В нем Добро (Хэсед) и Истина (Эмет) спорят о необходимости создания человека. Хэсед говорит, что человек способен любить и делать добро и что поэтому его следует создать. Эмет говорит, что человек — комок грязи, неправды и глупости, в нем нет ни мира, ни истины и поэтому его создавать нельзя. И то и другое, как мы знаем, верно. Всевышний, выслушав их, взял Эмет — Свою печать, как говорят мудрецы — и бросил Эмет на Землю, сказав: «Истина от Земли взрастет». Образ и подобие Бога в человеке для того, чтобы взращивать — в том числе взращивать и Истину. Именно для этого дела человеку дана власть над всем живущим на Земле.

«*И будут руководить* (йирду)» люди рыбой морской, птицей небесной, бehема, всей Землей и всем кишащим на ней — сказано в том же стихе *26*.

Человеку дана сила «рдиа», руководства. Слово «рада» — управлять, властвовать — употребляется в двух значениях. Первое, в форме переходного глагола, означает руководство крутой рукой, которая подавляет то, что под ее властью. Другая форма — «йирду» — означает управление существующим, исходя из задач этого существующего. Человек должен управлять животным миром не как властелин, а как режиссер и наставник.

Изначально человек и животный мир находились в куда большей гармонии, чем сейчас. В первые времена человек и живое — не разные, не разорванные миры: если человек и руководит всем живущим, то и оно активно влияет на человека. Живое существо вообще есть какая-то одна животная сила, одно животное качество. Все животные силы вместе сходятся в человеке. Аллегорическое использование животных качеств не беспочвенно для характеристики конкретного человека. Человек, как совокупность качеств животных сил, человек, состоящий в едином и цельном сочетании с животным миром, способен управлять им в соответствии с задачами этого мира.

Животный мир сотворен Богом (на уровне Бриа, в Замысле Бога), сформирован Им (на уровне Иецира, проекта, матрицы, создания) и сделан (на уровне Асия, сработан, вполне осуществлен и пущен действовать в наш мир). Про животный мир сказано, что «это хорошо» и что «стало так», то есть так, как есть сейчас — стало окончательно. Не то человек.

Человек есть творение принципиально не завершенное, не приведенное в окончательное соответствие с Замыслом о нем. «Наасе адам», сделаем человека — только намерение, только приглашение сделать, но не осуществление. На уровне Асия человек несделан и недоделан, только делается — в День Делания, сегодня. Поэтому в конце рассказа о создании человека не сказано «стало так» и «это хорошо».

«*И сотворил* (вайивра) *Бог человека в образе его* (бе-цальмо), в *образе* (бе-целем) *Бога сотворил* (бара) *его, мужчиной и женщиной сотворил их* (бара отам)» (Б. 1:27)

В одном стихе трижды звучит: «*бара*»!

Существование человека не вытекает из предшествующих Дней Творения. Человек — творится из «ничего», на уровне Бриа, где обитает его высшая душа, нешама. Но что значит сотворение человека «в образе его»? Кого — его? Величайший комментатор Торы рав Шломо Ицхаки (РаШИ) отвечает: «его» — человека. По РаШИ Творец Неба и Земли содержит в себе «образ человека», который Он использует для целевого формирования природно-душевного человека и его духовной работы. Этот высший «образ человека» у Бога в Его Замысле, на уровне Бриа и есть образ Бога в человеке.

Любовь Бога к человеку выражается не в том, что человек предназначен Им для блаженств райской жизни (напротив, человек создан на самоотвержение и трудную работу), а в том, что он сотворен в образе Его. Но еще большая любовь Бога к человеку выражена в том, что человеку дано знать, что он сотворен в образе Бога. Вот в чем пафос того стиха, который мы сейчас разбираем.

Образ Бога в человеке, человеческая нешама сотворена (повторим еще раз, на уровне Бриа) двуединой, сотворена мужчиной и женщиной, «захар у-нэкева». Не «самцом и самкой», как от большой учености перевел это место современный гебраист, а мужчиной и женщиной, мужским и женским началом вместе, то есть целостным духовным существом, в котором отображено и мужское начало Всевышнего и женское начало Мира.

Тема мужчины и женщины продолжается в следующем стихе 28. Бог тут впервые обращается к людям. Не «и сказал Бог«, как было ранее, а «сказал им» — мужчине и женщине:

«*И благословил* (вайиварэх) *их Бог, и сказал им Бог: давайте плод* («пру»), множтесь («рву»), *наполняйте землю* («мильу эт hа арец»), *и ее покоряйте* («хившуhа»)».

Если живым существам благословение дается с силой непреложного закона, для немедленного и принудительного исполнения в них, то благословение для свободноволящего человека —лишь повеление.

Всевышний впервые обращается к человеку, повелевая:

1. Давать плод. О мистическом смысле этого повеления мы выше говорили. Но «пру» в русском значении еще и «плодитесь». Плодиться для мужчины и женщины, к которым обращена Его речь, значит вступать в брак Тут установление и благословение именно брачных отношений.
2. Множиться — не просто увеличивать число; «рву» предполагает, что родители отпечатываются в детях и дети несут образ родителей — так, чтобы детям передавалась родительская культура, «тарбут» — слово от того же корня, что и «рву». Это — установление и благословение человека как семейственно одухотворенного существа. В духовном смысле семья только тогда семья, когда в ней есть ее собственный, мужчиной и женщиной выгруженный образ одухотворенности, единящий вступивших в брак и их детей на высшем духовном уровне, на уровне нешама. «Рву», как следует из текста Торы, находится в связке с «пру» и обеспечивает его.
3. Наполнять Землю. В человека вложена потребность и возможность распространяться по Земле, занимать все земное пространство (а не только сушу), что невозможно исполнить каждому по отдельности. Исполнить это повеление, наполнять Землю люди могут только сообща, составляя общество. По сути тут установление и благословение общественной жизни человека, основанной на браке и семейной одухотворенности.
4. Покорять Землю. Земля — не адама, а арец, общее понятие Земли — отдается под власть человека. Что есть явное выражение власти человека над Землею? Собственность человека на землю. Человек должен знать себя хозяином какого-то места Земли, считать его своим. Но, заметьте, право

собственности на Землю установлено и благословлено в последнюю очередь — после того, как установлены и благословлены брак, семья и общественная жизнь. Без полноценного осуществления этих условий право собственности на Землю лишается духовного основания.

После того, как человеку дано благословение, ему придается и сила властвования:

«И властвуйте (рду) *рыбами моря, птицами неба и всем живым, кишащим на Земле»* (Б. 1:28)

В предложении Бога сделать человека (Б. 1:26) упомянута и бehема. В этом стихе такого вида животных нет. Оно и понятно: бehема подчиняется человеку по самой своей природе и не требует применения властной силы.

Слово «рду» имеет два значения: «властвуйте» и «спускайтесь». Властвование человека над животным миром предполагает исполнение человеком своего предназначения — быть Его партнером. Иначе и животный мир выходит из подчинения человеку и сам человек «спускается», нищает как духовное существо и растлевается как существо животное.

Следующий стих 29 возвращает нас к тому, что произошло на Третий День Творения.

Вот последнее, десятое Речение Бога:

«И сказал Бог: вот, Я дал вам всю траву, сеющую семя по лицу всей Земли, и всякое дерево, в котором плод дерева, сеющее семена — вам будет пища» (Б.1:29).

Тогда человек был до того близок животному миру, что ему было запрещено убивать и есть животное. И человеку и животному отдана в пищу трава. Только для человека предназначена собственно человеческая пища — дерево и плод дерева. Тело человека растет, питаясь от дерева.

Плодовое дерево — все равно: деревоплод или дерево, делающее плод, — предназначено исключительно для человека. Дерево в связи с человеком. Они — в соответствии. Вполне вероятно, что и закон лемино (по роду) дерева, плода и семени имел в виду создание человека. Человек и дерево сродственны. И действительно, в некотором важном смысле человек сам есть дерево.

Как дерево питается и сверху и снизу, так и человек питается и от Земли и от Неба. У человека и у дерева одна и та же назначенная забота: рост и плодоношение. В росте дерева на природном уровне выражена модель духовного роста человека, прообраз дела его души. Всякое изменение в этой модели, в росте и плодоношении дерева, существенно для тела и души человека.

В Третий День Творения Земля должна была непосредственно выводить из себя дерево-плод по роду его (эц при лемино); рост и созревание дерево-плода — одна и та же работа. Земля же вывела дерево, которое производит плод (эц осе при); тут есть и работа роста дерева, которую производит Земля, и собственная работа дерева, производящего свой плод, в котором семя по роду. Это «семя в нем по роду» созревает и дает жизнь новому дереву; при этом материнское дерево продолжает расти дальше.

Земля внесла существенные изменения в исходную установку роста и плодообразования. Ей сказано, чтобы рост был и плодом, а не вел к плоду, не делался, а наличествовал — был бы плодом во всех стадиях роста и в результате его. Схема же Земли — не столько схема плодотворения, сколько схема самовоспроизводства дерева, схема, в которой плод обслуживает «семя по роду». Кроме того, Бог предусматривал, чтобы плод по роду был на Земле. В схеме же исполнения Землею повеления Бога это важное положение отсутствует.

Творец утвердил новшество Земли, которой предстояло вывести из себя не только дерево, но и животную душу человека, его нефеш. Схема роста и плодообразования дерева в качестве прообраза сказалась на схеме работы роста и плодоношения человека. Результат жизни человека, плод его работы духовного роста, судя повелению Бога Земле, должен был бы быть «здесь», в «этом» существовании человека — на Земле или в истоках земного бытия. По измененной же Землею схеме человек «плодоносит» не «на Земле», не «здесь», не в этом Мире, а «там», в ином существовании. Здесь же — его рост, труд и духовная работа на плод.

Плод всей жизни человеческой зависит от полноценности и верности выполняемой им свободной работы по исполнению Замысла и Воли Всевышнего. Но узреть плод трудов своей жизни, ее конечный результат, земному человеку не дано. Плод этот, этот результат и итог скрыт от нас в ином существовании. Если Земля не изменила бы модель роста и плодоношения, то урожай человека собирался бы «здесь», в этом существовании — как собирается урожай с полей в осеннем месяце тишри. В соответствии же с моделью, осуществленной Землею (и утвержденной Богом) в человеческом существовании нечто сеется для произрастания (сиах) —как в весеннем месяце нисан. В этой «смене сезонов» — особый драматизм жизни смертного человека, необходимая работа жизнепрохождения которого должна быть выполнена в считанные годы его земного существования. Человек обычно успевает воспроизводить себя на Земле семенем по роду. Но успевает ли он в ограниченный срок, отпущенный ему на Земле, завязать в себе плод иной жизни, плодоносить?..

Рассказ о шести Днях Творения символически завершается указанием на то, что животному миру предназначена в пищу лишь зелень травы, но не плодоносящее дерево, данное в пищу только человеку.

«И увидел Бог все, что Он сделал (аса) *и вот — хорошо предельно* (тов меод); *и был вечер, и было утро —День Шестой»* (Б.1:31).

Слово «меод», означающее предельную степень, составлено из тех же букв, что и слово «адам». Все «тов меод», все хорошо предельно, все полностью завершено — тогда, когда есть человек, адам. Но почему Творение хорошо всецело, ведь есть свободно волящий человек, способный на ослушание Воли Бога и даже на разрушение и зло?

Творение, как «место» для жизни и жизнедеятельности, не есть арена борьбы — добра и зла, духа и плоти, света и тьмы. В симфонии голосов, проходящих через человека, есть партия и для голоса его «злого начала». Все, данное человеку, все его силы и все начала в нем — для осуществления Воли Создателя; человеку нужно не гипертрофировать одно за счет другого, а найти их верное соотношение. Задача человека не победа — конечная победа духа над плотью, скажем, — а правильное согласование всех душевных и плотских потоков, сфокусированных в нем.

Этого-то не было и все еще нет. Всецело хорошо то, что сделано, окончательно сделано и запущено в действие. Человек же сотворен и сформирован (создан), но еще не сделан, не доделан. Он только на верстаке Бога; и через несколько стихов про него Им будет сказано: «ло тов», нехорошо.

Господь Бог помещает человека в Сад Эден для того, чтобы там, во исполнение задачи Дня Делания, окончательно его доделать.

VI.
ВСАДУ ЭДЕНА

1

«И насадил (вайита) *Господь Бог Сад в Эдене* (Ган бе-Эден) *спереди* (микедэм — впереди, спереди, на востоке) *и поместил* (вайасем) *там человека* (ha адам), *которого создал* (йацар)» (Б.2:8).

Прежде всего отметим, что в Эден помещен или, вернее, перемещен не тот человек, который сотворен (бара) и не тот, который сделан (аса) — человек окончательно не сделан и до сих пор, — а тот, который сформирован, существует и живет на метафизическом уровне Иецира. Эдена нет в земной пространственной реальности. Эден — особый пласт Бытия, в котором вещи существуют в некотором ином смысле, чем на Земле.

План Бытия, называемый Эден, есть тот исток земного существования, на котором оно непосредственно основывается, получает свои энергии и установления. Лингвистически слово «эден» можно понять как то, что поддерживает земное бытие. Эден сообщает нашему Миру

«од» — протяженность и длительность — и тем удерживает его в его границах.

Нельзя сказать, что Эден — внематериальный план Творения. Это та область Бытия, где физическое и духовное Мироздания находятся в единстве. Поэтому сюда мог быть перемещен человек, изготовленный из «афар», из летучей земли, из «тонкой материи». Но это еще не человек из плоти. Это только человек созданный, сформированный, его модель и сущность.

Конечно, Эден есть источник всех благ земного существования и не несет зла этого существования. Отсюда Эден в представлении человека — гармоничная, блаженная область жизни. Но Всевышним Эден создан не для блаженства кого-либо, а тем более человека. Эден имеет свое рабочее предназначение, на которое указывает связь слова «Эден» с однокоренным словом «ади», зачатие. Эден — область зачатия нового и высшего духовного существа на новом этапе Творения.

Сказано: «Ган бе-Эден», Сад в Эдене. Сад и Эден — не одно и то же. Сад (Ган) — особая область, выделенная из Эдена для созданного, но еще не сделанного человека. Эта область сообщена с земным материальным миром. Здесь в каком-то смысле можно «видеть», «слышать», «есть», сюда можно из Земли привести животных, здесь можно зачать и родить Каина. Сад Эдена — это своего рода лаборатория Бога, где в истоках земной действительности идет доводка и опытные испытания человека на его модели. Человек еще не совсем годен для самостоятельного исполнения своего назначения в Творении. Сад в Эдене — место вызревания сотворенного человека, его доформирования в соответствии с Замыслом Творца о нем. Совершенная полнота земного бытия, которая есть в Саду Эдена, служит не целям райского блаженства. Для Адама это не «рай», а место работы, работы трудной и в высшей степени ответственной.

Человек — существо свободноволящее. И Бог в Саду Эдена работает со свободой человека, в партнерстве с ним. Человек тут в большой степени должен дозреть сам и, мало того, **совершить выбор** хода своего дальнейшего развития и своего места обитания. Лаборатория Сада в Эдене есть небесно-земная рабочая область, где взятый из праха должен предварительно созреть и сам себе избрать Путь жизни. Избрать за всех нас... Но дело Господа — во всех случаях — не может быть разрушено или не исполнено свободой, данной Им человеку.

Проследим, как Господь Бог работает с человеком в опытной лаборатории Сада Эдена.

Из текста девятого стиха второй главы книги Бытия мы узнаем, что в Саду есть «почва» (адама), из которой Господь Бог взрастил три вида деревьев, или три Древа.

Первое — *«всякое дерево* (коль эцац), *которое желанно для взгляда и хорошо для еды»*.

Сначала указывается на вид дерева, который, оказывается, не менее, а то и более нужен, чем его вкус и полезность. Красота «всякого дерева» — не сама для себя, а «для взгляда» человека, нужна для его восприятия. В каком-то значении человеку важнее то, что он «видит», чем то, что он «ест».

Другое дерево — Древо жизни, эц ha хаим. Это дерево не для еды и не для взгляда, а для чего-то другого.

Мидраш говорит, что Древо жизни обнимает собою всю жизнь, есть символ жизни как таковой и полное выражение движущего стремления к ее благу. Это стремление предполагает наличие способности различать, что нужно для блага жизни, а что не нужно, что полезно и что вредно, что доброе, а что злое. Это знание тем глубже, чем духовно выше живое существо, чем оно живее, более наполнено от источника жизни, — чем выше его уровень на Древе жизни.

Третье дерево — это *«эц* (дерево) *ha даат* (познание) *тов* (добро, хорошо, благо) *ва-ра* (и зло)» (Б.2:9).

Тут впервые в тексте обозначено «зло». Что такое «ра»? Слово «тов» мы неоднократно встречали в описании Дней Творения. «Тов» есть то, что стоит на своем месте — там и так, как назначено. «Ра» же есть то, что ломает. Но что за дерево, которое ломает? И что ломает оно? Как представить себе человека, который вообще не в состоянии различать, что добро, что зло? Как не ведающий добра и зла человек может исполнять Волю Бога, определять, что ей соответствует и что нет? Да и что за магическое Древо, от которого поешь и, как по волшебству, знаешь: что — плохо, что — хорошо...

На иврите есть особый способ выражения — сопряженное сочетание, смихут, — который объединяет несколько существительных подряд. Каждое последующее существительное определяет предыдущее. Например: «бейт (дом) ha авва (отец)» — дом отца или отчий дом. И есть грамматическое правило, по которому определенный артикль «ha» стоит всегда у последнего слова всей цепочки, которая, вообще говоря, может быть неопределенно длинной.

В названии третьего дерева три существительных и, казалось бы артикль должен стоять у последнего члена: эц даат ha тов ва ha ра». Но в Торе написано не так. И значит сопряженное сочетание завершается не на «тов ва-ра», а на «даат». Выходит, что «тов ва-ра», «добро и зло» не составляет жесткой грамматической конструкции с «эц даат», с «древом познания». Не «Древо познания» — чего? — «добра и зла», а «Древо познания», и далее: «добро и зло». Связь между «познанием» и «добром и злом» несомненно остается, но это какая-то сложная смысловая связь.

По мнению Маймонида (XII век) третье Древо несло людям не «познание добра и зла», а избыточное, вредное знание, создающее противоречивые стремления, раздирающие душу человека. Другой средневековый мыслитель Абарбанель, понимал под «даат тов вара» всю сферу цивилизаторской деятельности, в которой люди настойчиво ищут лучшего устроения для себя на Земле и тем губят себя.

Многие комментаторы Торы чувствовали, что между «даат» и «тов ва-ра» нет прямого соответствия. И действительно, разве «добро и зло» относится к области интеллектуального или какого-либо иного познавательного акта разума человека? Добро и зло — вопрос этический, моральных переживаний, нравственного выбора сердца, а не сфера «знания» или обдумывания разумом.

Отметим и то, что «даат» — это «знание», «познание», но не «разделение» или «различение». Нам не сказано, что человек, не отведав от этого Древа, не мог различать между добром и злом. Да и не в таком различении дело.

Чтобы приблизиться к пониманию смысла названия третьего Древа, надо верно уловить характер связи между «тов» и «ра». «Тов» (добро) и «ра» (зло) не разделены, как два полюса, а соединены союзом «ва» (и), существуют вместе, но в особой связи. Это порочное совмещение «добра» и того, что его ломает, «зла», то есть познавание зла как добра и признание добром того, что есть зло или что ведет к злу, зло реализует. «Тов вара» указывает на **путаницу** добра и зла в человеке, вкусившем от запретного Древа.

Беды человеческие проистекают по большей части не от действия Зла как такового. Не часто человек творит злое из-за любви ко Злу. Человеку всегда кажется, что он делает хорошо — себе ли, детям, сообществу, идее, человечеству, природе, богам. В результате же совершается зло, «ра». Во все века, а в нашем особенно, «знающие добро» люди возвещали его, и оно непременно оборачивалось злом. Мы живем в мире постигновения мнимого, обманчивого добра, которое, осуществляясь, порождает зло. То, что в личной жизни отдельный человек считает добром себе, то сплошь и рядом не есть добро ему или не есть добро само по себе. То же самое в общественной жизни. То же и в любом ином отношении. Человек, познавая добро, то и дело ломает его, производит «ра». Вот вечный драматизм человеческой жизни, который возник после самовольного присвоения Адамом плодов Древа познания добра и зла.

Третье дерево определено «по своему результату». Вкусивший от него всегда принужден будет, познавая, где добро и где зло, ломать само по себе добро, то есть делать зло. Мы еще покажем, что и

«грехопадение» Адама есть, в сущности, действие «даат тов ва-ра»: ослушание познающего «добро», которое становится «злом» и впускает Зло в Мир.

Я акцентирую здесь Ваше внимание именно на таком понимании Древа познания не потому, что оно вполне раскрывает название его, а потому, что оно тут же, дальше по тексту Торы, подтверждается и развивается.

«И река выходит (настоящее время) *из Эдена поить Сад и оттуда разделится* (будущее время) *и станет четырьмя главами* (рашим)» (Б.2:10).

Из Эдена, который есть источник благ нашего мира, вытекает «река», которая «поит» примыкающий к Эдену Сад. В будущем эта несущая блага «река» разделится и выйдет из Сада четырьмя «главами», потоками. Значит ли это, что в самой конструкции Сада исходно предусмотрены выходы из него? Во всяком случае, начиная рассказ о случившимся в Саду Эдена, Тора указывает на четыре главы, четыре направления, по которым человек (на случай его «грехопадения»?) может уйти из Сада. Каждое из этих направлений связано с определенной областью жизни смертного и грешного человека и характеризует его долгие и мучительные пути познания, отягченные путаницей добра и зла.

Одно направление названо Пишон, «*он огибает всю страну* (эрец) *Хавила, в которой золото* (ашер шам hа захав)» (Б.2:11).

«Хавила» значит «роскошь». Современный иврит, который любит игру слов, использует это слово в значении «вилла» — хавилат. В стране Хавила — там (шам) золото. Золото, захав — символ этой «страны». К ней из Сада человека ведет его страсть к роскоши и его корысть.

«И золото той земли (арец) *хорошо* (тов), *там* (шам) *хрусталь* (бдолах) *и камень оникс* (шеhам)» (Б.2:12).

Сколько войн, убийств, краж, предательств, унижений и даже революций произошло на свете от того, что человек считает богатство и роскошь благом (тов) для себя. Стремление к обогащению несомненно есть яркий образчик того, как «тов» самопроизвольно обращается в «ра». Более того, в стихе 12 раскрыт и механизм совмещения «хорошего» и «злого».

В земле Хавила «хорошо» не только золото, но и драгоценные камни, которыми человек украшает себя не столько красоты ради, сколько для того, чтобы выделиться, отличиться, возвыситься в глазах других. Богатство и роскошь более всего нужны человеку для самоутверждения, для превознощения своей самости. Именно для самости богатство и роскошь — благо, «тов». Внутренние потребности эгоцентрической самости создают мнимое добро и превращают его в зло. «Тов» обычно превращается в «ра» не иначе, как через самость. Возникновение самости в душе и вкушение от Древа познания добра и зла — родственные процессы.

Слово «пишон» означает «распространение»; это, как толковал РаШИ, «разливающийся», «выходящий из берегов» поток. Такова характерная черта всякого стремления к обогащению и самовоздвиганию через него. Самость человеческая никогда не удерживается в пределах «я» и силится разлиться, залить собою другие «я». Пишон в страну Хавила — один из активных путей изгнания самости из Сада Эден.

«И название второго потока — Гихон, и он омывает страну Куш». (Б.2:13).

Бурная и напористая река Гихон — страсть человека к блуду. Куш (Эфиопия, Африка) — символ чувственности, похоти. Блуд, признанный добром («благом естества» тела, скажем) обращается в растлевающее душу зло; но важно понять, что и это помрачение познания, выдающее зло за добро, производит не безличностная похоть тела, а все та же себя обманывающая самость.

Третий поток называется Хидекль (в современном языке так называется Тигр), *«он идущий перед Ашуром».*

Ашур (Ассирия) — символ власти, завоевания, имперства. Стремление к господству, которое переживается самостью как добро себе, есть еще один очевидный образец порочного совмещения «добра и зла» в своеволии человека. Название «Хидекль» указывает на то, как действует душевная похоть властвования. Поток этот с грохотом несется и топит в себе.

«А четвертый поток — это Прат (Ефрат)» (Б.2:14). Название четвертой реки происходит от слова «пара» — плодиться, давать урожай. Воды Прата плодят, множат, благословляют людей. Четвертый выход из Сада Эдена — не гибельный, в нем нет обращения «тов» в «ра». Мудрецы говорят, что голос Прата не слышен, тогда как остальные три потока шумят в Мире. Прат — плодоносный в глубинном значении плода как должного результата жизни. Плоды Прата — плоды Древа жизни. Прат выходит из Сада и есть та самая река, которая выходит из Эдена и в Саду поит Древо жизни.

Итак мы видим, что из Сада Эдена, в который перемещен человек, заранее приготовлены выходы. У человека в Саду с самого начала есть возможность выбора: остаться в Саду или уйти из него. Но и уйти человек может в разных направлениях. Совмещение и путаница добра и зла обязательна в жизни человека только если он пойдет по первым трем направлениям. Но есть и иной путь ухода из Эдена — Путь Прат.

2

Тора стилистически построена не так, как привычно для европейца. Она может без специального предупреждения отступить от основного повествования и столь же неожиданно, иногда через много стихов, возвратиться к нему опять. Где начало и где конец вставного куска — далеко не всегда очевидно.

На Шестой День Творения Господь Бог сформировал человека из «праха земного» и вдунул в лицо его Свое дыхание, «нешама». Об этом рассказывается в 7 стихе второй главы. В стихе же 8 повествование вдруг возвращается к Третьему Дню Творения, когда создавался Ган Эден, и далее семь стихов, с 7 по 14 — вставная новелла о Саде в Эдене. Не видя этого, легко утерять смысл изложения.

Описание устройства Сада — вставка в повествование, которое прервалось на стихе 7 и вновь возобновляется со стиха 15.

«И взял Господь Бог человека и поместил (вайанихэhу) *в Саду Эдена...»*

Эден — не место создания человека. Господь Бог перемещает и оставляет его в Саду для самостоятельного вызревания и свободного выбора путей. «Вайанихэhу» — значит поместил и оставил, оставил для свободной работы в Саду. Область его свободной работы определена Всевышним:

«...и поместил в Саду Эдена возделывать ее и хранить ее (леавда улешамра)» (Б.2:15).

Сад (Ган) — мужского рода. Но тогда вопрос: кого — «ее»?

Один ответ: почву (адама) Сада. Но это не совсем обычная «почва». Из нее произрастает не только «всякое дерево» и не только Древо познания, но и Древо жизни. Что значит «возделывать ее и хранить ее» — «почву»? Быть может это — запредельная тайна? Но стихи Торы сказаны нам, и в них должен быть и нам доступный смысл.

Существительное, содержащее абстрактный смысл, на иврите обычно женского рода. Таково и слово Эден. Если человеку предложено возделывать и хранить этот план Бытия, этот исток и основу нашего существования, то это так же темно, как возделывать и хранить «почву» Сада.

Однако стих 15 словами «и взял... и поместил» отсылает к стиху седьмому, где говорится о том, что Господь Бог вдунул в человека «душу жизни». Уяснив последовательность повествования Торы, становится понятно, что Он, поместив человека в Сад и оставив его там, поручил ему возделывать и хранить ту душу, которую Он вдунул в него. Нешама и есть то слово женского рода, к которому обращен разбираемый нами стих. Работа над высшей душой есть одновременно и работа на почве плодоносящего Сада, и работа в истоках и основах земного бытия.

Человек только-только сформирован, создан Всевышним, он еще на верстаке Бога, не доделан, не готов к жизни, еще не в состоянии существовать нигде, кро-

ме того места — Сада Эдена, куда он помещен, где он только и может быть сработан Творцом и где сам должен сделать выбор пути своего жизнедействия. Поэтому ему поставлена двоякая задача. Заповедь разрешающая: возделывать, работать, делать, и заповедь запрещающая: хранить, охранять, не делать. В составе первой — быть в Саду Эдена, в составе второй — не уходить из Сада.

Сад Эдена — именно то место, где человек может дозревать сам, продуктивно «работать» свою душу. Сад для него — рабочее место. В Саду Эдена человек на месте. Здесь он имеет все необходимое для полноценного самовызревания и свободного исполнения Воли Бога.

«И повелел (вайецав) *Господь Бог о человеке* (аль hа адам), *говоря* (лемор): *от всякого дерева* (коль эц) *Сада, едя, ешь* (ахоль тохэль — усиленно ешь, ешь-таки!»).

Понятно, что «всякое дерево» — также дерево метафизическое. Есть от него — положительная духовная работа по возделыванию своей души. Слово «лемор» указывает на то, что эта духовная работа вложена в человека, как потребность насыщения, то есть как закон его жизни, который он не мог желать не выполнить. Адам испытывал духовный голод и должен был есть, но только от «всякого дерева». Заметьте «от дерева», которое, значит, имело назначение и вкус плода, было «эц при», дерево-плод. Впрочем из дальнейшего текста видно, что на «деревьях» Сада были и «плоды».

Сад Эден насажен в Третий День Творения, когда Земля вывела из себя «эц осэ при» — дерево, делающее плод. Такого рода схему плодотворения Бог тогда утвердил. И теперь эта схема проходит проверку в лаборатории Сада Эдена, в применении к человеку. Ган Эден не «выведен» Землею, а со специальной целью создан Богом. У деревьев Сада съедобны и ствол и плоды.

То, что съедается, переходит в природу съевшего; «ахаль» — то, что присваивается себе, что делается собою. Можно есть только то, что, став тобою, будет полезно тебе. «Всякое дерево» в Саду было предназначено для человека, его ствол и плоды, став его пищей, могли входить в человека без ущерба для него. Но человек не должен был есть от Древа познания добра и зла, не должен был присваивать его себе, впускать в себя то, что для этого не предназначено. «Ра», зло, существует в потенции — пока Адам не сделал его «ахоль», едой своей, не присвоил его себе. Съев от Древа познания, Адам в этом смысле познал зло.

Адаму сказано: «*ло тохаль мимену*» — не ешь от него. Исполнить этот запрет — хорошо, «тов»; плохо, «ра» — нарушить его. Что нового «познал» Адам, когда нарушил Запрет Бога? Да ничего. Вернее, только то, что бывает, когда нарушают веление Бога. Древо познания есть Древо проверки на добро и зло.

В Торе есть разряд законов, которые уму не понятны, не обеспечены никакими разумными обоснованиями. Таковы диэтарные законы. Запрет, относящийся к Древу познания, характерен: это тоже запрет еды. Показательно, что данная Адаму заповедь Бога противоречит всем чувствам человека. И тем не менее ее должно исполнять. Это своего рода начальная заповедь Бога Человеку.

И Господь Бог предупредил Адама о том, что будет, если он нарушит эту начальную заповедь, съест от запретного Древа.

«...*ки* (потому что) *бе-йом* (в день) *ахалеха мимену* (поешь от него) — мот тамут» (Б.2:17).

«Мот» — смерть; «тамут» — смертность. Одни переводчики для стилистического усиления смысла подчеркивают: «смертью умрешь». Но так как Адам, съев «от него», не умер в тот же день (бейом), а прожил 930 лет, то другие осторожно переводят: «станешь смертным». Съев от Древа познания, человек принял смерть в себя, сделался смертным.

Но был ли до того Адам бессмертным? В прямом смысле слова, в смысле вечной жизни, — не был. Человек создан и помещен в Саду Эдена для выполнения определенной работы и на срок исполнения этой работы — на все десять Дней Творения, на которые она рассчитана. По истечении этого срока все наши вопросы в отношении Адама снимаются. Можно сказать, что Адам, будучи несмертным, не был вечен. В его эденское существование не внесена смерть. Она вошла вместе с «едою» от запретного Древа. Что совсем не значит, что Адам отстраняется от назначенной ему работы в Днях Творения. Ему придется исполнять ее, но исполнять иначе — будучи смертным.

Смертность в Природе — смена поколений. Смертность же человека есть разъединение его души с тем, что ее в себе заключает, в чем душа пребывает — отъединение души от природного тела. Это — особого рода жизнь души: не непрерывная, а существующая в ряде «воплощений» души, ее разъединении и воссоединении с телом. Стать смертным для человека — исполнять свое рабочее назначение в дискретности природной жизни.

Смерть — это уничтожение жизни как таковой. Смерть души — ее полное разодушевление. Смерть тела — его разрушение, гибель. Адам изготовлен из «афар», из тонкой материи, в которой пребывала его душа. Он, живя в Эдене, в ином плане Бытия, вбирал в себя всю полноту благ и энергий Эдена. Что значит ему «умереть»? Прежде всего — не быть, не жить в Эдене. Из дальнейшего видно, что первые обитатели Сада нечетко поняли, что им сказано Господом Богом.

3

Предупредив человека о необходимости соблюдения заповедей относительно деревьев Сада, Господь Бог начинает последовательную доработку человека до требуемого состояния.

«И сказал Господь Бог: нехорошо (ло тов) *становиться* (hейот) *человеку одному»*

Что же: в создании человека обнаружен дефект? Нет. Для Бога нет «ра». Бог не исправляет Свое изделие и не ломает его, а доводит. Пока что в человеке есть только то, что уже вполне соответствует Его замыслу и вполне Им сработано — что хорошо, «тов», и то, что не совсем соответствует Его замыслу — что нехорошо, «ло тов». Для становления человека в Эдене и назначенного ему дела быть ему одному нехорошо. Вот та область, где его надо доделать!

«Сделаем (эесе) *ему подмогу* (ло эзер), *супротив него* (кенэгдо)» (Б.2:18).

«Эзер» — тот, кто берет на себя выполнение некоторой области работы или определенной части труда; и бehема — подмога и подножье, «эзер» и «бама». Но не «эзер кенэгдо».

Одно значение «кенэгдо» — «быть лицом друг к другу», быть вместе и вместе делать работу, но каждый свою, стоять в одной линии, хотя и в разных ее точках. Другое значение «кенэгдо» — быть партнером, имеющим право и силу стоять против другого партнера, протестовать против его действий, останавливать или корректировать его. «Эзер кенэгдо» — это нераздельно связанный и полноправный соратник в труде и жизни. Человеку нужна такая «подмога», которая всегда вместе с ним, лицом к его лицу, состоящая с ним в единстве душ и в единстве разных душевных содержаний.

«И сформировал (йецер — с одним «йод») *Господь Бог из почвы* (адама) *всякого полевого зверя и всякую небесную птицу и привел к человеку... «*

В Пятый День Творения животные были сотворены на уровне Брия (творения) и сделаны на уровне Асия (делания). Теперь они созданы — на уровне Иецира (формирования) специально для существования в Эдене. Они сформированы из «почвы» (той самой, надо полагать, почвы, из которой произросли деревья Сада) для специфической задачи — чтобы привести их к человеку, уже находящемуся в Саду Эдена. Зачем же? И в каком смысле «привести»?

«...и привел к человеку видеть (мир'от), *что назовет ему* (ма йикра ло)...»

Кому — «ему»?

«...и *все, что назовет ему человек душа живая* (нефеш хая) — *его имя* (hу шмо)» (Б.2:19).

Грамматика стиха весьма сложна. Хотя сразу же ясно, что речь идет о **создании человеческого языка.** Язык — один из этапов доработки человека в Саду

Эдена. И вот как делается язык. Господь Бог формирует животных на уровне Иецира, то есть выявляет сущность каждого из них. Затем он включает сущность животных в основу и исток земного Бытия, в Эден, и приводит их к человеку. Человек видит перед собой эти животные сущности через свое «видение» и дает соответствующие им имена. «Шем» (имя) стыкуется с понятием «шам» (там). Дать имя — найти точное место сущности вещи в духовной основе Мира, в некотором смысле «поместить тамто». Животные сущности приведены Богом в Эден к человеку и помещены им (человеком) там — названы человеком.

Человек смотрит и дает имена. Способность «видеть» сущность — важная функция человека в Саду Эдена. И про деревья Сада было сначала сказано, что они притягивают взгляд, а потом уже, что они хороши для еды. «Видение» человека в Эдене — работа его разума. Смотрение и давание имен — одна из главных задач человека в Саду. Это его особый труд: увидеть, осознать, назвать — дать имя. Всю познавательную работу мысли человека можно описать как давание имен сущностям и явлениям. Язык — и орудие и результат постижения. Свое познание человек запечатлевает в именах. И все, что он называет, становится именем.

Однако Бог приводит сущности животных к человеку не только для того, чтобы он их увидел и назвал. Господу Самому надо «посмотреть», как человек назовет созданные Им «живые души». Богу важно это знать. Давая имена животным, создавая язык, человек работает на Бога, исполняет Его Задание.

В стихе 19 есть трудно уловимый оттенок смысла, связанный со значением слова «йавэ» (привел) и «йикра» (назовет). Мидраш объясняет, что сформированные сущности животных были Богом вогнаны в сферу человека — «приведены» к нему еще и в этом смысле. Назвать же, дать имя приведенной к себе сущности означает «призвать ее к себе», включить ее животную сущность в свое человеческое существо.

На человека в Эдене возложен труд познавания и называния. Но труд этот он способен произвести не иначе как через самопознание, через узнавание в себе. Каждое животное в своей эденской сущности — это какая-то одна животная сила, отдельная грань общей животной души. Человек в Саду вбирает в себя весь клубок животных сил. И потому может, видя, узнавать в животном то его сущностное душевное качество, которое «приведено» к нему и «призвано», включено в него.

По Воле Бога человек собирает вместе и вмещает в себя все отдельные формирования животной души. Тем самым животная душа человека, его нефеш, обогащается качествами и свойствами душ всего животного мира. Это еще один этап делания человека в Эдене — этап доработки его человеческой нефеш, создание многогранной психической жизни животной души человека, формирование **его характера.**

Мы уже отмечали, что описание характеров людей через душевные свойства животных небезосновательно. Первочеловек знал животный мир непосредственно, интимно, в глубинах своей души. И животная душа первочеловека, его нефеш, не была низшей душой, каковой мы ее сейчас сознаем в себе. Человек создан Богом из двух равнодостойных начал. «Нефеш» и «нешама» в Адаме не антагонисты, они различны и равны, как два глаза на лице.

Далее по тексту (стих 20) человек дает имена всем животным, которые приведены к нему. Но он также дает имя и бehема, домашним животным, о которых не было упомянуто в предыдущем стихе. Что и понятно: души бehема изначально созданы для человека и их незачем «приводить» к нему. Отсюда следует, что души животных (живущих для себя, а не для человека), приведенные к Адаму в Саду Эдена, были при формировании подогнаны под него, под человеческую нефеш. Так создавалась психика и характер человека. Важный результат. Но все же основная цель этого процесса — найти «эзер кенэгдо» человеку, подмогу под стать ему.

Парность животных, сформированных по-раздельности, функциональна и непригодна для душевного объединения. Человеку в качестве партнера необходима свободноволящая душа, действующая вместе с ним, «лицом к его лицу» и, когда надо, «стоящая против него», его преодолевающая, поправляющая. В некотором качестве это должно быть более высокое человеческое существо, чем он сам.

«И навалил (вайапель) *Господь Бог глубокий обморочный сон* (тардэма) *на человека, и уснул, и взял одну из его сторон и закрыл плоть* (басар) *под нею»* (Б.2:21).

«Басар» — это то, через что Мир сообщается с душою, а душа воспринимает и чувствует Мир. «Плоть» по-еврейски от того же корня, что и слово «весть». Когда плоть соответствует своему назначению, своей душе, то она сообщает, возвещает, благовествует наружу о том, какова есть душа. Через плоть же Мир возвещает душе о себе. Сама мудрость языка, как видите, говорит о задачах вещи в Творении.

Понятие «басар» впервые употреблено здесь, при создании женщины. Закрадывается мысль, что сама плотскость человека создана именно в этот момент. Вот и еще один важный этап досоздания человека в лаборатории Сада Эдена.

Первоначальное двуединое мужское и женское человеческое существо было изготовлено из «афар ми адама» — из «летучей части» Земли, из тонкой земляной материи, в которой содержалась душа живая. У такой души не было сообщения с нашим Миром. И такой человек не мог жить нигде, кроме Сада в Эдене. Теперь «афар» превращена в «басар», в результате чего человек уже может сообщаться с Миром и существовать в Мире. Показательно, что плоть создана тогда же, когда и женщина. Возможно, что в этот же момент формируется и плоть животного мира — создается плоть живого как такового.

Следующий, 22 стих начинается с незнакомого нам понятия, определяющего новое действие Бога в Творении: **«йибен».** Что это такое? Акт йибен — не акт творения (брия), не акт создания (иецера), не акт делания (асия). Это совершенно новая и высшая ступень Божественного действия. Всевышний «построил» женщину, совершил «йибен» — от корня «бен», сын. Это новый и высший акт творения — **творения через рождение.**

У мужчины в Эдене своя область работы — возделывание. У женщины другая область работы — хранение. И женщина «построена» — как здание, как хранилище — так, чтобы рожать и хранить «бен», сына. Семя «сына» производится мужчиной, но доверяется для вынашивания и рождения в Мир женщине. Женщина, как последующее творение, духовно выше предыдущего, адама. Она взрослеет раньше, чем мужчина. Она смотрит вверх, мужчина — вниз. И многое другое.

Женская душа — не просто разновидность человеческой души. Это — рожающая человеческая душа, способная рожать еще более высокое, чем она, духовное существо, «сына».

Слово «цела», традиционно переводимое на русский язык как «ребро», несет в языке такое значение, но оно вторично и в Торе нигде не используется. «Цела» — это «сторона», имеющая смысл «сокрытого места». Женщина создана из некоторой определенной (с определенным артиклем) сокрытой, глубинной стороны первоначального человеческого существа. Бог «отстроил» эту сторону с тем, чтобы она стала способна рожать — отстроил женщиной — «и привел ее к человеку» (Б.2:22), привел не сразу же, а через некоторое время, когда мужчина прочувствовал всю глубину своего одиночества. И он с восторгом принял ее в себя, узнал ее в себе и сказал:

«И сказал Адам: это (зот) *на этот раз, кость от костей моих, плоть от моей плоти»*

Здесь впервые человек (адам) обретает имя собственное: ha Адам.

«И этой будет наречено «жена» (иша), *потому что от мужа* (иш) *взята эта* (зот)» (Б.2:23).

Адам дает ей имя. И тем укореняет ее сущность в Эдене. Может показаться, что имя «иша» создано по канонам вуль-

гарной этимологии, от слова «иш», муж. Но это не так. «Иш» и «иша» — от разных корней иврита. И это, кстати, показывает, что Адам в Ган Эдене думал и разговаривал именно на иврите.

«Иш» — от корня «уш» — мощь, изливающийся поток Бытия; близкое слово — «эш», огонь.

«Иша» — от слова «наша» (множественное число от «иша» так и будет: «нашим», женщины). Значение «наша» («наса») — получать, но не пассивно, а получать и требовать, получать, чтобы продолжать. (Сравните со словом «ишарит», кредитор — тот, кто дает и требует).

«Иш» и «иша» — пара, это слышно ухом, но в словах этих заключен смысл и назначение мужчины и смысл и назначение женщины. Имя «иша» означает, что она получает от изливающей мощи «иш», но получает не для того, чтобы взять себе, а чтобы, вытребовав, принять, выносить, свершить в себе.

Слова «иш» и «иша» пишутся различно. В слове «иш» есть сугубо мужская буква «йод»; в слове «иша» есть сугубо женская буква «хей». Вместе эти две буквы в своих словах составляют то Имя Бога, которое по учению еврейских мудрецов проявляется в этом Мире: Шохина.

«Иш» несет свое «йод», свое семенное изливающее начало и предназначение. «Иша» несет свое «хей», свое вынашивающее и рожающее начало и предназначение. Когда они сливаются вместе, соединяются «лицом к лицу», Бог проявляется в них. Но если мужское «йод» и женское «хей» соединяются не во имя Неба, то между ними возникает пламя, «эш», пожирающий огонь, который сжигает их. Это осмысляется как на мистическом, так и на простом бытовом уровне.

Всякое разделение в Творении, в том числе и разделение на мужчину и женщину, нужно для соединения.

Мужское и женское начала присутствуют во всем Творении. И человек в Мысли Бога сотворен «захар у-некэва» (Б.1:27), мужчиной и женщиной вместе. А разделен в Эдене на «иш» и «иша». Это уже иной уровень состояния человеческого существа в Творении. Женщина взята от мужчины — взята эта («зот») — именно та, в недрах человеческого существа которой возможно осуществить соединение мужского (Бога) и женского (Мира). В этом соединении — одна из завершающих ступеней Творения.

Человек (адам) взят от Земли для работы в Саду Эдена. Женщина взята от человека в Эдене для работы еще более высокого духовного статуса, Иша — получающая семя от иш и осуществляющая это семя в себе: создающая в себе и рожающая в Мир нового мужа (иш) — «сына». Иша — «человек, рожающий сына», человек, с помощью которого совершается новый акт в Творении, совершается творение через рождение. С созданием женщины Творение вступает в следующую стадию.

«И потому (аль кен) *оставит муж* (иш) *своего отца и свою мать и прилепится* (давак) *к жене своей, и станут плотью единой* (лебасар эхад)» (Б.2:24)

О чем тут речь? О сыновьях, которые, женившись, отлепляются душою от родителей? Но это не имеет отношения к первым людям. После их «грехопадения» мы живем не в Саду Эдена и не исполняем того задания, для которого они созданы и на которое указывает стих 24.

Высшая степень человеческого отношения к Богу называется «двекут» — прилепленность человека к Нему. «Двека» — одно из самых высших человеческих чувств, ведущее к глубинному духовному объединению тех, кто его испытывает. И нам сказано, что, во-первых, соединение иш и иша должно происходить путем «двека», и что, во-вторых, как только соединение это осуществится, станет «давак», так они «станут плотью единой», то есть новым, ими совместно порожденным существом, обладающим единой плотью.

От иш и иша в состоянии «давак» рождается (вернее: должна родиться) «единая плоть», новое существо. Но это не «семя», а «плод», не воспроизводство по подобию, а рождение человеческого существа высшего порядка. Вот основное задание иш и иша в Эдене. Такова же главная цель и их создания, и их пребывания в Саду.

Во исполнение этой цели, этого задания некий грядущий иш оставит родителей, чтобы сделаться «давак» с женой своей и родить «бен», сына. Должно это в конце концов произойти потому («аль кен»), что иша взята от него для осуществления «давак», что она создана в качестве вынашивающей и рожающей «сына».

«И были они обнажены, (арумим), *Адам и жена его, и не стыдились* (йитбошашу)» (Б.2:25)

Да и чего стыдиться, когда тела их были одеждой для их первозданных душ. Слово «бошэш», стыд, произведено от корня, означающего «разочарование». Стыд — род саморазочарования, происходящий от несоответствия своего явленного образа тому высшему образцу, который есть в себе. Стыдятся всегда чего-то низшего в себе, обозреваемого с точки зрения высшего. Так что само чувство стыда предполагает наличие высшего и низшего. В смертном человеке есть и высшая Божественная душа, нешама, и низшая животная душа, нефеш. Видя свою низшую душу (или ее возвещение в плоти) с точки зрения высшей души, земной человек стыдится. Не то иш и иша в Эдене.

Мы уже говорили, что изначальный духовный статус нешама и нефеш в человеке одинаков. Никакая из душ не выше и не ниже. Плоть же человека, его «басар» есть возвещение нефеш Миру. В Саду у человека не было внутренних оснований для стыда за свою обнаженную плоть. Стыд — верный признак того, что внутреннее равновесие нефеш и нешама нарушилось. Когда Адам и Ева застыдились себя, то это значило, что животная душа, нефеш человека, стала низшей душою...

В тексте 25 стиха есть на первый взгляд странная тавтология. Сказано, что наги были «они оба» и затем добавлено: «Адам и жена его». Зачем? Не для стилистических же красот. Для умеющего читать Тору тут виден намек на то, что они были как свойственно быть мужу и жене, и не стыдились. Да, иначе о каких «отце своем» и «матери своей» может идти речь? Так что «грехопадение Адама» вовсе не связано с тем, что он, выражаясь библейским языком, «познал» жену свою. Для этого они были помещены в Саду Эдена. «Эден», как мы уже говорили, есть место зачатия.

V.
ГРЕХ АДАМА

1

То, что свершилось в Саду Эдена — не аллегория и не символическая драма, но и не происшествие. Дело было не на Земле, а в том пласте Бытия, которое является основой и источником земного существования. Рассказ о первом грехе — это рассказ, в котором с помощью понятии и образов раскрываются истоки ситуации, в которую поставлен человек на Земле.

Библейский «змий» — Нахаш — не извивающаяся змея, а прямоходящее демоническое существо, дракон. Но нас, разумеется, интересуют не его внешние данные, а его метафизическая сущность.

Нахаш принадлежит, по-видимому, к тем огромным существам «эт ha таниним ha гдолим» (Б.1:21), которые на Пятый День Творения сотворены (бара) Богом в качестве мистической основы и энергетического источника всего царства живых существ. Нахаш — одно из царствующих начал в животности. Собственное место обитания такого рода начал не на Земле, в мире Делания, Асия, и даже не в мире Создания, Иецира (к которому близок мир Эдена), а в мире Творения, Брия. В Эден Нахаш переместился, судя по всему, не оттуда, откуда все звери и птицы, приведенные к человеку.

По происхождению у Нахаша высокий духовный статус, вполне односторонний, но конкурентный человеку.

В корне слова «нахаш» (змея) есть смысл, который предполагает обладание особыми и мощными знаниями, умениями, интуицией. Специализированная духовная функция Нахаша видна из того, что он «арум», хитер, *«хитрее всех зверей, которых сделал Господь Бог «* (Б.3:1). Нахаш — метафизическое нача-

ло и высшее выражение животного ума («арма») как такового. Основное качество Нахаша — ворожба умом.

Всякое животное (и животность в человеке) «хитро» от Нахаша и силою Нахаша[7]. В Нахаше самом по себе зла нет. Чувство жизни всякого животного основано на диспозиции «тов — ло тов», хорошо для себя — не хорошо для себя. Таков закон жизнедеятельности животного. По-видимому, эта основополагающая диспозиция чувства жизни выражена в Нахаше в крайних ступенях самоутверждения и самовластности, доведена до голого «себе», только себе, себе абсолютно. Потому-то в чувстве жизни Нахаша нет места Богу. Как символ Нахаш находится в одной связке с символом Левиафана («Крокодила»).

Нахаш — крайне односторонняя сущность животного мира. Эта односторонность его — как в его жизнестремлении: исключительно во благо себе, так и в средствах исполнения этого стремления: исключительно «хитростью», ворожбой ума. Поэтому Нахаша можно осознать как символ Самости, пользующейся всей мощью изощренного ума.

Зачем, однако, потребовалось Нахашу провоцировать женщину на ослушание Богу? Надо все время помнить о глубине, сокровенности и прочности тогдашней связи между человеком и духовными основами животного мира, об интимном сродстве разного рода животных душ. Нахаш желает адамову жену себе и вся техника его ума направлена на то, чтобы погубить Адама и овладеть женщиной.

До человека все «гдолим таниним», в том числе и Нахаш, были самыми высшими существами в Творении, им принадлежал Мир. Теперь Мир принадлежит человеку. Ему дана власть над живущим на Земле, он призван плодиться и множиться, он — предмет постоянной заботы и работы Бога. Нахашем движет ревность и стремление к власти. Он не понял смысл слов Бога к человеку и решил, что люди умрут, съев от запретного Древа. Тогда Нахаш опять высший в Мире.

Грамматика первой из приведенных в Торе фраз диалога Нахаша и женщины такова, что ясно: это не начало их разговора, а завершение его.

«... *аф ки омар Элоким...*» — говорит Нахаш. Тут крайне важно уловить интонацию. «Амар» — сказал; «аф» — усилительная частичка; «ки» — ставит некоторое условие. В целом можно перевести: «...а хоть бы и сказал Бог...», или: «неужто сказал Бог...». Нахаш прежде уже вызвал женщину на нужный ему разговор о запрете Бога и теперь прикидывается, поражаясь, что людям запрещено есть от всех деревьев Сада:

«*...неужели сказал Бог: не ешьте от всех деревьев Сада*» (Б.3:1).

Теперь женщина станет, конечно, объяснять Нахашу, что запрещены не все, а одно дерево; и тогда Нахаш найдет аргументы для провокации. При этом он передергивает кое-что вольно, а кое-что и невольно. Поймем его исходную позицию.

`Гашем Элоким, Господь Бог — Тот, Кто направляет и ведет человека — велел человеку есть от «всякого дерева» и не есть от Древа познания. Это — заповедь Бога свободноволящему человеку. Нахаш не в состоянии осознать, что такое свобода, что такое заповедь, да и не знает о существовании Господа. Ему известен только Творец, Элоким, дающий законы, действующие с природной необходимостью. Словосочетание «амар Элоким», которое употребляет Нахаш, указывает не на веление Господа Бога, а на заложенный Творцом незыблемый закон, не предусматривающий свободную волю исполнителя.

Нахаш живет в мире закона. Вот его логика: если бы Бог сказал («амар»): «не ешьте» — то вы и не сможете есть! Но в вас, объясняет Нахаш, заложен совсем другой закон: вам хочется есть. Так ешьте! Нахаш обладает изощренным интеллектом, но не несет в себе высшую душу от Бога, нешама, и потому не в состоянии различать благо душевной жизни и приятность плотско-эмоционального существования.

И странное дело — женщина отчасти принимает позицию Нахаша и, отвечая ему, говорит не о «йецав `Гашем Элоким», не о повелении Господа Бога, а об «амар Элоким», о законе Творца.

«*ми при эц ha ган нохэль...*» — от плодов дерева Сада будем есть.

Вот как? Значит люди еще ничего не ели? Они голодны, и женщина обсуждает с Нахашем, что им съесть,

«*...уми при ha эц ашер бэтох ha ган* (а от плода дерева, которое посреди Сада) *амар Элоким* (сказал Бог) *ло тохлу мимену* (не ешьте от него) *ве ло тиг'у* (и не дотрагивайтесь до него)», а то произойдет нечто, что в речи женщины обозначено словами «*пэн тмутун*». *(Б.3:2,3)*

Тут путаница на путанице. Начнем с того, что женщина говорит не о запрете есть от Древа, а о законе, по которому невозможно вкусить плод дерева. И — какого дерева? Ведь «посреди Сада» не Древо познания, а Древо жизни, про которое Господь не заповедывал им хотя бы потому, что они, действительно, еще не в состоянии были есть от него. Сама Хава (Ева) Господа не слышала и знает Его слова понаслышке, от Адама.

Господь Бог говорил Адаму о тайне «двойной смерти», «мот тмутун». А женщина толкует о «пэн тмутун». Слово «пэн» указывает на нечто сомнительное. Нахаш уверяет, что Бог дал закон, и женщина отвечает ему, что Бог закона не давал, а только предупреждал: не ешьте, а то можете умереть, как бы вам не умереть. Опасность такова, утверждает женщина, что нельзя не только есть от него, но и прикасаться к нему! Так, видимо, оно ядовито. Что за фантазии? Не могла же она это выдумать сама? Не мог такое сообщить ей и Адам. Остается предположить, что он, дабы не создавать ситуацию нарушения запрета Господа, выстроил вокруг Древа ограду, но не объяснил ей: зачем она и что он ее выстроил по собственному усмотрению. Задача Нахаша уже облегчается: ему достаточно показать ей, что прикасаться к Древу вполне безопасно. Он, скажем, мог сорвать плод (что, между прочим, и не запрещено) и дотронуться плодом до нее. Раз не умерла, дотронувшись, то не умрешь и поев от плода!

«*Ло мот тмутун*», не умрете — воскликнул Нахаш. И действительно, люди не умерли же... Нахаш прав: Древо познания не смертоносно в том смысле, как поняла Хава (и Адам?) Бога.

Легко было Нахашу обыграть и тот прецедент, который создала Земля, выведя из себя не «дерево-плод», как ей было сказано, а «дерево, делающее плод». Бог предупреждал вас, продолжает Нахаш, не есть от самого Древа, а не от плода его. Ведь именно плод дерева — пища человека; поэтому-то Он и говорил вам не есть «от дерева». Да и сама инициатива Земли наверняка была утверждена Богом потому, что именно плодами будет питаться человек. Так что съесть плод — и безопасно, и невинно, и угодно Богу. Когда Земля нарушила, то Бог одобрил ее. И вас одобрит.

Нахаш — существо «ворожащее умом». По этому своему качеству он и в прямом, и в переносном, и в расширительном смысле «заговаривает» и завораживает свою собеседницу. Но он еще и «вражит», портит душу человека, перед которым в Эдене была Богом поставлена задача сознавания, познавания и называния. Во исполнение этой задачи человек принимал в глубины себя те животные сущности, которые были «приведены» к нему. Нахаш пришел сам, но имел такую же возможность внедрения в человека; общаясь с человеком, он в некотором смысле становился им, прививал ему свои качества. И главное — свое жизнечувствование самости. И свое качество «хитрости» и ворожбы. Мы, люди, знаем в себе эти качества и свойства жизнечувствования Нахаша.

Нахаш, как существо «ворожащее», обладает приемами, позволяющими ему смотреть в невидимое, разгадывать судьбу и трактовать грядущее. Эту свою позицию знатока тайн Нахаш внедряет в душу женщины, изнутри раскрывая ей «хитрость» замысла Бога.

[7] Отметим игру слов. В предыдущем стихе про перволюдей сказано, что они — «арумим», наги. Нахаш же — «арум», хитр, нагл.

«Но вот, что знает Бог (Элоким): *в день, когда вы съедите его, раскроются ваши глаза и вы станете как боги* (ке элоким — множественное число), *знающими добро и зло»* (Б.3:5).

Во всем диалоге Нахаша и женщины название запретного Древа почему-то не упоминается, хотя и подразумевается, что речь идет все-таки о нем. И вот сейчас, в словах Нахаша, нам раскрывается назначение этого Древа. Именно Нахаш уверяет Хаву (Еву) в том, что это — чудесное дерево, съев от которого получаешь новую полноту разума: знать что есть добро и что есть зло. Такой смысл Древа познания — смысл, данный Нахашем! — и утвердился в поколениях среди людей. Нахаш все же прочно внедрил в нас свой взгляд на Древо познания. Не Господь, а Нахаш ввел то название Древу познания, над которым люди до сих пор ломают голову. И если уж брать это название у Нахаша, то надо быть последовательными и пользоваться им в том смысле, в котором его мог употреблять Нахаш, знающий лишь, что есть добро и зло для себя. Древо познания, по Нахашу, это Древо познания добра для себя и зла для себя.

Мы уже говорили, что «видеть» в Эдене — значит знать разумом. Раскрытие глаз, о котором толкует Нахаш, есть впускание нового и высшего знания в разум, в данном случае — знания, что добро и что зло. Нахаш уверяет женщину: знать это — свойство «богов», сил Творения, произведших Мир. Так это или не так? Из других мест Библии мы знаем, что некоторые ангелы, действительно, знают что есть добро и зло само по себе. Но совсем не в том смысле, в котором понимает Нахаш, — не «для себя». Съев от Древа познания, Адам и Хава никакого высшего знания не получили. Напротив, все в их жизни и Мире — особенно добро и зло — спуталось. Конечно, Нахаш блефует. Но в словах его есть кое-что весьма серьезное.

Творящие силы — элоким — потому и могут творить Мир, говорит Нахаш, что им дано знать, что есть добро и что есть зло. Они «едят» от Древа познания — и вы, поевши от него, станете как боги и сможете, подобно им, творить Миры. Что особенно нужно вам в вашем положении. Бог очень хитер и намеренно скрывает от вас возможности этого волшебного дерева. Древо это неядовитое, напротив, оно дарует высшую полноту знания и силу жизненности. Бог вас обманывает. И нетрудно понять, зачем. Вы для него — промежуточные создания, пригодные для последующего творения через рождение. Используя вас как средство, Бог создаст новое существо, выше и сильнее вас, которое будет властвовать над вами. А вы сами «схитрите», опередите Его, съешьте — не от Древа, коль вам страшно, а от плода хотя бы! — и сможете творить Мир, став вне конкуренции.

Бог, как и все мы, желает блага Себе — считает Нахаш. Люди созданы как подобие Его. Так будьте подобны Ему! Ведь данный вам запрет Бога — пустые слова, не те слова-законы, которыми Он правит в Мире. В действительности Божий закон в людях один — наслаждаться жизнью! Вот истинное естество, естество, которое от Бога. Ешьте — раз голодны! Раз есть хочется! И от того, от чего хочется! Данный вам запрет умышленно противоестествен, мешает наслаждаться Им же данной жизнью. Смелее нарушьте его! Так, видимо, «искуситель» соблазнял первую женщину... Знакомая всем нам песня.

Нахаш — олицетворение Самости и свою жизнь решает просто: что хорошо мне, то и надо делать. Высшие духовные ценности и стремления противоречат сознанию Нахаша, его чувству блага себе. Для него они — помеха. Он не желает допустить творение нового Мира и рождения «истинно живого» духовного существа в Мир. Это умалило бы его значение и, главное, не соответствовало бы его натуре. Искушая женщину, Нахаш решился на активные действия и стал противником Бога. Это особенно важно подчеркнуть потому, что Нахаш внедрен в нас и нам следует знать то действие, которое он производит в нашей душе.

2

На Шестой День Творения Бог творит существо, в которое вдыхает Свое дыхание и к которому обращается со словом, сообщает ему Свою Волю, дает заповеди, не объясняя, отчего нужно делать так, а не иначе. Господь не угрожает людям, не говорит, что Древо познания ядовито, смертоносно для них. Он говорит: не ешьте — потому, что Я так велю и знаю, что будут роковые последствия. Запрет Господа опирается на силу адамовой верности Ему и любви к Нему. Господу важно, чтобы Адам слышал Его Голос, чтобы Адам слушал и слушался Его, не рассуждая. Господь обращается к «слуху» человека, к его религиозному чувству, а не к его «видению», его уму.

Нахаш же аргументирует, приводит различные соображения, ухищряется умом и силой «арма», убеждает женщину нарушить запрет Бога. Он убедителен, он раскрывает глаза ей, он побуждает ее посмотреть и увидеть.

«И увидела женщина, что хорошо дерево для еды: и вожделенно для глаз, и желанно для умудрения» (Б.3:6).

Нахаш обещал, что съевший от Древа умудрится, обретет только «богам» доступное знание, станет высшим по разуму — «увидит». И она «увидела», что Нахаш, пожалуй, прав.

«И раскрылись глаза у обоих и осознали... «

Господь полагался на религиозное чувство первых людей, на их слышание Его Голоса. Нахаш же совратил их, воздействуя на их способность понимать, рассуждать, предвидеть, смотреть разумом.

Знание — то, что приобретается. Даже познание Бога человеком нужно себе, познающему. Но слушание, как напряжение религиозного слуха, и слышание, как открытость Его Голосу — это обращение себя к Нему, это — для Него. Это нужно Ему.

Познание, в некотором смысле, есть процесс овладевания, захватывания себе, присвоения и усвоения. Познание Бога есть вопрошание Его для себя. Человек разумом тянется к Нему, чтобы понять и познать Его, дотянуться до Него — от себя. Элемент завладевания и присвоения, который есть во всяком познавании, присутствует и здесь. Но слушание — другое. Это активность совсем иного рода, это раскрытие себя Ему, активность принятия Его Голоса и подчинение себя Его Голосу.

Знание — совершившийся факт жизни духа, оно — во мне, оно — мое. Слушание — жажда, жажда Голоса, обращение всем существом к Голосу, как олень пустыни, изнывая, обращается весь на голос недостижимого родника (Пс.42:2). Познание — стало и осуществилось, а слышание — *«речь Непознанного услышу!»* (ПС.81:6).

Слушают — непознанное. Знание, познание, узнание — фундамент, основание для слушания. *«Знай Бога, отца твоего»* — сначала, и затем — *«служи Ему»*. Для работы Богу нужно сперва признать и узнать Его. Сама же работа служения начинается **с жажды слышания непознанного.**

Слышать Бога значит то, чтобы каждый твой путь стал Его путем. Человек служит Богу своей жизнью и своими путями, на которых он должен искать Его — и жить. Пути — твои; но в них ты должен узнавать Его. Если во всех твоих путях ты слушаешь и слышишь Его голос — то Он берет дороги твоей жизни в Свой Путь.

Авраhам, когда Господь явился ему, упал на лицо — чтобы, как говорит Рамбан (Нахманид, рав Моше бен Нахман, живший в XIII веке) все внимание отдать голосу, словно отказываясь от зрения. Видение — это очевидность. Оно не оставляет место сомнениям. Оно гипнотизирует. И, вместе с тем, как легко и просто лишить себя зрения, всего лишь закрыв глаза, и как неестественно для человека хотя бы ненадолго сознательно лишить себя слуха. Создается впечатление, что именно слышание есть естественное духовное свойство человека. И Бог Свою Волю заповедует в уши человеку. Он ждет от него слышания. Истина — это, прежде всего, то, что звучит, на слух мы отличаем истину от лжи. Маймонид (Рамбам, рав Моше бен Маймон, живший в XII веке) считал, что до греха Адама единственным критерием оценки у людей в Саду Эдена было не знание

доброго и злого, а различение истины от лжи. Ниже мы еще скажем об этом два слова.

Не гнозис, не мистическое видение, не познание секретов Творения, не обманчивая поверхность вещей и не внепредельные тайны Его, но слышание Голоса требуется от нас. *«Голос — голос Иакова, а руки —руки Эсава»* (Б.27:22). Захватывающие и овладевающие руки — у Эсава, у любителей завоевания Природы и ее милостей, с их ведовством и философией, упоением знанием и силой рук. В руке Эсава оружие познания, познания для себя, которым он и добывает себе пищу духовную и не духовную. Но сказано: *«не хлебом самим по себе будет жить человек, но всем исходящим из уст Бога будет жить человек»* (Втор.8:3). Адам же и жена его еще ничего не ели, они были голодны и съели, нарушив то, что исходило к ним из уст Бога. И лишились блага непрерывной жизненности.

Рвущиеся к духовной добыче, захватывающие себе и для себя своевольствуют, силятся овладеть всем тем, до чего дотягиваются их руки. Их идеал — стать самовластными в мистическом мире. Но гложущий их голод не утоляется (и это голод зрения; недаром слово «раав», голод, перекликается с идеей зрения, «раава»). *«Образ его — как лев, рвущийся к добыче, и как лев* («кфир»), *сидящий в тайнах»* (Пс. 17:12). На эти тайны — дерзко *«уставят глаза их»*. Но эти «кфирим» (львы) — как «отказавшиеся», «отменившие», «отрекшиеся» («кфира»). И потому клыкам львов быть вырванными (Пс.58:8, Иов.4:10).

Есть в Писании места, говорящие об ослеплении мудрых и праведных (Исх. 23:8, Втор.16:19), слепым был Ицхак (Исаак) — это все возможно, потому что потеря зрения не означает нарушения назначения и отказа от труда жизни. Но глухота — означает. Нам вменено в обязанность постоянное напряжение религиозного слуха. И вопрос не в открытости слуха только, но в самой интенсивности поиска путенаставления, дело в силе внимания и в глубине приятия. Слушать — всем существом.

Вот этого-то напряжения и силы слушания лишился Адам в Эдене — и испугался! Господь призывал его вернуться, Он звал его: «Где ты?» и ждал от него услышания. Но Адам спрятался от лица Господа, потому что:

«Голос Твой я услыхал в Саду и испугался...»

Таков его ответ на зов «Где ты?» И вот — молчание Бога и сокрытие Его лица стало нашей жизнью на Земле. *«Стала мне слеза моя хлебам днем и ночью, говорят мне весь день: Где Господь твой?»* (Пс.42:4). Эта жажда услышать тот Голос, который Адам испугался услышать. Призыв слышать «Где ты?» — собственно, призыв к пробуждению, призыв исправить то, что причинило преступление заповеди человеку, то есть преодолеть удаление и сокрытие человека от Бога и Бога от человека. День разлучения Голоса и слышащего и остался в круговороте времен для нашего сознания **днем сокрытия** (Пс.81:4), днем духовного одиночества человека, лишившегося слуха и потому испугавшегося встречи с Богом.

В противовес множеству незаданных вопросов, на которые всуе стремиться ответить человек, вопрос Бога: «Где ты?» — свыше заданный вопрос, на который Он ждет ответа. «Где ты?» — это и вопрос, выражающий действие Бога на Земле, Его призыв к человеку. «Где ты?» — вопрос о месте человека в Мире. Вопрос «Где ты?» предполагает встречное вопрошание: «Где я?». Это вопрос о направлении Пути жизни человека.

Голос Всевышнего давал Адаму в Саду ориентир в жизни. Теперь человек потерял его, не знает «где он» и «где Он», не ощущает цели и смысла своей жизни, не понимает своего истинного места в Саду Эдена. Он сбился с Пути, спрятался от Бога в убежище, ушел в безнадежность духовного одиночества, и теперь должен покинуть Сад Эдена.

Обо всем, что Бог сотворил, создал и сделал в Днях Творения Владыка Мира сказал: «хорошо», «тов», — то есть соответствует Его цели и исполняет Его замысел. Только человек, созданный подножием Его, только человек, уподобленный образу Творца и наделенный способностью быть партнером Ему (как подобие), только человек есть творение, которое еще «не хорошо» (Б.2:18) в глазах Создавшего. Человек есть творение не завершенное и Творец отдает человеку невероятную возможность управлять собой по своей воле. В каком-то смысле он — соучастник Творения: творения себя, партнер в игре. Но эта игра с постоянно меняющимися правилами, где Распорядитель игры отвечает за ходы Своего свободного партнера.

Из создания целостного, бифункционального, человек превращен в две стоящие друг напротив друга «стороны» — мужчину и женщину, — несущих каждый свое задание, но призванных осуществлять вместе единую задачу человека в Саду Эдена. Так должно быть «тов», «хорошо». Но так не случилось. Данную им свободу люди использовали не так. И вот из существа Сада человек стал существом Земли, его Путь ныне — через пот и труд, страдания, смерть и смену поколений. Только так теперь может человек осуществлять свою задачу — не как «Адам», а как «сын Адамов».

«Благо себе» для любого другого существа означает одновременно исполнение Воли Творца о нем. Лишь для человека одно может противоречить другому. И Господь Бог хочет от человека бескорыстного исполнения Его Воли — не ради своего блага и не ради награды, но ради Него. Всякое нарушение человеком Воли Бога, после которого Ему приходится переформулировать условия бытия его в Мире, есть результат того или иного рода корысти, желания взять себе самому. Это-то желание и внедрил в человека Нахаш.

3

Почему Нахаш обращается к Хаве (Еве), а не к Адаму? Да потому, что она сама не слышала Голос Бога и религиозное чувство ее души не так звучно, как у Адама. К тому же разум — не женская область душевной работы, не главная сила ее духа и ее легче совратить видениями света разума, искусить предвидением, завлечь рассуждениями и анализом.

Нахаш сумел направить разум, ведение, против религиозного чувства, слышания. В итоге разум и религиозное чувство спутались в сознании человека. В состоянии такого смешения человек переставал слышать Его четкий Голос в себе и, по слепоте разума, съел от Древа познания. Само познание из добра превратилось в средство оглушения религиозного слуха и в пособника искушения, в зло. Заповедное Древо оказалось Древом превращения самого познания из добра во зло. В покровах «сокрытия» от Бога, в которых с тех пор живут люди, разум может обрести такую функцию.

Порча религиозного слуха и разума человека для Нахаша не самоцель. У него другие, свои мотивы. Ворожа над женщиной, он внедрял в нее себя. И внедрил. И в нее, и в Адама, и в нас. Нахаш, знающий только «благо себе», сообщил такое желание людям. Приняв в себя Нахаша, душа человеческая обрела сознание самостности.

Самость — одно из возможных ударений души. Самость тем более заявляет о себе, чем более выражено ударение сознания на выделенности «я», на самозвучании, самоусилении. Самость тем крепче, чем обострено и выделено сознание отделенности «я» человека. Начало Нахаша, внедрившись в человека, исказило его самосознание, самочувствие, самоощущение. В этом **ложном, искаженном самоощущении** все и дело.

Неправда, что голод, любовь и прочие душевные и телесные потребности более всего правят человеком. Всего важнее человеку — его самоощущение. Ради самоощущения человек готов на все. Во всех своих делах, движениях, взаимоотношениях человек более всего силится удовлетворить свою самость. Труднее всего человеку пережить то, что его самость как-то дурно чувствует себя в нем. Разнообразные ощущения своей самости, даже ее капризы, двигают человека по жизни и часто составляют ее основной мотив. Сюда входят гордость и властолюбие, тщеславие, корысть, карьеризм, нетерпимость, соблазны борьбы, неравенства и многое другое. Практически все беды человека — от корневого греха самости, который и обращает доб-

ро в зло и зло в мнимое добро. На вопрос «Где ты?» человек должен был ответить Богу: «я—в самости». Самость — покровы сокрытия человека от самого себя и от Бога. Самость, будучи сама по себе, тем самым противостоит Богу.

Мы знаем, что душа человека сформирована Богом из двух начал. Одно — нешама, дыхание Бога в человеке. Другое — нефеш, животная душа человека. Это — разные, но исходно равнодостойные начала. Самость извратила человека, ослепила его разум, оглушила его религиозное чувство и, что особенно важно, разлучила нефеш и нешама в человеке. Теперь нефеш стала центром самости, вместилищем ложного самоощущения и самосознания.

«Грехопадение человека» это падение нефеш человека в грех самостности — вниз от нешама. Человек был душевно двуединым, а стал дипольным душевным существом. В нем вместе проживают две души, высшая и низшая. Внутри человека, в его душе, в нефеш проступила низменность, и она рухнула вниз. Вот величайшее потрясение, которое когда-либо довелось испытать человеку!

После греха Адама внутридушевная жизнь человека вечно накалена, постоянно напряжена между нефеш и нешама. Живая душа человеческая раздвоена по вертикали и, действуя в реальной жизни по назначениям нефеш, человек способен обозревать себя «глазами» нешама, судить себя с высшей точки зрения в себе, испытывать муки совести и стыда за себя, переживать идеал и каяться сам перед собою.

Съев от Древа познания, человек ощутил вдруг что-то постыдное в себе, почувствовал душевное напряжение и расчленение, стал свидетелем искажения своего «Я», весь содрогнулся от произошедшей в нем перемены и в ужасе за себя, за то, какой он вдруг стал, спрятался среди деревьев Сада.

Падение нефеш непосредственно выразилось в возникновении чувства стыда за себя и свою наготу. Тора рассказывает, что Адам и жена его сшили себе пояса из листьев смоковницы (Б.3:7). Но дело происходит в Эдене и эти «опоясывания» (хагурот) имеют и другое значение.

Что делать было Адаму после того, как самостность низвела нефеш, сделала ее «животной душою» в земном смысле слова? Он обнаружил в себе и нечто святое и нечто постыдное: то и другое было в нем вместе, было им, смешивалось друг с другом, в едином внутридушевном котле. Этот накаленный душевный хаос, это внутридушевное «тоhу вавоhу» нужно было укротить. Но как? Так же, как поступил Бог, когда на Второй День Творения разделил верхние и нижние воды. И Адам разъединил высшее и низшее, отделил святое в себе от постыдного в себе и закрыл это низменное, постыдное — сделал «хагурот», опоясывания.

Опоясывания, которые сделал Адам, разъединяют высшее и низшее и выделяют высшее в себе. Что это за процесс в человеческой жизни? Как назвать его? На первых порах это можно назвать процессом окультуривания человека, процессом накопления внутренней культуры, выделяющей высшее, очищающей от низшего и тем возвышающей человека. Это самовозвышение человека в культуре, теоретически говоря, противостоит самовеличанию самости, во всяком случае вводит ее в некоторые рамки, облагораживает ее, прикрывает, скрывает. Вся наша этическая и культурная жизнь исполняет эту данную ей Адамом функцию одежд самости, ее возделывания и преобразования. Это уже чисто человеческая деятельность, которой люди сами себя творят, образуют.

Отдадим должное праотцу Адаму. Поняв, что согрешил, и испытав величайшее потрясение, он прежде, чем спрятаться от Бога, сделал опоясывания на себе и в себе и тем включил процесс культурной жизни. Без человеческого творчества и культа, без культуры, и внутренней культуры в себе и внешней культуры, жить в покровах сокрытия людям нельзя — гибельно.

И все же, мы как-то обошли самое главное в эденской истории: почему от запретного Древа ел Адам? Тора рассказывает только, что женщина сама поела плодов Древа *«и дала также мужу своему с нею; и — поел»* (Б.3:6). Адам тут вроде бы совершенно пассивен. Он — «свой муж», он «с нею», вместе, в единстве душевной свитости, в которой она — человек рожающий, то есть существо более высокого порядка. К тому же она «кенэгдо» — стоящая лицом к лицу и имеющая право и силу быть «против него» в решительных ситуациях совместной жизни. Такова ее обязанность, вытекающая из ее труда и из ее статуса «хранительницы» Сада, Адама, «сына». Что ж, она дала — он ел. Но подозрительно, что именно так Адам оправдывался перед Господом Богом.

Это Ты, Сам, дал мне жену, защищается Адам, дал, чтобы она была со мной, и она дала мне плод, вот я и поел; тут вина ее и Того, Кто ее мне дал, но не моя. Так Адам обходит обращенный к нему вопрос Бога:

«Кто сказал тебе, что ты наг? Не от Древа ли, которого Я запретил тебе есть, ты ел?» (Б. 3:11).

Иными словами; «от кого ты услышал иное указание? Какого голоса ты послушался? Ведь это — не мой Голос», Странно: Адам сам слышал Бога, сообщил то, что слышал, жене, которая сама не слышала Его; а в итоге получилось, что он послушался ее голоса, а не Голоса Бога. Тут явно что-то не так. Не в жене и ее статусе тут, видимо, дело.

Возможно, что некоторую роль в ослушании Адама сыграло то формальное обстоятельство, что он все же ел не «от древа», а от его «плода», который, вообще говоря, может находиться вне дерева и как плод предназначен в пищу человеку. Но «грехопадения» в его роковой полноте все же не было бы, если Адам, как и жена его, не принял бы в себя самостное начало Нахаша и тем извратил в себе нефеш. Однако, Хаву Нахаш совратил разумом. А Адама?

По древней устной традиции Адам в Саду жаловался про себя, что Господь не дает ему познать все самому. По своей незрелости Адам ощущал себя недостаточно свободным, опекаемым, желал большей самостоятельности и потому «слушал», внимательно вслушивался в аргументацию Нахаша, призывающего действовать во благо себе. Нахаш вошел в Адама, на подготовленную его свободомыслием почву. Но свободолюбие Адама как носителя нешама — не самостное вольнолюбие Нахаша. Адам не подменяет Голос Бога голосом Нахаша. Тут все куда сложнее.

Более всего на Адама произвела впечатление трактовка Нахашем Древа познания как познания того, что есть добро и что есть зло. Слово «даат» (познание) имеет в иврите непривычное для русского языка значение сокровенного знания. Именно в свете этого сокровенного знания сказано, что Адам «познал» свою жену Хаву. Даат — не интеллект, не различение и анализ, а глубинный интимный процесс проникновения внутрь и таинственного соединения. «Даат тов ва-ра» — взаимопроникновение «добра и зла», но такое взаимопроникновение, при котором добро спутано со злом. Этого-то и не ведал Адам.

Изначально Адаму была присвоена «истина и ложь», и он вполне мог жить в Саду Эдена, руководствуясь средствами познания только этой пары понятий. И вот ему как будто открываются новые перспективы, новая и дополнительная степень познания, доступная лишь «богам» — познания, то есть принятия в себя глубинного знания добра и знания зла. Какое обогащение! Какие новые — и огромные! — возможности для продуктивной душевной работы, для возложенного на него Богом труда возделывания души! Какая динамика приращения мощи разума! И какое ускорение духовного роста — вперед, к зрелости, к духовной возмужалости, к полноте столь чаемой духовной свободы! Вот тот голос в себе, который «услышал» Адам. Но это не был Голос Бога. Свой собственный голос Адам принял за Голос Бога — и послушался...

Не по злому умыслу Нахаша, не по слабоволию и духовной пассивности и не по настоянию голоса жены своей свершился первый грех. Адаму казалось, что так лучше и для него и для порученного ему Богом дела. Он подменил голоса, он обольстился звуком своего голоса — и обманулся. Никакого нового познания он не получил. Самовластно при-

своенное им «добро» и «зло», действительно, стало свойственным ему, но смешалось в нем так, что нельзя было слышать и видеть **что** «истина» и **что** «ложь». Адам лишился ориентира в эденской жизни.

Древо познания добра и зла оказалось не Древом знания, **что** есть добро и **что** есть зло, а Древом самовольного принятия внутрь себя, хаотичного присвоения и добра и зла. Что добро, что зло — Адам не знает. В нем неотъемлемо присутствует «результат добра» (йецер hа тов) и «результат зла» (йецер hа ра), то есть доброе и злое. Теперь ему надо услышать (а не познать или узнать), где доброе и где злое. Но услышать это можно только от Бога... Все, что мог теперь Адам, — это сделать «хагурот», опоясывания, начать путь накопления голосов культуры, хоть как-то компенсировать недостаток его религиозного слуха.

В качестве первого из «результатов зла» в себе Адам познал страх — страх за себя и страх перед Господом. Он ужаснулся на себя и испугался Господа. В этом «зле» есть, как видите, и «добро» страха Господнего. Адам хотел как лучше, а оказалось стыд, страх, ужас, сокрытие лица Господа и свое собственное сокрытие от Него. Полный тупик. Только Господь Бог — Тот, Кто ведет человека по жизни — может теперь вывести его из тупика на Путь.

Возможность «грехопадения» Адама предусмотрена Господом. Ведь нельзя сказать, что Адам был совсем не прав в своих расчетах продуктивности духовной работы средствами познания добра и зла. Мудрецы говорят, что Древо познания было ему запрещено не навсегда, что оно было бы разрешено в свои сроки, при большей зрелости Адама. Так что Адам вкусил от Древа познания преждевременно. В этом его вина.

И все же, включение в жизнь «результатов добра» и «результатов зла» придает душе большее рабочее напряжение. В такого рода душевных страданиях создаются условия для добывания все большей и большей полноты жизни. Туг, в преодолениях и мучениях духовного роста, куется победа духа. Все это совершенно справедливо, но... для **Пути земной жизни,** в ее условиях (в том числе и в условиях дискретности жизни души) и в ее трудах, а не в условиях и трудах Сада Эдена.

Съев от Древа познания, Адам тем самым выбрал себе Путь земной жизни, где в дело идет и путаница доброго и злого, и разделение души на высшую и низшую, и борьба с самостностью. Адамитам, сынам Адама, с их помраченным религиозным слухом и затуманенным разумом, нельзя заселять Сад в Эдене. Да и какое высшее, «истинно живое» духовное существо смогут теперь родить иш и иша? Себе подобного? Каина? Нет, съевший от заповеданного Древа должен уйти. Изгнание из Сада Эдена стало неизбежным.

VI. ИЗГНАНИЕ

1

Человек не в состоянии разрушить Замысел Бога. Но он в некоторой мере свободен в выборе условий и путей исполнения этого Замысла. Человек может идти столбовой или окольной дорогой, выбирать ясную или путаную трассу своей жизни, решать продвигаться зряче или наощупь, плутая во тьме или идя на Голос, устанавливающий его Путь.

В Саду Эдена человек, сам того не сознавая, избрал свое жизнепрохождение. Грех Адама, во-первых, состоял в том, что он утратил то естественное свойство религиозного слуха, которое в Саду Эдена вело его по прямой дороге исполнения Воли Бога, перестал слышать Его Голос и ослушался Его.

Во-вторых, грех Адама состоял в том, что человек «познал», принял в себя путаницу взаимопроникающих «добра и зла», познал мнимое добро и стал носителем «результата зла» и «результата добра». Он не только духовно оглох, но и ослеп, зашорен разумом.

В-третьих, грех Адама состоял в том, что его воображение порочно заработало, он устыдился себя, познал стыд, которого до того не ведал в себе.

В-четвертых, грех Адама состоял в том, что он впустил в себя Нахаша, стал самостным душевным существом, обрел ложное самоощущение. Его нефеш из характерной стала самоличностной, самодостаточной и самовольной.

В результате «грехопадения» изменился статус, звучание и значение животной души человека, его нефеш. Этот роковой результат виден в глубокомысленной символике первой буквы алфавита, буквы «алеф». В этой букве мудрецы даже видят графический символ Начала (Главы) Творения, его «решит» (см. Б. 1:1). В «алеф» есть и две точки (правая и левая, мужская и женская, верхняя и нижняя) характеризующие изначальную двойственность, заложенную в Творении — есть и наклонная линия, «ракия», разделяющая верхнее и нижнее и соединяющая два Света: Свет вне Мира и Свет внутри Мира. Этой же структурой буквы «алеф» можно проиллюстрировать и то, что произошло с Адамом в Саду Эдена.

Перемещенный в Эден человек изначально сформирован из двух «йод», двух равноправных начал: левой, «женской» — нефеш, и правой, «мужской» — нешама. В результате греха Адама левая «йод» падает вниз и перевертывается «хвостиком» вверх, правая «йод» остается там, где была, наверху. Адам производит «опоясывание» — проводит разделяющую линию. Но она есть одновременно и объединяющая линия, единящая два формирующих человека начала. «Йод» нешама соединяется с этой линией сверху, перевернутый же «йод» нефеш энергично рвется подняться вверх, на соединение с нешама. «К нему стремление твое», — невольно вспоминаются слова, чуть ниже сказанные про женщину и женское душевное начало в человеке.

В букве «алеф» не только падение и разделение, но и все еще сохранившаяся целостность духовной структуры человека и стремление к ее восстановлению, низа с верхом — восходящий Путь падших людей.

После первого греха Господь Бог обращается к Нахашу, женщине и Адаму. К Нахашу — с проклятием. К Адаму и Хаве — с изменением стратегии их жизнепрохождения.

«И сказал Господь Бог женщине: «Что это ты сделала?» И ответила женщина: «Нахаш соблазнил (hишиани) *и я ела»* (Б.3:13).

Словом «hишиани» женщина стремится передать иллюзорность произведенного над ней действия: Нахаш «посулил мне нечто, что не оправдалось», он «соблазнил» меня. И заметьте, Бог не вступает в объяснения с Нахашем. Он проклинает его:

«И сказал Господь Бог Нахашу: «Раз ты сделал это — проклят ты (арур ата) *перед всякой бehема и всяким зверем»*

Понятие «арур», проклятие, противоположно понятию «браха», благословение, давание блага. «Арур» означает вырванность, оторванность, отрезанность от всего, что дает благо. Сравните со словом «арири», бесплодный, не дающий порождений, лишенный благости продолжения себя. Нахаш — то начало самостности, на котором произрастает зло в человеке, — проклят. Бог не уничтожает его, но отрывает его от источника мощи жизни и лишает его способности совершенствовать себя дальше. Люди зря так часто ссылаются на необоримость самостного начала в себе. Нахаш в человеке ослаблен, оторван от источника собственных соков жизни, проживает в человеке паразитом и вором, питающимся от его жизненных сил. Это уже не «прямоходящее» духовное существо, которое способно ясно, открыто и без надрыва заявить о себе.

«В извивании (гехон) *своем ты будешь ползать, и прах* (афар) *ты будешь есть все дни жизни»* (Б.3:14).

Конечно, реальная змея не ест «прах», а питается мелкими животными. «Прах» (афар) — тут символ низменности. Господь лишает Нахаша вкуса к жизни. Нахаш не получает наслаждения и блага от своей пищи. Он алчет, но все, что потребляет он, — низменно и

безвкусно, все, как прах, и все прахом. Таково, разумеется, и действие самостного начала Нахаша в человеке.

«Гехон» — не «брюхо», как обычно переводят, а «извивание». Змея для че-

ловека — образ чего-то отвратительного, неслышного, от чего он инстинктивно отшатывается. Нахаш, как змея, ползает, извиваясь в нас. Всякий его путь есть это построенное на обмане извивание во тьме. Технику извивающейся хитрости Нахаша в нашем веке отчасти проследили и З. Фрейд и его последователи.

«И вражду положу между тобой и женщиной и между твоим потомством и ее потомством; она будет разить тебя в голову, а ты будешь поражать ее пяту» (Б.3:15).

В некотором, для нас уже отвлеченном смысле Нахаш «вожделел» к женщине. Теперь, напротив, между ними поставлена неотменимая вражда — на все поколения, навсегда. Эту извечную вражду к отвратительно извивающейся низменности Нахаша знает (в себе и вокруг себя) всякая желающая душевного здоровья женщина. Женщина, оказавшаяся во власти Нахаша, нравственно ужасна. Нахаш и самоотречение, Нахаш и человеческое чувство ближнего несовместны.

«Шаф» — резкий разящий бросок змеи, всегда неожиданный. Эти внезапность и резкость есть и в действиях Нахаша в душе. Про него сказано, что он «тешуфена акев» — будет поражать пятку, бросаясь сзади. Он подкрадывается как бы сзади, с неосвещенной сознанием стороны души, и выбирает момент броска так, чтобы застать душу врасплох. Сам укус Нахаша («в пятку») не болезненный, но опасен по последствиям, по яду низменности и эгоцентризма, проникающего затем в жизнеопределяющие центры души и отравляющего их. Справиться с этим отравлением бывает трудно. Лучше не допускать броска Нахаша, предупреждать его нападение.

Но сделать это непросто хотя бы потому, что Нахаш ничего членораздельно о себе в душе не произносит, он шипит («нашар») в ней и прячется в бессознательности, предпочитая нападать на не сознающую опасность душу. Бдительность души важна тогда, когда Нахаш еще не пробужден в ней. Человек сам призывает его к себе, сам возбуждает его на себя своим воображением. Разить Нахаша следует сразу же, как только раздалось его «шипение» в душе. Иначе он возбудится, бросится и поразит. Тут — борьба: кто кого и когда. Такова ситуация внутренней жизни человека после рокового ослушания Адама.

«Потомство женщины» — это все мы. Борьба с Нахашем неизменно входит в общую задачу нашей жизни, и мужской и женской.

Но прежде всего женской. Нахаш особенно опасен для женщины, ему легче отравить именно ее душу, вывести ее из свойственной ей духовной работы любви. Бросок Нахаша ей следует предварять решающим волевым усилием, разя в его управляющий центр, в «голову», сознавая меру грозящей ей опасности. Это и подчеркнуто в 15 стихе третьей главы книги Бытия.

Древо познания — Древо выбора Адамом его дальнейшего жизнепрохождения. Вкусив от него, Адам избрал путь опытного познания добра и зла. Но Нахаш самовольно вмешался в этот процесс выбора и не только искушал нарушить заповедь Бога, но и внедрился в человека, испортил его животную душу, его нефеш. Нахаш, действительно, грозная и дополнительная опасность, путающая уже выбранное земное путепрохождение человека.

Но жизнесознанию Торы совершенно чужда мысль, по которой «первородный грех» наложил на человека печать проклятия и сделал злое в его душе неустранимым.

Адам не проклят. Проклят Нахаш. И душа, которую Всевышний вдунул в лицо человека, его высшая душа, нешама, — чиста. Но и на низшей душе человека нет роковой несмываемой печати падения. В результате греха Адама и под влиянием Нахаша исказилось рабочее взаимоотношение нефеш и нешама, кардинально изменилось положение человека в Творении. Действия Адама и его жены сделали их способными на злое, создали напряженный рисунок их жизни, ввели смертность в их существование, запутали их разум и оглушили религиозное чувство. Да, телесно человек стал иным. И животно стал другим. Но духовно, в своей духовной сущности человек не переменился. Сохраняя ее в себе, он в состоянии строить свою жизнь в соответствии с Замыслом Всевышнего на него. Путь человека по жизни отягощен Нахашем, Нахашем обессиленным, который усложняет труд человека на Бога, но не делает его задачу безнадежно неисполнимой. Противодействуя человеку, Нахаш тем самым побуждает душу больше напрягать себя и взводить духовную жизнь в себе, быть бдительным и бороться. Что в Саду Эдена вовсе не было нужно.

Сам по себе факт, что Господь Бог разговаривал с Нахашем, что-то да значит. И в шипении и в извивании Нахаш, как одно из правящих начал животности, продолжает исполнять некоторую назначенную ему функцию. Недаром мудрецы замечают, что есть только три существа, которые совокупляются лицом к лицу: человек, которого на это благословил Бог, рыбы, благословенные на размножение в Четвертый День Творения, и змеи...

2

Есть различие в том, как Господь Бог разговаривает с Нахашем, и как Он разговаривает с Адамом и Хавой. То, что для Нахаша в чистом виде наказание, проклятие, то для женщины — урок, научение, лечение, лекарство, которое соответствует ее болезни.

«А жене сказал: нарбэ арбэ (многократно умножу) *ицвонэх* (страдание твое) *веheронэх* (и беременность твою), *бе-эцев телди ватин* (в страданиях будешь рожать потомков), *ее эль-ишех* (и к мужу твоему) *тшукатэх* (стремление, влечение твое), *ее hу йимшоль бах* (и он станет управлять тобою)» (Б.3:16).

Если раньше, в Саду Эдена, рождение «единой плоти» — «бен», «сына», нового высшего духовного существа — было сопряжено с радостью, то теперь, в иных условиях существования, воспроизводство потомства и в этом смысле рождение сыновей («ваним»), связано для женщины со страданиями. Это не просто замена радости на горести в одной из сторон жизни, а страдания в том самом процессе, к которому назначена женщина. Родовые страдания — важнейшая характеристика всей изменившейся ситуации человеческой жизни.

В тексте стиха 16 много разного рода страданий: страдания родов, страдания беременности и самое общее «страдание твое», ицвонэх, подводящее нас к ударному понятию нашей жизни: **«ицавон».**

Существуют различные толкования, разъясняющие смысл отдельных частей 16 стиха. Однако ясно, что перечисленные страдания женщины распространяются и на деторождение, и, более того, на весь процесс взращивания детей. Конечно, это не кара женщине. Страдание ращения детей — благо женщины. Она — «дерево, делающее плод» и в этих страданиях зреет плод от нее, от ее жизни. Дети не даются готовыми, зрелыми, они рождаются на созревание, которое обеспечивает женскую жизнь высшим смыслом и значением. Труд по становлению сыновей всегда связан для матери со страданиями, в которых обогащается душа ее. И здоровая женская душа не жалуется на такого рода страдания. Они есть ее **формирующие страдания,** «ицавон» (от корня «эцэв», формировать).

Ицавон — не физические только, а более всего душевные и духовные страдания, страдания самопожертвования, отречения от своей самости, самый яркий образчик которого — материнская жертва.

Нахаш, внедрившись в душу женщине, выставил ударение ее сознания на благо себе. Хава совершила то, что совершила, потому, что не смогла и не умела отказываться от себя и своего блага. И тогда Бог вводит в жизнь человека ицавон, формирующее страдание, основанное на внутридушевном порыве преодоления самости. Высшие ценности нравственной жизни человека основаны на подавлении Нахаша в себе. Нахаш, хоть и отрицательно, функционирует на благо духовного роста. Так Господь Бог работает со Своими созданиями, исправляя содеянное.

В истории создания человека начинается новая глава — восхождение через формирующие дух страдания, **Путь ицавон.**

В Саду Эдена есть все, что нужно человеку для прямого и радостного восхождения, для положительной стратегии духовного роста. На Земле начался другой, окольный путь — через падения, преодоления препятствий внешней и внутренней жизни, посредством отрицательной стратегии духовного роста. Долго, мучительно, тяжело, срываясь и поднимаясь, погрязая и выбираясь, мучаясь душою и выковывая дух свой в этих мучениях, человек проходит земной Путь жизни. В лаборатории Эдена человек в самости души своей выявил свою ущербность и недоделанность. Именно на этом ущербном месте самости и сосредотачивается теперь дело воспитания человека Господом. Это дело — *«harбе арбэ ицвонэх»,* многим умножу страдание твое.

В Саду Эдена женщина прельстилась рассуждениями Нахаша и очаровалась плодами запретного Древа. Люди сами выбрали дорогу обольщений и прельщений, сами вступили на Путь ицавон, предполагающий самоизживание обольщений. Это путь разочарований и разоблачений, узнавания «потом и опытом» того, что можно было знать интуицией истины. Это путь, требующий отказа от мнимого добра, от исключительного переживания блага себе (своему «я»), отказа от самого себя, наконец. Путь этот соответствует тем нарушениям, которые в Саду Эдена произошли в духовной структуре человека.

Раньше муж должен был «прилепиться» к жене, теперь, напротив, она стремится к нему. Она без мужа не сможет теперь осуществить свою задачу жизни. Тут имеется в виду не эротическое влечение, а стремления духовные, душевные, психологические. Венец Творения, женщина, переходит в состояние «hy йимшоль бах», он станет управлять тобой. И опять же, это не в наказание ей. Это — школа ее исправления и воспитания. На совместном супружеском пути жизни муж — у руля, он — выбирает духовное направление и в этом смысле правит. Его руководящее положение обеспечивается не особым его преимуществом, а стратегией и назначением Пути ицавон самого мужчины.

3

Оправдываясь перед Господом, Адам указывал на два смягчающих его вину обстоятельства: то, что он ел все же не от Древа, а от плода Древа, и то, что он принял плод из рук той, которая создана после него и как существо высшего порядка должна была хранить его, руководить им. Более того, в его словах слышен упрек Богу: «ha *иша ашер натата имади*», жена, которую Ты дал, чтобы быть со мною, — Ты Сам дал ее мне, чтобы она была со мною — потому я и принял плод от нее! На эту речь и отвечает Господь:

«А человеку сказал: «То, что ты послушал голос[8] *своей жены и ел от Древа, о котором я повелел, говоря* (лемор): *не ешь от него* (мимену), *проклята земля ради тебя* (арура ha адама баавурэха), *с духовным страданием* (бе-ицавон) *будешь ты есть* (тохлена) *все дни твоей жизни»* (Б.3:17).

Вина Адама именно в том, что, послушавшись голоса жены, он ослушался Его Голоса. За это следует наказание, наложенное не на человека, а на место обитания человека — на Землю. Это проклятие не «из-за тебя» (как обычно переводят слово «баавуреха») и не проклятие самого тебя, а проклятие «для тебя», «ради тебя». Проклят не человек, а то, что «для него», его место обитания, несущее постоянную угрозу для его жизни.

Господь Бог, видимо, учитывает и аргумент Адама, что он ел плод дерева, а не «от дерева», как ему было сказано. Истоки этого недоразумения в самовольстве Земли, которая на Третий День Творения вместо «эц при» вывела «эц осэ при», сделала плод, специально предназначенный в пищу взятому от Земли человеку. Цепь ослушании началась с Земли, завязана с ней и завершилась грехом Адама. Господь разрывает эту цепь, вводя Землю в особое состояние оторванности от духовных соков, идущих на нее сверху. Некогда Земля в видах человека «вывела из себя» не совсем то, что требовалось, и теперь она выводит «для человека» всякую нечисть: блох, комаров, вшей, всяких микроскопических существ, доставляющих бессмысленные мучения людям, инфицирующих и приводящих их к преждевременной смерти. Наказание человека — не сама по себе его смертность (таков выбранный им самим Путь жизни), а постоянная угроза смерти из-за проклятия его места обитания, Земли.

Кроме того. Земля произрастит «для человека» *«ве-коц ве-дардар»*. «Коц» и «дардар» — два вида колючек: одни отталкивают («коц») и другие цепляются («дардар»). В целом это выражение символизирует некоторую сущностную оторванность Земли от человека, ее проклятости «для него». В некотором глубинном смысле Земля отталкивает настойчиво стремящегося овладеть ею человека и цепляет, когда он стремится оторваться от нее.

«...и будешь есть ты траву полевую!» (Б.3:18).

Мы уже говорили, как важна для живого существа пища, которая делается его плотью. Из этого стиха выходит, что человек по пище, телесно, приравнивается к скоту, который ест то, что само по себе выведено Землею. Но нет. Для человека предназначена не та трава и вообще не трава.

«В поте лица твоего ты будешь есть хлеб (лехем)...» — не траву, а «хлеб»!

Лицо (апаим), о котором сказано здесь, мы упоминали, когда комментировали стих 7 второй главы. Это то лицо, которым человек рвется к жизни и впитывает ее в себя. Это-то лицо, апаим, покрывается теперь потом напряжения от усилий добывания «хлеба» в пищу. В человеческую жизнь включен тяжкий труд добывания — его радости и его страдания, удовлетворение и разочарования, все победы и неудачи.

«Лехем» — не только хлеб (это одно из прикладных значений слова), а все то, что с боем вырывается человеком для себя у Природы или у других людей. Лехем — все то, что добывается в битве за существование. Однокоренное слово — «милхам», война, состояние войны. «Хлеб» — добытое пропитание, за которое в полном напряжении жизни борется человек на Земле. В известном смысле эта борьба и делает его нужным Богу работником.

В понятии «лехем» по сути заключено все то, что и в значении понятия «ицавон». Добывание «лехем» для мужчины такое же формирующее дух страдание, как для женщины — взращивание детей. Адамов Путь ицавон — в поте добывания хлеба насущного. Это — его школа жизни, которую он обязан проходить. Это — его обучение страданиями борьбы за существование, его воспитание трудом, требующим отречения от себя. Но почему же именно в поле, сея, заботясь о посеве и собирая урожай?

Главная пища человека потому и называется «лехем», «хлеб», что, учит пророк Ишайя (Исайя), душевная работа человека подобна труду взращивания зерна в поле: так же сеется, так же всходит, также требует труда охранения и взращивания. Работа человека на Земле по добыванию хлеба есть выражение и отражение мужской работы духовного роста, работы внутри себя по созреванию и добыванию того зерна, которое человек несет в себе.

Еще раз: питание соответствует духу того, кто получает питание. В Саду Эдена человек был предназначен дать (родить) плод, «плоть единую», «сына». Духовная работа человека в Саду Эдена вела к творению через рождение и состояла во «взращивании и хранении» плода души. Работа эта не беструдна, но подобна естественному процессу завязи и созревания плода на дереве. Модель плодотворения была предложена Землей, предварительно принята Богом и испытана Им в Саду Эдена на человеке. Нельзя сказать, что модель эта вполне сработала. И теперь она для женщины значительно изменена, а для мужчины на вооружение взята другая модель: высеивания, роста и созревания зерна, добывания «лехем» потом и опытом свободноволящего человека — **творение через ицавон.** Произошла серьезная

[8] Обратите внимание: не слов — голос!

смена и модели творения и Пути жизни. Это еще один, и важнейший, результат греха Адама и его жены.

У мужчины и женщины разные области одного и того же Пути жизни. Есть мужская и есть женская школа духовного возрождения, и восхождения человека на Земле. Специфически женское формирующее страдание — в страдающей (сострадающей) любви и более всего в выращивании детей. Специфически мужское формирующее страдание — в добывании разумом духовного хлеба, в работе страдающего разума. Отсюда: «к мужу твоему стремление твое». Женщина не может осуществить свою задачу жизни иначе, как будучи с ним в паре и под его духовным руководством. И это не возвышение мужчины над женщиной, напротив, на него возлагается вся полнота ответственности за нее, за то, чтобы уровень ее жизни и жизни в ней — и материально и духовно — не опускался, а постоянно подымался. Женщина же как была, так и остается хранительницей; это есть ее обязанность и забота.

У женщины и у мужчины свой особый труд жизни, они самовластны и самоценны в нем, но продолжают всегда быть вместе. Тем самым каждый из них, не разрывая связь с другим, обретает то сознание себя и своего (своего труда, пути, своих радостей и тягот), которое без Пути ицавон привело их к ослушанию Бога. Мало того, каждый из них теперь способен обрести то высшее знание, которые они преждевременно желали получить в Саду Эдена. На Земле каждый из них в своем, особом труде жизни узнает через формирующие страдания, что хорошо себе, что себе плохо. Как видите, Господь Бог удовлетворяет все притязания Адама.

В поте лица твоего ты будешь есть хлеб до того, как ты вернешься в ту землю, ибо из нее взят ты как прах и в прах вернешься» (Б.3:19).

Человек был взят из Земли, изъят из-под ее власти под непременным условием слышания и слушания Его Голоса. Формирующие страдания добывания хлеба, весь мужской Путь ицавон необходим из-за оглушения религиозного слуха Адама. Как и предсказано Адаму, человек становится смертным, но не в Эдене, а на Земле. В отличие от Эдена Земля есть то место, где идут волны оживления и умирания, где может происходить разъединение души с телом, превращающимся в прах. Именно на Земле оказывается, что человек — «как прах». Возвратившись на Землю, из которой он взят, человек идет путем всей природной плоти, через умирание и смерть, в обезличенность праха.

Однако, не сказано — ты «пойдешь» (телех) в прах. Сказано — и в прах «вернешься» (ташув). По авторитетному мнению р. Шимон бар Йохая (II век н.э.), написавшего основной кабалистический труд «Зоhар», тут дан важный намек. Логика 19 стиха не та, что, раз ты был сотворен из праха, то и станешь прахом (в чем тут глубина смысла?), а та, что как ты был сотворен из праха, так ты и будешь перетворен из праха. Земля — место возвращения человека в прах для перетворения, оживления после смерти. Тут работает все та же модель зерна, умирающего в почве и дающего жизнь новому ростку. Разумеется, это новый акт Творения. Но творения через рождение, как в Эдене? Или творение через ицавон, на Земле?

«И назвал человек имя своей жены Хава потому, что она стала (hайта) *мать* (эм) *всего живого* (коль хай)» (Б.3:20).

Слово «эм» (мать) и слово «им» (если) на иврите пишутся одинаково. «Эм» — это то условие, без которого ничего совершиться не может, та кондиция в Творении, благодаря которой только и может возникнуть то, что должно возникнуть. По духовному назначению женщина как была, так и остается существом высшего порядка. С нее Творение в Саду Эдена должно было перейти в совершенно новое качество — творение через рождение, йибен. Но «иша» (женщина, жена) еще в той же линии Творения, что и «иш» (мужчина, муж). Мать же, «эм», — иная стадия духовного развития «иша». «Эм» — в новой ветви Творения: от Земли к Небу. Это положение подтверждается и словом «hайта».

Слово «hайта» всегда означает некоторое становление и отсылает к прошедшему; «hайта» — то, что «сталось». Если «иша» — «человек рождающий» в потенции, то «эм» — человек рожающий (или родивший) актуально. «Эм» есть состоявшаяся, «ставшая иша» — жена, ставшая (становящаяся) матерью. Как видим, творение через рождение не снимается, а напротив, утверждается. Человек возвращен на Землю, чтобы самому перетвориться через страдание (ицавон) и быть перетворенным через смерть и рождение.

Имя «Хава» значит «передающая жизнь». В земных условиях смертности «иша» передает жизнь из поколения в поколения, становится матерью живого, Хавой. Нить земной жизни держится благодаря матери, эм. Это-то и понял Адам. Хава — последнее имя, которое он дал в Саду Эдена.

4

«И сделал Господь Бог Адаму и его жене платья кожаные (кутнот ор) *и одел их»* (Б.3:21).

Спрашивается: откуда взялась кожа? Убивать животных было нельзя, да и все происходит в Эдене. Может быть речь идет тут не о шкуре, а о шерсти животных? Есть и такое мнение. А вот мидраш рассказывает, что кожаные платья, в которые Он одел людей, есть та кожа, которая покрывает человеческое тело. Раньше была создана плоть, «басар», теперь для нужд земного существования плоть одета в кожу, «ор».

Но есть еще и иные объяснения, основанные на том, что в Эдене, где действуют духовные сущности, все наши слова имеют особый смысл.

Когда слово «ор» написано буквами «айн» и «рейш», то оно означает «кожа»; когда же слово «ор» написано буквами «алеф» и «рейш», то оно означает «свет». «Кожа» и «свет» на иврите соотносимы. Свет Первого Дня Творения — «Кожа» Бога, в которую Он одел Себя.

Одеть в «кожу» человека, находящегося в Эдене, значит обеспечить ему духовную защиту, которая, невидимому, не нужна была ему до греха Адама. Человек в Саду четко слышал Голос Бога религиозным слухом. Через этот канал все научения Бога давались ему непосредственно в сердце. И вот его религиозный слух ослаб, человек стал плохо слышать Голос Бога, утратил силу непроизвольного слушания Его. Чтобы слушать в день сокрытия, людям необходима особая сосредоточенность для специального усилия обращения души к Богу — молитва. Но и этого мало.

Теперь человек в состоянии слышать Его только в редкие моменты откровения. Этого явно недостаточно для жизнепрохождения. И потому он должен теперь получить Голос Бога, Его научения и призывы, так, чтобы ими можно было пользоваться везде и всегда, — зафиксированными в слове, в записи, «на коже».

Кожа, «ор», необходима человеку, утратившему абсолютный религиозный слух. Ему нужно Путенаставление на коже. И одетый в кожу человек готов получить Свет («ор») Научения, обеспечивающие его жизнь, его Путь, его исполнение Воли Бога.

Питание хлебом, «лехем», нужно отвоевать себе. Это один вид питания тела и души человека. Но есть и другой вид духовного питания — из уст Его. Такое питание из уст Бога мы и называем Его Голосом, Его Научением, Его Торой.

Целостность Торы — в видимом (написанном) и слышимом; она состоит из видимого и слышимого. Тора — те Речения «голосом великим» (Втор.5:19), которые Он написал. Для Моше (Моисея) «слышание» — Тора на письме, на коже. Ее он должен был услышать. Нам же — «слышать и делать». Видимая Тора есть для нас Тора, лишенная голоса, в нее нужно вдохнуть голос и «слышимость» (что по-еврейски значит и «смысл»), чтобы она зазвучала и стала доступна слуху и пониманию. Тора — Голос Бога, ставший видимой реальностью. Занимаясь Торой, даже всякий раз прочитывая ее, мы видимые слова превращаем в слышимое.

Разделение это прослеживается на всех уровнях. Буквы, написанные в Торе — лишь согласные, то есть звуки произносимые не голосом, а различными преградами воздуху во рту. Гласные, то

есть собственно звуки голоса, в Торе не пишутся, они не принадлежат письменной Торе. Следующий уровень «устности» — интонация Торы, свойственный ей напев, создающий чтение фразы, связи и разделения слов, логические ударения стиха и специфическую мелодическую окраску каждого слова. Но есть и еще уровень — то «слышание», понимание Торы, передаваемое из уст в уста.

Слушание Торы есть не изучение и не запоминание, это только начало, но обращение Торы в реальность жизни — обращение Путенаставления в Путь. Мы посланы сюда на труд. Нам вменено в обязанность постоянное духовное напряжение. Но не вообще любая духовная работа, а именно, в первую очередь, напряжение духовной способности слуха. Напряжение слушания как таковое: слушание того твоего голоса, который не перестает звучать в душе, того родничка, который пульсирует на ее дне. Слушание голоса Неба, идущего с Синая и записанного Торой. Нравственная открытость обличению. Открытость разума мудрости.

Но вопрос не в открытости слуха только, но в самой интенсивности поиска Путенаставления, дело в силе внимания и в глубине приятия. Дело в установлении приоритетов: жизнь должна сосредоточиться на решении духовных вопросов, все силы, все повороты и ситуации жизни использоваться для этого. Работа должна идти на пределе твоих возможностей. В ту силу, которая тебе доступна, и не важно тебе, каково абсолютное значение твоего труда. Не тебе мерить результат.

Что же на тебе? Слушать — всем существом. Спрашивать — на максимально возможной для тебя глубине. Существенно не количество, не конечный результат, а постоянство напряжения слушания.

Мы знаем, что человек сотворен «как подобие» Богу. И обязан уподобляться Ему. Принцип «ки-дмутену» предполагает научение человека Богом. Человек должен понимать, чему учит его то или иное записанное в Торе действие Господа Бога. Так, если Он «одел человека», то чему это учит нас?

После греха Адама человек стал самостью — стал сам по себе. Он желает «себе» и делает «себе», для себя бьется в жизни, в поте лица добывая пропитание себе и своим. Как же он должен жить в этой земной жизни? Господь Бог дает ему предметный урок, показывая ему, как он, став самостью, должен вести себя в новой ситуации его жизни.

В Саду Эдена Адам и Хава вместе служили Богу. Ни тот, ни другой не был сам по себе. У людей в Эдене не было необходимости и душевной потребности направленно служить друг другу. Вопрос добра для другого вообще не стоял перед ними. Но потом люди стали самостями, душевно отделенными друг от друга, желающими блага себе и входящими в самые разнообразные отношения добра и зла друг с другом. Как людям быть в единении, когда они самостные? Вот вопрос. И Господь Бог показывает, как следует им использовать их чувство самостности, как следует им обращаться со свой самостью в новых условиях существования.

Когда человек делает себе и для себя, то он всегда путается в добре, которое сплошь и рядом оказывается мнимым. Но когда **это же самое** ты делаешь другому, то это всегда оказывается «тов», добро. Коли ты стал самостью — «себе» и для себя — так используй само это стремление «себе», но для другого! Все дело в этом. Одевая нагих, Господь Бог дает людям пример бескорыстного давания, учит их делать добро другому. К тому же, одев человека, Господь тем самым ответил на его страх перед Ним и на его стыд за низменность в себе.

Все это происходило на исходе Шестого Дня, в заключение которого сказано: «тов меод», хорошо вполне. Но как же так?! Ведь человек пал, стал греховным, смертным, способным на зло? И все равно: «хорошо вполне»? Начинается другой Путь, не тот, что в Саду Эдена. Тем не менее, это есть Путь, ведущий к исполнению Замысла Того, Кто установил его. На этом Пути человек, желая добра себе, должен использовать это желание для того, чтобы делать добро другому — как себе. И тогда: «тов меод».

Буква «гимел» — символ ходьбы; за ней в алфавите следует буква «далет», которая одиноко стоит на одной ножке, отвернувшись от «гимел». И «гимел» идет к «далет», чтобы отдать ей свою ножку, а когда это происходит, то появляется следующая по алфавиту буква «хей» — символ нашего Мира и вечной женственности. Люди должны быть в состоянии единства и каждый человек призван к деланию доброго, милостивого, любовного. Этим закладываются новые основания существования, существования человека на Земле

5

«Вот человек стал (hая) *как один* (ке эхад) *от нас* (или: от него — мимэну) *в познании добра и зла... «*

Слово «мимэну» мы много раз встречали. Везде в тексте оно означало «от него». Но вполне может означать и «от нас». К этому месту есть древний, ставший традиционным комментарий, по которому тут сказано «от нас» — от Бога и ангелов служения. Этим подчеркивается порочная самодостаточность самостного человека.

И вместе с тем человек как-то сопоставляется в знании добра и зла с Ним и с ними. Один из учеников равви Акивы, звали его Папос, стал учить перед великим мудрецом такому комментарию. Но прервал его Акива выразительным словом:

«— Будет тебе, Папос!»

Знание добра и зла человеком и знание добра и зла Богом и Его ангелами несопоставимо ни по сущности, ни по качеству. «Но тогда растолкуй же ты нам это место», — попросили ученики Акиву.

И ответил он. Перед человеком в Саду Эдена было поставлено два Пути: Путь жизни и Путь смертности. И вот он стал как один из этих двух Путей, hая ке ахад мимену. Он выбрал себе Путь — Путь смертности.

В толковании равви Акивы слово «эхад» (один, един) заменяется на «ахад» (один из двух). Этого недостатка нет в толковании РаШИ, который видит смысл стиха в том, что как Бог наверху един, так и человек внизу стал единственным, уникальным по знанию добра и зла. Но и толкование РаШИ не полностью укладывается в синтаксис и логику стиха, где подчеркивается именно «от» чего-то.

Если слово «мимэну» прочесть иначе, то получится «мимено» — как один «от себя самого», один в своем роде, сделав свой выбор. Человек нес в себе и тот и другой Путь и теперь определился, стал как единый Путь, на котором познается добро и зло. На Пути смертности есть зло, «ра», и хочешь или не хочешь, а приходится определять доброе и злое, — пусть даже злое как доброе и доброе как злое.

До сих пор мы подчеркивали лишь отрицательные последствия греха Адама. Но ведь Адам, как мы уже говорили, был прав, считая, что принятие внутрь себя добра и зла и способность его познавания дает человеку качественно новые возможности для духовной работы — не как накопления знаний, умений, истин, а как приращение духовного опыта жизни. Да и разделение на верхнюю и нижнюю душу создает внутреннее напряжение, необходимое для Путепрохождения. Добавим, что вместо эденской разделенности соположенных души и тела теперь образовалось единое слитное существо. Земной человек — целостное телесно-духовное существо, готовое производить труд все большего и большего обучения, опытного отбора и узнания душою добра и зла — проходить Путь, который он выбрал.

«...и теперь (ве ата) *как бы ни* (пэн) *протянул руку* (йишлах ядо) *и возьмет так же от Древа жизни, и съест — и живой до века* (ва-хай ле-олам)» (Б.3:22).

Загадочные слова. Что значит «пэн», «как бы ни»? Что значит «ва-хай ле-олам»? Почему нельзя просто дать Адаму заповедь, повелевающую не есть от этого Древа? Раньше в такой заповеди не было необходимости: его ничего не толкало к Древу жизни, да и не было у него способности найти в Саду Древо жизни. Но вот ситуация изменилась: он уже может «протянуть руку», нарушить заповедь, если таковая была бы дана

ему, и взять от Древа жизни. И что тогда? Ясно только: в новых условиях существования человек способен «протянуть руку», а это будет во вред.

Есть одно замечательное толкование, по которому рассматриваемая фраза разрывается надвое после слов «йишлах ядо», означающих своевольное действие. Образованная таким способом первая половина фразы выражает опасение: «Как бы Адам теперь ни взял то, что ему не положено, что несет ему гибель». Вторая же половина фразы — спасение от своеволия: «Так пусть же он возьмет от Древа жизни, и съест, и живет до века». Богу, по такому толкованию, нужно, чтобы человек съел от Древа жизни, — именно для этого человек и высылается из Сада...

Слово «олам» не означает механическую вечность как бесконечное количество моментов времени. «Олам» — это исчезающая из поля видения временная граница, к которой направлено развитие. По-русски это слово правильно перевести не словом «вечно», а словом «Век». В языке еврейских мудрецов «олам» означает Мир как целостность. Подходит к концу нынешний Олам, истекает его срок, наступает следующий Олам, другой Мир, другой Век. Напомню, что человек создан на срок, по истечении которого все наши вопросы о продолжительности жизни становятся бессодержательными. В этом смысле Адам «бессмертен», но не «вечен».

Нужно сказать, что в словах «ва-хай ле-олам» слово «хай» — не глагол «жить» (как обычно переводят), а прилагательное «живой». Съев от Древа жизни, человек будет «живой до Века» — до того срока, до которого он изначально назначен быть живым.

Адам уже начал Путь смертности и не может непрерывно «жить» до конца Олам. Иначе в Мире утвердится зло, прочность которого только и разрушается прерывностью существования человека. Отмеренный человеку срок жизни, вообще говоря, обратно пропорционален его страсти плодить зло. В допотопные времена естественный возраст человеческой жизни был установлен в 600 лет, затем он составлял 120 лет, а далее сократился до 70-80 лет. И может сокращаться и дальше. Несущий в себе злое человек не должен жить столько же, сколько Адам в Эдене. Но он должен быть «живой» — все больше и больше увеличивать полноту жизни в себе. Для этого ему необходимо Древо жизни. В каком смысле? Это проясняют нам следующие два стиха.

«И услал его (вайишалхэhу) *Господь Бог из Сада Эдена, чтобы возделывать землю* (эт hа адама), *из которой он взят»* (Б.3:23).

Слово «йишалхэhу» многогранно. Оно означает и «услал его» и «послал его» и «отпустил его» (так фараон «отпускает» народ Исраэля на свободу). Господь Бог дает Адаму новое задание, посылает его работать на Землю, отпускает его жить не перед Его лицом, а самостоятельно, в самовольности, как он того и хотел.

После греха Адама изменяется и рабочий план Бытия и трудовое задание, данное человеку. Адам посылается трудиться на другой почве, «адама» — не на «адама» Эдена, а на той, из которой он взят. Взят же он, учат мудрецы, из того места Земли, куда течет поток Прат, который непосредственно вытекает из Сада, где он как раз и омывает Древо жизни. Человек услан на работу по течению Прата, в истоках которого находится Древо жизни. Путь Прата причастен к Древу жизни и в некотором смысле есть Путь Древа жизни, ведущий в место земной работы человека, в своего рода земной Сад.

Посланный на Землю человек должен был быть накрепко связан с Древом жизни по течению несущего плоды жизни Прата. Нельзя сказать, что Древо жизни Адаму не дано, но нельзя и сказать, что оно дано ему. Древо жизни Адаму следует вытрудить, подымаясь от земного Сада по Пути Прата в Эден — по второй половине дуги, от Земли к Небу. Новая земная работа человека и состоит в том, чтобы, работая в земном Саду, он проходил плодоносный Путь, направленный к Древу жизни, или, вернее сказать, совершал **весь труд Пути Древа жизни.** В этом и состоит новый замысел Всевышнего на человека. Однако человек способен опять исказить и этот замысел Всевышнего и, еще находясь в Саду Эдена, «протянуть руку» и без труда прохождения Пути Ицавон, Пути Прата, «взять» от Древа жизни. Этого-то и опасается («как бы ни», «пэн») Господь Бог.

Мы вплотную подошли к роковому моменту всей драмы первочеловека. По тексту 23 стиха Господь Бог посылал, усылал, отпускал Адама на новую работу; это Его действие обозначено словом «йишалхэhу». По тексту же последнего 24 стиха Господь Бог «изгнал» Адама из Эдена, что зафиксировано в другом слове: «йигареш».

Изменение отношения Господа к Адаму и характера Его действия по отношению к человеку — налицо. Что же с Адамом случилось в Эдене еще?!

Помните, что из Сада Эдена вытекают четыре реки: Прат и три реки падения. Человек должен был уходить из Эдена только по течению Прата. Но, будучи свободным в выборе дорог своего ухода из Эдена, человек пошел по рекам похоти, корысти, власти. Это-то и привело к «изгнанию» Адама.

Вспомним и то, что указанные три реки из Эдена суть порочные потоки жизни, которые путают все представления о добре и зле, производят в душе подмены мнимого добра. Но они еще и форсируют самоощущение самостности в человеке. Уходя из Эдена путями душевных пороков, человек тем самым в огромной степени усиливает Нахаша в себе. Он как бы перестает принадлежать себе, питается обманчивостью Нахаша, **становится существом всегда самообманывающимся,** да еще злым и темным. Господь предполагал отпустить Адама из Сада, сохраняя его связь с Древом жизни по течению Прата. Теперь же приходится хранить от посягательства изгнанного Адама не только Древо жизни как таковое, но и сам Путь Древа жизни, которым в соответствии с замыслом Бога должен идти человек.

«И изгнал человека и поставил впереди (ми кедэм) *от Сада Эдена керувов* (эт hа керувим) *и пылание меча обращающегося хранить Путь Древа жизни (дерах эц hа хаим)»* (Б.3:24).

Даже изгоняя человека из Сада, Господь Бог все же оставляет ему Путь возвращения, Путь Древа жизни — Путь, по которому он может и должен расти в своей жизни и своей жизнью. Это все тот же плодоносный Путь Прат, но «хранимый». В отличие от отосланного человека, который проходит Путь сам, человек изгнанный способен испортить Путь Древа жизни. Чтобы этого не случилось, Господь принимает меры — ставит керувов и меч.

«Эт hа керувим» — множественное число от слова «керув», (по недоразумению переведенное на русский в единственном числе: «херувим»; правильнее, конечно, говорить «керувы»). Но почему в тексте сказано «эти керувы», с определенным артиклем? Разве мы что-то уже знаем о них?

Тот текст Торы, который мы читаем, Исраэль получил после многих лет блужданий по пустыне. Тем людям керувы были хорошо знакомы. Они прикрывали своими крылами Ковчег Завета со скрижалями Закона. Керувы суть единственные изображения, которые разрешены в Храме.

Раскрыть таинственную сущность керувов в таком разговоре, как наш, невозможно. Мы лишь прикоснемся к этой теме. Керувы защищают слово Бога, их двое, они с лицами детей, обращенными друг к другу. В первом приближении можно, наверное, сказать, что керувы — символ чистоты духа, передатчик «духа святости», «руах кодеш». Керув также связан как с приношением жертвы, принимает жертву, приносимую Богу, так и духовным движением души человека внутрь себя, к тому Царству, которое есть внутри его.

После того, как сила религиозного слуха ослабла в человеке, Господь Бог продолжает обращаться к нему через дух святости — через пророчества и откровения мысли, через Тору. Керувы — те, которые несут и хранят Голос Бога к человеку. В книге Теиллим (8:3) сказано, что из уст младенцев Он устанавливает Свою силу. То есть Голос Бога дос-

тигает слуха человека через уста керувов. Ослабленный религиозный слух наш не способен непосредственно воспринимать Голос Бога, и керувы дают людям слышимость. Проходя через керувов, Голос Бога обретает ту чистоту, силу и ясность духа святости, которую человек уже способен воспринять для руководства в жизни. Керувы указывают верное направление к Царству Божьему, на Пути Древа жизни и в этом смысле хранят этот Путь.

Вся земная жизнь человека задумана находящейся перед Садом Эдена. Впереди (или — на востоке) от Сада поставлены керувы и меч, который «обращается» (или «кувыркается») с лезвия на рукоятку. Периодически лезвие этого меча вспыхивает и разит. Обращающийся меч хранит Путь Древа жизни тем, что возвращает тело в прах, а душу — Создателю.

Человек избрал Путь смертности, но как в конкретности выражалась бы эта смертность, если бы он ушел из Эдена только по реке Прат, мы не знаем. Была бы она такой мучительной, внезапной, часто случайной и жестокой? Во всяком случае для порочно вышедшего из Сада человека стал необходим «меч обращающийся», периодически производящий смену поколений, разящий смертью, но и этим самым, перед лицом неизбежной и внезапной смерти, наводящий человека на Путь. Хаотично кувыркающийся меч — символ импровизационности и зла и смерти в жизни человека. «Меч» этот создает ту трагедийность жизни, которая либо рушит душу человека, либо загоняет его на Путь жизни. Это — один из двух способов хранить Путь Древа жизни. Хранить и от покушающихся на него, желающих его сломать, и хранить от того, чтобы он забылся, потерялся, пропал в человечестве. Пламя «меча обращающегося» зовет человека к жертве и покаянию.

Весь прочтенный нами рассказ Торы о человеке в Саду Эдена и об его изгнании оттуда есть рассказ о том, как заложился, как состоялся, как установился «дерах эц ha хаим», Путь Древа жизни в человечестве. Обязанность человека на Земле — искать, находить, делать этот Путь жизни.

Человек силится пройти этот Путь — свой должный земной Путь — не потому, что ему дана такая заповедь, а потому, что он сам есть этот Путь, и проходить Путь — глубинная и неустранимая потребность души человека, которую он, вообще говоря, не может не удовлетворять. Это ему, конечно, далеко не всегда по силам, но потребность такая — есть, и она не описывается никаким формальным языком, в том числе и языком заповедей. Вся практическая мудрость человека в конце концов сводится к постижению Пути Древа жизни и его прохождения.

Очень приблизительно Путь Древа жизни можно определить как процесс совершенствования глубинной и сокровенной человечности, накапливаемой в трудах духовного роста и духовного служения — как долгий путь духовных блужданий по земной жизни. Первым движением на этом Пути можно считать «опоясывание» Адама, то есть закрытие низменного и разделение высшего и низшего в себе. Другое движение — давать одежду Света, ту «кожу», на которой может быть записано Научение, Тора. Еще дальше Путь Древа жизни проложен от Адама к Моше (Моисею), к горе Синай, где для руководства на Пути жизни будет получено Слово Божье. Двадцать шесть поколений — десять от Авраhама до Ноаха (Ноя), десять от Ноаха до Авраhама, шесть от Авраhама до Моше — потребовалось человечеству, чтобы накопить такой духовный опыт, при наличии которого ему могла быть сообщена Тора. Два библейских тысячелетия до Синая человек становит земной Путь и, наконец, Путь Древа жизни вырастает перед ним. Тора не действенна без Пути Древа жизни, но и Пути Древа жизни нет без Торы.

Задолго до Синая, Путь этот увидел Яаков (Иаков) в ночном видении. Лестница Яакова установлена на Земле и ведет вверх, соединяет нижнее и верхнее, нацелена в такое место Сада Эдена, где Адам не был, которого он не знал. Это — центр Сада, где растет Древо жизни, все еще растет, растет как Путь становления духа человеческого, свободно волящего и идущего служить Господу Богу.

6

Шестой день, в отличие от предшествующих Дней Творения, употреблен в Торе с определенным артиклем (Б.1:31). Значит День этот был заранее известен. Творение шло к Шестому Дню и в нем обрело смысл — человека и его дела. Смыслонаполненность всего содеянного в первые пять Дней зависит от того, что происходит в Шестой День.

У каждого Дня есть свое назначение, и только для него характерное течение Творения: свой особый аспект вечера и особый аспект утра. Седьмой День, как и Шестой, назван с определенным артиклем (Б.2:2). Но о Седьмом Дне не сказано: «и стал (вееhи) вечер, и стало утро». Вечер и утро в нем не сотворены. Этот День не отделен от предыдущего Шестого Дня наступлением темноты, в нем нет вечера. Он — весь свет, в нем только свет дня, переходящий из Шестого в Седьмой. Шестой и Седьмой Дни — вместе, они составляют некоторое единство. Более того, у Седьмого Дня есть свое особое качество, не исчерпывающееся тем, что он Седьмой День.

«И стали завершенными (вайехулу) *небеса и земля и весь их строй* (ве-коль цваам)» (Б.2:1).

Слово «йехулу», которым открывается вторая глава Бытия, указывает, что небеса и земля приведены к завершению, к назначенной целостности. «Коль цваам» — стройное единое целое, «все воинство», подчиняющееся Единому Началу. Тот же корень «цав» связан с понятием «мицва» (заповедь). И жизнь человеческая в некоторых местах Библии называется «цава» — «служба» человека на Земле; так, например, говорит Иов, ожидающий перемены своего назначения. У человека на Земле есть свой «срок службы», который он в строю и под Единым Началом должен пройти и получить «новое назначение».

«И *завершил* (вейахаль) *Бог в День Седьмой свою работу* (мелахто), *которую делал*»

Все сотворенное и созданное в тот или иной День Творения продолжало делаться, завершаться в последующие Дни. В Седьмой День такое самодвижение после творения прекращено. Более того — прервано. Некоторые духовные сущности так и остались недоделанными в Мире. К такого рода «недоделкам» относятся, например, и «космические духи», о которых охотно толкуют современные неоязычники. В Седьмой День Бог завершил свою работу («малаха»), но не труд («авода»).

Слово «малаха» происходит от слова «малах», ангел, то есть посланец, исполняющий поручение Пославшего его. Каждое слово Бога есть «малах» — назначено Им к исполнению. «Малаха» есть сознательное делание по созиданию нового во исполнение целенаправленной воли, задания, намерения. «Малаха» — работа, но ее, в отличие от «авода», никак не характеризует количество труда. Бог созидает без усилий. На Седьмой День Он привел ту работу, которую Он делал, к назначенной Им целостности и совершил нечто, что в тексте Торы определено словом «йишбот» и что на русский обычно переводят как «почил».

«Йишбот» (от корня «шабат») означает: поставить вещь на предназначенное ей место. Это тот момент в работе, когда сделанное устанавливается на свое место — туда, где оно должно быть. Все сотворенное и созданное запущено и имеет свой ход в условиях, когда уже не создаются новые законы, новые принципы природного развития или новая реальность. Теперь есть лишь то, что было сотворено и создано. И далее нет ничего нового под солнцем.

«...и остановил Бог в День Седьмой всю работу Свою, которую делал» (Б.2:2).

Вот как? Если Он в День Седьмой «остановил» (йишбот) и «закончил» (йахель), то, следовательно, Он в День этот что-то «делал»? Да, конечно: Он ставил на место. Это и есть новое, свойственное Седьмому Дню качество работы Творения. Но не только. Бог перестал созидать в Мире, прервал то, что делал, но не то, что предстоит делать — не прекратил работать со способным к одухотворению человеком. Изменилось содержание и направление работы Бога.

Теперь Он дает работать Свою работу человеку. Сам работает с его свободой, его душою и вместе с ней.

После шести Дней все в Мире поставлено в такое положение, в котором может и должен состояться переворот — от нисходящей ветви дуги Творения к восходящей. В самом этом повороте и переводе Творения из одной рабочей плоскости в другую, где начинается созидание иного рода — характерная черта и особое качество Божественного действия в Седьмой День. Перевод этот, разумеется, совершается — должен совершаться! — в человеке и человеком как партнером Бога и Его орудием. И одно из самых важных дел Господа в этот День — это приведение новых человеческих душ в этот Мир.

«И благословил (вейеварах) *Бог Седьмой День и освятил* (кадош), *потому что остановился* (шабат) *от всей созидательной работы* (мелахто), *которую сотворил* (бара) *Бог, чтобы делать* (лаасот)» (Б.2:3).

Итак, Бог «почил» в Седьмой День не для безделья, а «чтобы делать». Вот для чего Он «освятил» Седьмой День, вернее сказать, выделил его из череды первых шести Дней в отдельную сферу, вывел его за пределы их для специфического служения Себе. Благословление, «браха», черпание из Источника нужно для того, «чтобы делать». Благословляя Седьмой День, Бог дает возможность и устанавливает необходимость продуктивного существования человека в Седьмом Дне, когда должен совершиться переход к последним Дням Творения. Этим Он ставит Седьмой День на служение Себе.

В книге Исход (Исх.31:17) сказано, что Господь в Седьмой День находится в состоянии «вайинафаш», что не совсем точно переводится словами «покоился», «отдохнул». «Йинафаш» восходит к «нефеш» (душа) и в употребленном тут пассивном залоге означает «вернуться в себя, к своей душе». Смысл слова «йинафаш» точнее выразить в понятии «перевести дух». Господь Бог перевел дух, «чтобы делать» новое дело и делать по-новому. Поэтому-то в четвертом стихе второй главы сразу же начинается рассказ об «эле толдот», о «грядущих порождениях», о человеке в День Делания (бе-йом асот), то есть в Шестой и Седьмой Дни вместе. С этого момента начинает действовать не только Бог, Элоким, но и Господь — Тот, Кто обновляет Мир, становит Бытие.

Господь Бог (`Гашем Элоким) переводит дух: Элоким, Бог остановил Свою работу Творения, а `Гашем, Господь, начинает человеком Свою работу Становления — работу Пути ицавон. Пути Древа жизни, работу делания человека и с человеком. Человек же в этот День, признавая законченность Творения и возвращаясь к своей душе, тем самым становится сотрудником Господа.

Господь желает, чтобы люди сами делали работу Седьмого Дня и ставили на передний план то, чего нет до человека, в шести Днях Творения, — свое отношение к Всевышнему и свою службу Ему на Земле.

В Седьмой День запущен процесс становления Пути Древа жизни, хранимого керувами и мечом обращающимся. Этот долгий и трудный процесс начался с изгнания Адама из Эдена и продолжается поныне.

VII.
УРОКИ КАИНА

1

В процессе Творения, о котором повествует первая глава Книги Бытия, действует Элоким, Бог. Во второй и третьей главах, с момента объявления человеческой свободы и Пути человека, стал действовать `Гашем Элоким, Господь Бог — Тот, Кто ведет человека как такового, Кто управляет человечеством. В четвертой же главе Всевышний взаимодействует с Каином, с отдельной личностью. С Каина начались личные отношения человека и Всевышнего. Здесь Он и проявляет Себя лично, как `Гашем, Господь. Если Адам первых трех глав — родовое имя человечества, то с четвертой главы Адам становится, как и Каин, собственным именем конкретного человека. Смысл библейской истории Каина раскрывается в личных, духовно-нравственных отношениях с Господом.

«И Адам познал Хаву (Еву), *свою жену, и зачала и родила Каина. И сказала: я* (ани) *обрела (*канити) *мужа* (иш) *с Господом»* (Б.4:1).

Грамматика этого стиха на языке подлинника такова, что ясно: речь в нем идет о произошедшем ранее, то есть до изгнания Адама из Эдена. Будучи в Саду Эден, Хава сразу зачала и сразу же родила. Кого? — Каина. Не сказано, что ребенку дали имя Каин; он сам по сущности своей — Каин. Обратите внимание: Хава «и сказала», а не так, как во многих других местах, «потому, что сказала». Хава увидела внутренним взором, что ребенок, который у нее родился по своей сущности — «Каин», «и сказала», что она обрела его с Господом.

В Торе немало мест, где и указано имя и дано объяснение имени. Но надо знать, что имя объясняет себя само; когда же дается объяснение имени, то это не грамматико-лингвистический комментарий его, а некоторое дополнительное смысловое значение. Так, дочь фараона вынула корзинку с ребенком из воды и дала ему имя Моше (Моисей), потому что «вычерпнула я его из воды». Но «вычерпнутый» — это не Моше, а, скажем, «Машуй». Имя же Моше означает «вычерпывающий». По совместному смыслу Моше — тот вычерпнутый, спасенный, который должен вычерпать, стать спасителем других.

Понятие «канити» (приобрести себе, сделать своим) придает слову «каин» объемный смысл. Это понятие восходит к понятию «кана» (обретать для созидания, отстраивать на воздвигнутом основании), которое можно поставить рядом с понятием «йибен». У Хавы родился ребенок, свершилось «творение через рождение» и это-то Хава фиксирует, вызывающе провозглашая на весь Мир: «Я обрела мужа (иш) с Господом». Не младенца, заметьте, а «мужа», сильного человека. И обрела — с Господом! Как гордо.

В рождении человека участвуют не только родители, но и Господь. В рождении человека есть три составляющие: отцовское, материнское и данное свыше. Хава в Эдене знала это вернее всякого земного человека. Но тем не менее сочла именно себя главным действующим лицом. Она — первая роженица, предварительно не знавшая, что такое зачатие, беременность, роды. И вдруг, произведя ребенка из своего чрева, Хава, пораженная случившимся, по физиологической очевидности решила, что то, что она обрела из себя, она обрела себе и своей силой. Это ее представление о сыне сказалось и на нем. Первенец ее — требующий себе и сетующий об утраченном. Имя «Каин» одного происхождения с «кина», ревность.

«Каин» вернее всего перевести как «претендующий», человек претензии. Хотя, конечно, претензии Каина не на пустом месте.

Каин есть гнездо («кэн») всего дома Адама, то «основание», на котором далее должно бы отстраиваться человечество. Именно Каину как основоположнику человека на Земле Господь говорит об основополагающих положениях человеческой жизни как таковой.

«И еще родила его брата, Гевеля (Авеля). *И стал Гевель пастухом овец, Каин же был работающим землю»* (Б.4:2)

Гевелю, как и Каину, никто не давал имени. Что значит «Гевель»? Я перевел бы это имя словом «бренность». Гевель — это тот, чье существование обрывается, не обязательно насильственно, но по самой своей природе. Кстати, это то знаменитое слово в книге Кohелет (Екклезиаста), которое по-русски переведено словом «суета». Гевель — это не суета, а тщетность, бренность, то, что рассеивается, как пар.

О Каине сказано вполне спокойно: был он земледелец. О брате же его — с каким-то особым значением: «И стал Гевель пастухом». Вспомним, что на человека Богом наложено работать землю. То, что Гевель стал пастухом — и сам выбрал это занятие — весьма неожиданно. Поэтому в тексте сначала говорится о Гевеле, который вдруг стал пастухом, потом же—о Каине, который, разумеется, возделывал землю. Уясним различие в роде занятий братьев и их образе жизни.

Так уж устроено, что все силы земледельца уходят на возделывание почвы. Работая на земле, отдавая ей всего себя и получая плоды своего труда от земли, человек в душе удовлетворен тем, что это он как бы сделал их, он «обрел себе». Это важное обстоятельство душевной жизни земледельца. Недаром идолопоклонничество повсеместно господствовало среди земледельческих народов.

Пастух ведет совсем другой образ жизни, у него иное душевное удовлетворение от трудов и иная степень свободы. Он живет в одиночестве, в созерцании, наедине с Природой, сам выбирает себе место. Для земледельца животные суть средства труда, для пастуха они — предмет труда и его друзья, требующие от него душевной заботы и самоотдачи.

Конечно, задача человека — работать землю (не превращаясь, однако, в раба земли, о чем Всевышний особо заботится во многих местах Библии), но духовных высот скорее всего можно достичь, будучи пастухом. Моше, Давид, все праотцы — пастухи.

«И было к концу дней, и принес Каин от плода земли приношение («Минха») Господу» (Б.4:3).

«К концу дней», то есть «к концу цикла дней», по окончании земледельческого года, когда созрели плоды. Год завершен, и Каин принес жертву Богу. Дело житейское.

Есть громогласная позиция в этом мире, которая утверждает, что само по себе понятие жертвоприношения связано с идолопоклонством и есть некоторая уступка единобожия идолопоклонству. Мы видим, что первенец Адама сам, по изначальному побуждению сердца нес жертву Всевышнему. Оно и понятно. «Минха» — от корня «наха», ведущий, — означает действие, которым признается Ведущий и своя ведомость Им. Вот что хотели выразить и Каин и Гевель.

Гевель увидел, что делает его брат Каин и поспешил за ним.

«Гевель, и он тоже, принес от первенцев своего скота и от тука их» (Б.4:4).

Жертва всегда выражает самого человека. Жертва — это практическое ли, символическое ли, мистическое ли самовыражение приносящего жертву. Смысл жертвы не столько в том, что приносится, сколько в том, что готов принести человек в жертву. Об этом мы вспомним, когда будем говорить о жертвоприношении Ицхака (Исаака).

Каин несет жертву для удовлетворения своих религиозных нужд, но приносит, что попадется, особенно не выбирая и так, словно это Господу нужна его жертва. Наверняка у него есть практическая мысль: вот год кончился, я сделал все сам, несу Тебе жертву, дабы Ты на будущий год не помешал мне. За этим стоит всем хорошо знакомое жизнечувствование. Гевель же принес Господу первенцев (слова, содержащие в себе значение «начатка», обычно употребляются в смысле: «от начала до конца»), выражая этим, что Господь для него Начало всего и что он приносит Ему всего себя. Жертва Гевеля не для Бога (как у язычников), а для себя, для своего очищения и возвышения. Различие в жертвоприношении очевидно. И каков результат?

«И обратился Господь к Гевелю и к его жертве». Обратился прежде к Гевелю, к тому, что у него в сердце, а затем уже к жертве. Этот стих показывает, что правильное направление движений сердца («кавана») в жертвоприношении было важно Господу всегда, начиная с самых первых времен существования человека на Земле. Именно поэтому Он *«не обратился к Каину и его жертве»*.

«И загорелось Каину предельно, и пало его лицо» (Б.4:5). Каин — первенец и основоположник. Он приносит жертву за всю семью — это его право и обязанность. Как основоположник он первым в человечестве устанавливает институт жертвоприношения. Но Гевель увидел, что старший брат несет жертву не с тем «служением сердца» и тогда — «и он тоже» — принес жертву сам. С точки зрения Каина Гевель — беззаконник и узурпатор, заслуживающий — если есть в Мире закон и справедливость! — кары. Конечно, у Гевеля свои резоны. Ведь Гевель сознательно заявляет себя на первородство. В духовном смысле хотя бы. Гевель как бы лишает брата его уникального статуса в человечестве. Понятно, как «загорелось Каину»! Ему кажется, что его лишили одному ему принадлежащего достоинства, «и пало его лицо». Для него, ревнивца, это трагедия.

2

Теперь мы подошли к стиху, который считается одним из самых трудных в Торе. Давайте наберем глубокого дыхания и, хоть как-то, попытаемся разобраться в нем. Господь Сам (и первым!) непосредственно и лично обращается к отдельному человеку, и человек слышит Его. Таков тут уровень близости человеческой личности и ее Создателя. Надо помнить и то, что Господь обращается к первенцу и основоположнику Каину и впервые сообщает нечто исключительно важное для всех нас. Слова Его не удается перевести гладко.

«Почему же тебе стало досадно? И почему упало лицо твое? Ведь если будешь хорошо «сет» (несение, вознесение) *и если не будешь хорошо»* — вот первая часть Его речи.

«У входа (ла-петах) *хатат* (условно — «грех») *лежит* (ровец), *к тебе влечение его*[9]*, а ты управляй* (мешаль) *им»* (Б.4:7).

В Библии всегда, когда Всевышний спрашивает человека, то Он этим желает вернуть его на истинный путь. Господь убеждает Каина не досадовать, не падать духом, не ревновать к Гевелю. И объясняет, почему это не должно и что надлежит Каину делать с собой в такой ситуации.

Уясним слова. «Петах» — нечто открытое наверх. «Ровец» — глагол мужского рода: улегся, разлегся он (употребляется по отношению к скотине). Особое значение имеет понятие «хатат». Этот «хатат», в отличие от Нахаша, имеет чисто человеческую природу; он вошел в существование человека вместе с изгнанием его из Эдена. «Хатат» это не столько общее понятие греха («хет»), сколько и результат греха, и его вместилище, и некоторая сущность, бытующая отдельно, в своих границах, словно существо. Хатат может действовать и бездействовать, стремиться и желать, внедряться и исходить, властвовать и быть управляемым, влиять и испытывать влияние. Мудрецы перекидывают мост между понятием «хатат» и понятием «сатан» (мужской род в иврите). Само слово «хатат» — женского рода, но здесь (и, кажется, единственный раз в Торе) употреблено с глаголом мужского рода «ровец». Звучание и смысл стиха этим усиливаются.

Нам важно понять, где в словах Господа Каину завершается условие («если») и где надо поставить «то» — следствие, утверждение. Рассмотрим такой вариант: если ты делаешь хорошо, то лицо твое не падает, а возносится вверх («сет»); а вот если ты делаешь не хорошо, то у входа («петах») улегся грех («хатат ровец»), его стремление — к тебе, но ты им правь. Смысл тот, что если ты возносишь (жертву) плохо, не с тем направлением сердца, то как же ты хочешь, чтобы жертва твоя поднялась ко Мне, когда у самого входа наверх разлегся хатат и закрывает вход. Если же делаешь (несешь жертву) хорошо, то и жертва твоя — «сет», поднимается, возносится ко Мне. Жертва твоя нужна не Мне, а тебе — в том числе и для воздействия на хатат, который лежит у «входа».

Можно понять и иначе: делаешь ли ты хорошо, делаешь ли плохо—у входа лежит хатат, к тебе влечение его, а твое дело — одолеть его. Такой вариант прочтения более соответствует синтаксису стиха. Хотя не следует понимать так, что находящийся у входа хатат подстерегает, как дикий зверь, и стремиться схватить тебя, заесть и уничтожить! Таково стандартное представление о зле греха в человеческой душе, представление, которое не соответствует тому, что нам сказано о хатат в Торе. Глагол «ровец» ни в коем случае не значит «сторожить», «подстерегать» («орэв»). В этой фразе ясно слышно, что хатат лежит у входа не

[9] А не как в тенденциозных переводах: «к нему влечение твое».

как голодный зверь, а как домашняя скотина. Конечно, ты сам можешь открыть ему вход, и он уляжется в покоях твоей души. Но это другое дело.

Бросается в глаза, что этот стих похож на другой стих, из предыдущей главы, про Хаву: *«к мужу твоему влечение твое, а он будет править тобою»* (Б., 3:16). Жена влечется к мужу телом и душой по любви. Он правит ею, но не для того, чтобы подавить или уничтожить ее; муж ведет жену по жизни, выражая при этом ее собственную сущность. То же и хатат, который лежит и ждет, который влечется в душу человека, но не для ее погибели, а для того, чтобы

человек им правил. Хатат сам стремиться в душу человека, чтобы стать ведомым, получить управление. Но в каком смысле?

Употребление слова «сет» в словах Господа свидетельствует о том, что существует некоторая личная связь между человеком и Им. Человек способен «нести» к Богу от души своей, «возносить» из себя к Нему. Показательно, что слово «сет» употребляется в Торе и в значении «несуим», брака: муж «несет» или «понес» жену. Использование этого слова в речи Господа к Каину дает понять, что между Ним и человеческой личностью возможны брачные нити. Вознесение жертвы — одна из таких нитей. Жертва есть и выражение своей ведомости (сущность духовного стремления женской души к мужу) и выражение влечения души к Господу, ее любви к Богу.

Но у входа наверх лежит хатат — будь ли это животная природа человека, или его человекобожеская самостность, или иная темная душевная сила, или то, что называется «иецер ha-ра», результат злого[10]. Идущей по Пути жизни душе об этот хатат нельзя не споткнуться. Однако задача хатат не в том, чтобы человек споткнулся и упал, а в том, чтобы он, споткнувшись «у входа», обнаружил его и сделал с ним то, что названо словом «мешаль», управляй. Это слово можно понять как перевод в другое место, «отсюда туда». Человек должен управлять им в том смысле, что должен перевести хатат в другое состояние, поставить его в душе так, чтобы он стал работать в ней, был в ней ее рабочим препятствием. Падающий на человека (а не «падший») ангел, «сатан», ставит человеку подножку и затем обвиняет его; но и он желает, чтобы человек не споткнулся о то препятствие, которое он ему ставит.

Хатат — необходим на Пути Древа жизни. Хатат есть препятствие, важное душе для свершения работы духовного восхождения, без которой не может состояться «брак» между Господом и человеком.

Господь объясняет Каину ситуацию человеческой жизни после того, как его родители ослушались Его, вкусили от запретного Древа и были изгнаны из Эдена работать землю и добывать «хлеб», лехем. «Хлеб» не растет сам, его надо сеять и взращивать. Это одна сторона человеческого жизнедействия на Пути. Но есть и другая сторона, на которую и указывает Господь Каину. В жизнепрохождение человека на Земле включен постоянно действующий фактор: «ла-петах хатат ровец», у входа «грех» лежит. Хатат существует в человеке не потому, что он подобно хлебным зернам высеивается самим человеком, а потому, что он подобно сорнякам уже есть в той почве, куда высеивается «хлеб». Хатат в качестве условия Пути жизни включен свыше, лежит у входа и влечется к человеку. Такова созданная Господом ситуация Пути, в которой необходим хатат, чтобы человеку работать им. Теперь задача твоя, разъясняет Господь Каину, не только в том, чтобы добывать «хлеб» и приносить жертву Всевышнему, но и в том, чтобы управлять хатат, который к тебе влечется. Вот тот предметный урок, который Господь дает Каину в его взаимоотношениях с «бренным» братом Гевелем.

Человек живет и проходит Путь Древа жизни вместе с хатат. И у каждого из нас — свой хатат. У Каина — Каинов хатат: претенциозность, гневливость, ревнивость, обиженность. Это чрезвычайно возбудимый и активный хатат, особенно настойчиво стремящийся в душу. Как только Господь принял жертву Гевеля, так хатат Каина ворвался в его душу, распалился в ней — и «пало его лицо». Хорошо бы так и держать хатат у входа, не пускать его в душу. Сыну Хавы осуществить это чрезвычайно трудно, да и поздно — хатат уже там. Что ж теперь-то делать?

Господь, разумеется, может все, и люди вольны мечтать о том, чтобы Он Сам изъял хатат из нашей жизни. Но ситуация жизни, в которую Он нас поставил, не такова. И до и после греха Адама человек может и должен исполнять свое назначение. Но исполняя на Земле, он должен знать, что в течение его жизни неустранимо включен хатат. Что ж человеку делать с ним? Подавить, уничтожить? Но как, скажите, Каину уничтожить свою самостную природу, с которой, как это сразу же увидела его мать Хава, он родился на свет? Каин — не Каин без своей хатат. Самое большее, что человек может сделать, это не распалять хатат в себе. Пусть бы хатат остался равен сам себе, не набирал силу в душе. Такой хатат человек способен подчинить, но не в смысле подавить. Само наличие хатат в душе предполагает необходимость резкого усиления сил вознесения, восхождения человека. Вес хатат в душе должен становиться все меньше и меньше, но не за счет самого по себе изничтожения его, а как бы помимо него.

В распоряжении смертного и грехового человека на Земле остались все те духовные силы, усилиями которых он должен был проходить свой Путь в Эдене. Они и только они возносят человека по Пути Древа жизни. Правда, теперь в человеке есть и другая составляющая — темная сила хатат, которая тем не менее неудержимо стремиться в душу, чтобы стать в ней ведомой. Две эти силы, две эти стороны души можно сталкивать друг с другом, тратя драгоценные ресурсы светлой стороны на подавление темной. А можно и не трогать хатат (в общем случае: самостно-животную сущность человека) и задействовать светлые силы души только по прямому их назначению — для духовного роста, на Путепрохождение. Хатат сам уменьшается пропорционально степени одухотворения души. Так что Каину следует перенести центр тяжести своей души с хатат, в полной власти которого оказалась душа первенца человечества, на духовные силы вознесения («сет») и этим поставить свой хатат в подчиненное и малозначимое положение. Иначе — беда.

Отметим еще раз одно обстоятельство. Лингвистический анализ текста показывает, что Господь «обратился к Гевелю» не навсегда, а на этот раз, на один этот час, в одном конкретном случае. Вспомним и о том, что Гевель по сущности человек бренный, не твердо укорененный в земной реальности. Так что личные отношения между Каином и Господом только-только начались и далеко не исчерпаны этим случаем. У Каина явно неадекватная реакция на случившееся. Эпизод он принял за трагедию всей своей жизни. Отсюда: «Почему упало лицо твое?»

Впрочем, слова Господа Каину мы пытаемся понять только в сюжете библейского рассказа о неудачном жертвоприношении Каина и убийстве им брата. Эти же слова Господа можно попытаться понять в общем контексте повествования о том, как Адам был изгнан из Эдена и как был проклят его сын Каин. Это взаимосвязанные события и обзорное осмысление их должно основываться на целостном понимании всех первых четырех глав Торы. Но хорошо бы слышать в словах Господа еще один аспект.

Как глазами посмотреть на «сет», на духовное вознесение или несение, о котором мы столько говорим? Как руками потрогать «хатат»? Как представить, что он «ровец», разлегся? Все эти понятия из другого плана реальности. Разбираемый стих Торы так темен и труден оттого, что в нем говорится о вещах, нашему земному разумению невнятных. И в то же время этот мистический аспект неотчленим как от событийного, так и от судьбоносного повествования Книги.

Как только жизнь человеческая в результате совершенного Адамом стала

[10] Само слово «хатат» намекает на то, что это не «начало зла», не то, что заложено изначально, а есть некий результат.

жизнью через хатат и смерть, так возникли роковые вопросы греха, жизни и смерти, этой жизни и другой жизни, между которыми есть «петах», вход, есть «сет», вознесение и есть хатат. Хатат имеет отношение (и действует?) не только в этой, но и в другой жизни... Мистические вопросы эти Господь не может не обсуждать с Каином, готовым совершить непоправимое — убийство. Интерпретации такого рода вряд ли сейчас доступны нам, и мы, чтобы не вульгаризировать, не будем вникать в них.

Нам важно подчеркнуть, что Каину дается некоторое сообщение, осмысление которого зависит от того, кто и как воспринимает его. Как же Каин принял и понял слова Господа?

3

«И сказал Каин брату своему Гевелю»

Что сказал? Тора молчит. Эта лакуна в тексте заполняется по-разному. Подумаем, как мог бы Каин понять обращение Господа к нему? Каин вовсе не человек сокровенных смыслов. Он помрачен ревностью и весь обращен наружу, в окружающую его реальность и должен был понять «реально»: хорошо ли ты принес Мне жертву или не хорошо — все равно; есть некий хатат (слово женского рода устрашающе поставленное в мужской род), стремящийся погубить тебя, и ты для своего спасения подави врага сам. Где же этот враг, что против меня? Кроме меня, Каина, на Земле теперь только один муж, и муж этот — мой брат, узурпатор, зарящийся на мое первородство. Его-то и надо убрать.

Так что же Каин сказал Гевелю? «Пойдем в поле»? — так иногда понимают. Но что слова эти проясняют нам? Зачем они? Основополагающий мидраш говорит, что между Каином и Гевелем произошел спор о нравственных устоях Мироздания и реалист Каин сказал брату: нет суда, нет Судьи, нет справедливости в этом Мире, нет Мира нездешнего и нет Мира будущего! Так Каин реагирует на то, что ему говорил Господь в предыдущем стихе. Каин вообще не приемлет мистические смыслы Бытия.

Из дальнейших событий мы знаем, что ничто не переменилось в душе Каина после Слов Господа ему. Его ревнивый хатат продолжал гореть в нем в той же злобе и гневе на брата. И Каин, как сонмы обиженных жизнью после него, убеждает себя, что нет в Мире справедливости и нет никого, Кто обеспечит ее, а есть хатат, — о существовании которого ему рассказал Сам Господь! — который перекрывает ход человеку. И потому человек вынужден решать свою судьбу сам, опираясь на свои силы и возможности. Однако Каин — все же не один из нас, он родился еще в Эдене, вел диалог с Господом и воочию знал присутствие Всевышнего в Мире. Как же мог он утверждать такое? Ответ на этот вопрос легко найти, глядя на бесчисленные примеры вокруг себя. Ради своей хатат (в данном случае ради своего желания первенствовать) человек способен не видеть, не слышать, забыть и отрицать что угодно, даже самое очевидное, даже своего Создателя, который на памяти Каина вершил Свой суд над его отцом и матерью.

«И было при бытии их в поле...»

Так начинает Тора тяжелый рассказ о первом убийстве и о судьбе первых людей на Земле. Такой зачин — «И было (вайhи)...» — всегда имеет в Торе особенно значительное, часто трагическое звучание.

« ...и восстал Каин на Гевеля, брата своего, и убил его» (Б.4:9)

Тут сразу возникает множество вопросов. Несмотря на то, что Всевышний ввел смерть в существование людей, до сих пор никто еще не умирал. Каин не мог видеть смерть, мертвого человека. Да и понимал ли он, что это такое — умереть? И откуда ему было знать, что вообще возможно убить человека, то есть искусственно и насильственно выпустить его душу из тела? Ведь в человеческом сознании, не знающем смерти, душа и тело неразрывно связаны. Не ведал Каин тем более и того, каким способом можно «восстать» на человека, чтобы убить его. В состоянии ли был он хотя бы замыслить убийство? То, что он смог это сделать и сделал, наверняка было для него самого неожиданностью, потрясением.

Один из мидрашей к этому месту рассказывает, что Каин хотел только как-то отделаться от брата, повел его в некоторое ему известное гиблое место на Земле, оставил его там одного, и Гевель погиб. Другой мидраш противоречит первому (не смущайтесь — таково свойство мидрашей, создающих цельную картину) и рассказывает, что Каин, не зная, как убить, нанес множество ран брату, пока не добрался до горла.

«И сказал Господь Каину: Где же Гевель, брат твой?»

Разумеется, Всевышний точно знает кто, где и когда. Он не спрашивает: куда ты увел брата? Как всегда, Он разговаривает вопросами с человеком для того, чтобы вернуть его на верный путь. Так Он обращался к Адаму: «Где ты?» — не «где твое местонахождение», а «куда ты от Меня ушел? Опомнись!» Так и теперь Господь, видимо ждал на Свой вопрос ответа Каина: «Он мертв, Господи, я —убил, я виноват».

Но ответил Господу Каин:

«Я и не знал![11] Что, разве я хранитель своего брата?»

Ответ Каина, как и все речи Торы, многопланов. Понимание его зависит от того, куда во фразе или фразах выставить смысловое ударение. Если в последней фразе ударно слово «хранить», то Каин, как и его отец Адам, пробует оправдаться: Гевель пошел сам и погиб, это его дело, я не сторож, не хранил его.

Попробуем выставить ударение иначе: «Разве я хранитель брата?» Ведь не я — Ты его хранитель, Ты управляешь всем и направляешь все на свете, Ты создал Мир, где все обусловлено и детерминировано. Человек, проживающий в Твоем Мире, обязан считать: то, что должно было свершиться, то и свершилось. Гевеля убил некий хатат, которого Ты внедрил в меня, его убили гнев, ревность, зависть — все черты самости, которые вскрыл родитель Адам до меня. Причем тут я? Не я — Ты сторож, я же, Каин, действую, как действую, согласно своей натуре — так, как я не без Твоего участия рожден Хавой.

Еще другой смысл мы получим, если выставим ударение на первой части речи Каина. Да, «я и не знал!» — говорит он. Не знал, что такое смерть и убийство, или не знал, что нельзя убивать, или не знал, что умерщвляю, не понял, куда подевался Гевель, когда он умер, не знал, что есть нравственная ответственность человека перед человеком, что брат обязан быть хранителем брата, не знал, что такое братья, в конце концов, — Ты же только что об этом сказал. Как видите, Каин защищается от Господа на юридическом языке: не знал, что есть такие законы или запреты. Их мне Ты заранее не сообщал — откуда ж мне знать?

«Что сделал ты?!» — ответил ему Господь — *«Слышишь: крови брата твоего вопиют ко Мне от Земли!»*

Иными словами, как ты «не знал», когда знание это заложено в основах Мира и в задаче человека и вопиет ко Мне от Земли. Но вопиет теперь ко Мне, Судье. И потому:

«И теперь проклят ты»

Изгнание из Эдена не было проклятием. Человек проклят («орур») только в Каине. Если «браха», благословение, это включение человека в целостную систему Мира, в которой все получает свое назначение и благоволение, нужное для исполнения этого назначения, то «орур», напротив, это нечто вырванное из системы и оторванное от источника. «Орур» связано с понятием «бесплодие». Проклятый отрезается так, чтобы он не давал плода — и в смысле результата и в смысле продолжения его.

Однако Каин проклят, оторван не от Всевышнего, а от Земли, которая не дает места Каину и закрывает от него источники своей силы. Господь говорит далее, что «Земля раскрыла *(«пацета»)* свой рот, чтобы принять крови твоего брата от руки твоей».

«Пацета» (от корня «паца») имеет

[11] Обращаю внимание на неточность тех переводов, в которых Каин отвечает: «Я не знаю!» В подлиннике ясно читаем: «Я и не знал!» Так еще Адам отвечал Богу жена дала, а я и не знал.

особый смысл — не просто «раскрыть», а раскрыть поневоле. Словно Каин сумел насильно заставить Землю «раскрыться», чтобы принять кровь Гевеля.

«Когда ты будешь работать землю («адама») — не будет она больше давать свою силу тебе, скитальцем (навнад) будешь ты на Земле («арец»). (Б.4:12).

В стихе этом два разных слова, одинаково переводимых по-русски словом «земля». Есть человек, «адам», и есть «адама» — земля и земная плотская сила, которой живо тело человека. Земля лишает Каина природных сил, плотски обессиливает его. «Арец» — это Земля как Обитель проживания со всем ей свойственным. Каин присуждается к непрерывному перемещению по лику Земли, к «неприкаянности» и должен жить на ней, как в изгнании, в отчуждении от Земли, которую он заставил принять кровь Гевеля.

«И сказал Каин Господу: преступление мое слишком велико, чтобы нести его» (Б.4:13).

Слова эти хочется прочесть как возражение, полувопросительно: неужели мое преступление так велико, что нельзя простить его? Это вполне соответствует характеру Каина. Но есть мнение, по которому Каин совершил тут «тшуву», покаяние. Он сделал это только теперь, когда наказан! Что, разумеется, характерно для психологии преступления. «Не знал я, что нельзя убивать, и теперь только, когда наказан, узнал, что убивая Гевеля, я тем самым убил и себя». Каиново раскаяние.

«Вот, прогнал Ты меня сегодня с лица земли («адама»), и от лика Твоего сокроюсь, и стану я скитальцем по Земле («арец»), и будет: всякий встречный убьет меня» (Б.4:14).

Что это? Жалоба: теперь каждый способен убить меня, слабого, лишенного плотских сил, Твоей защиты и защиты своего места обитания на Земле? Или пожелание себе смерти: чем влачить свою жизнь в ничтожестве и неприкаянности — лучше пусть кто-нибудь убьет меня! Или еще, третий смысл, вернее, хитрость, расчет.

Адам и Хава родили бренного Гевеля, который не мог быть основанием человечества, и Каина, само имя которого показывает, что именно он основание, что от него должно бы строиться человечество. Каин убил брата, и теперь на Земле, кроме самого Адама, нет мужа, от которого пошел бы род людской. И Каин говорит: пусть так — обессилен я, и от Лика Твоего сокроюсь (хотя как раз про это Каину ничего не сказано), стану вечным скитальцем и меня убьют. Тебе-то, Господи, что из того? Не будет меня. Тебе же придется заново решать бытие человечества, которое, как ведено ему, должно множиться и наполнять Землю. Как же позволить Земле проклясть меня?! Во исполнение Замысла Твоего я должен жить на ней в силе и здравии. А то я сам «от лика Твоего сокроюсь»!

«И сказал о нем Господь».

Я вновь вынужден отметить неточность тех переводов, по которым Господь «сказал ему». Господь же говорит «о нем», о необходимости продолжения существования Каина на Земле.

«Потому-то (то есть по тем самым причинам, о которых говорит Каин) — *всякому убивающему Каина! Отмщение* («юкам») *всемеро»*

«Юкам» — от корня «накам» — восстановить разрушенное, сломанное, восстановить справедливость. Тот же корень в слове «теком» (месть) и в заповеди «ло теком» (не мсти), отсылающей к словам: «Мне отмщение, и воздам». Господь запрещает убивать Каина, так как восстанавливать разрушенное Каином и воздавать Каину — Его дело.

«И поставил Господь для Каина знак («от») *для того, чтобы не поразил его всякий встречный».*

Знак Бога — одна из букв Имени Всевышнего на лбу Каина. Но стих переводится еще и иначе: «И сделал Господь Каина знаком убийцы» — сделал символом предательского убийства в человечестве. Отмщение Каину не казнь, а его образ и само имя его в человечестве.

«И вышел Каин от лица Господа и осел в земле Нод, к востоку от Эдена» (Б.4:16)

Везде в Торе убийцы уходят на восток. Кара за непредумышленное убийство — изгнание, а не смертная казнь. Каин ушел в изгнание на восток; тут намек на то, что он убил брата все же не злонамеренно.

Каин приговорен к «скитанию» по Земле. А он, как мы видим, «осел» в восточной стране Нод, название которой восходит (а иногда так и переводится) к слову «навенад», скитание. Заметьте, что из слова этого убрана первая его часть, означающая собственно странствие, постоянное передвижение. Осталась лишь вторая часть — «нод» (от «над»), то есть отчуждение. Каин, возможно, раскаялся и с него снята часть наказания; он осел на Земле, но в отчужденности и от Господа, от лица Которого он отвернулся, и от Земли, и от людей. Каин — всем чужой и для всех — чужак. Тут его кара.

4

Всей своей жизнью Каин решает вопрос вопросов жизни человеческой — ответственности человека перед Богом за свои помыслы и дела. Каин начал с утверждения, что нет Судьи в Мире, нет в нем справедливости, а в человеке нет той свободы, по которой он бы знал себя ответственным перед Ним. На вопрос Господа: «Где брат твой?» Каин не признался в содеянном, а затем — не признал вину: виновен не я, а та сила, тот хатат, который не по моей воле сидит во мне и толкает меня делать то, что делаю. Это все тот же знакомый нам стиль мысли Нахаша, его логика, его «голос», которым он «соблазнил» Хаву.

Каинов хатат — гневливость, зависть, ревность — и поныне «лежит у входа», все так же стремится нам в душу. Могучий хатат первенца Адама — хатат братоубийства — один из наиболее устойчивых, сильных и опасных в людях. Научимся ли мы повелевать им? Или он доведет несчастное человечество до последних ступеней разложения и человекоубийства?

Овладеть каиновым хататом можно, если опереться на заложенное в наше сердце сознание ответственности перед Богом. Человек должен знать, что есть Тот, Кто спросит ответ. Наказание Каина — не смертная казнь, а его дальнейшая жизнь и жизнь шести поколений его потомков, не чувствовавших свою ответственность перед Богом. Тут — предметный урок всем людям на Земле.

«И познал Каин жену свою; и зачала и родила Ханоха (Еноха), и *строил город* («ир») *и назвал город, как сына своего, «Ханох»* (Б.4:17).

Каин — тот, кто строит и строит город, но, будучи отчужден проклятием, обречен никогда не достроить его.

«Ир» (корень «эр») — место бодрствующего сознания человека. Технологические способности ума активно пробуждаются в городе. Что в данном случае вовсе не предмет для восхваления: Земля отказала Каину в своей силе, и ему, проклятому и отчужденному, ничего не оставалось, как строить города и в строительстве этом развивать в себе то, что компенсирует недостаток духовных и плотских сил в нем. Строить «ир» в земле «Нод» значит брать не от Земли, а от себя, воздвигать чуждую Богу и Земле обреченную цивилизацию.

Слово «ханох» означает «воспитывай», «обучай», «развивай» себя — сам из себя добывай. Эпоха второго поколения каинианн, эпоха Ханоха — это не в самом лучшем смысле «эпоха просвещения». Строить город Ханох в земле Нод — строить «просвещенную» цивилизацию, основанную на чуждости человека Богу, на бездуховном автономном развитии, самообучении и человекобожеском самовоспитании. Каинов хатат сам по себе, по-видимому, побуждает на строительство такого рода цивилизации, которая в допотопные времена была куда опаснее, чем сейчас. Средняя продолжительность жизни человека того времени — 600 лет; да и качество жизни не впадавшего в старческий маразм человека было иное. По нашим меркам каинова цивилизация должна развиваться чрезвычайно стремительно и азартно.

«И родилось Ханоху» (Б.4:18) — словно само по себе «родилось» — Ирад (от «ир» — «горожанин»). В слове «ирад» есть оттенок самоволия и упрямства. «Арад» — название молодого осла. Уже в третьем поколении каинова отчужден-

ность самопроизвольно обернулась злостным самовольничаем и духовным одичанием. Ирад взбунтовался против «просвещенности» отцовского воспитания. Эпоха Ирада — эпоха порочной, самодовлеющей урбанизации всего бытия человека.

Четвертое поколение каинианн названо именем сына Ирада Мехияэля, а пятое — внука Ирада Метушаэля. Мехияэль — тот, в котором стерт Бог. Эпоха тотальной урбанизации естественно переросла в эпоху атеизма. Вот еще одна ступень безответственности человека перед Богом. Но в общественном отношении это еще пассивная и упорядоченная пора, которая сменяется хаотической активностью в следующем поколении. Метушаэль — тот, кто призывает к себе всякий люд («митим»), кто взывает к толпе и побуждает ее действовать. Это эпоха взбаламученных масс.

Шестое поколение — «поставленного под удар», терпящего поражения Лемеха и его жен, Ады и Циллы. Обращаясь к ним, Лемех высоким стилем произносит загадочные слова:

«*Слушайтесь моего голоса*
жены Лемеха
внемлите моему речению,
Ибо мужа убил я в рану мне.
И дитя (мальчика) в поражение мне.
Если дважды семь Каину месть,
то Лемеху — семижды семь» (Б.4:23,24)

Поэтический язык необходим здесь в тех же целях, что и всегда, — чтобы в концентрированном целостном виде выразить многогранность смыслов и многоликость представлений. Слова Лемеха можно относить и к прошлому, и к настоящему, и к будущему времени.

Устная традиция сообщает, что произошло во времена Лемеха. По трагическому стечению обстоятельств он убил своего пращура Каина и затем собственного сына Тувель-Каина. Узнав об этом, жены Лемеха в ужасе отказались быть ему женами. Обращаясь к ним, Лемех что-то говорит об отмщении за убийство, которое совершил Каин и которое совершил он сам.

Прежде всего Лемех понимает случившееся как последний акт в драме каиновых поколений. По сути, он убил начало и конец, уничтожил само каиново человечество и его цивилизацию, которую люди в условиях сверхпродолжительности отдельной жизни и гигантских потенций технологического творчества, создали только из самих себя и только для себя. Все — тщетно, все прошло и кончилось «в рану мне». Вместе с гибелью Тувель-Каина погибло и грядущее — «в поражение мне».

Поэтическую речь Лемеха можно переводить и воспринимать в сослагательном наклонении. Вы — жены Лемеха, отказавшиеся быть мне женами! Слушайте мое речение. Пусть я убил и пращура, и сына, и кого угодно — ну и что? Каин за то же самое наказан через семь поколений. Да еще Господь предупреждал, чтобы никто не смел его тронуть. И это — Каин, символ убийства, а я — всего лишь Лемех. Мне, Лемеху, отметится «семижды семь», то есть в столь отдаленные времена, что это сейчас не имеет значения ни для меня, ни тем более для вас. Лемех вызывающе-демонстративно разрешает себе убийство. Безответственность Лемеха перед Богом дошла до степени цинизма.

Более того, терпящий поражение Лемех сознает, что ход каинианских поколений подвел к неминуемой катастрофе. Единственно, что ему теперь остается — это утверждать себя мечем, который сделал ему его сын Тувель-Каин. Лемех угрожает оружием непослушным женам. Изгоняя людей из Сада Эдена, Господь повелел мужу управлять женою, но не властвовать над ней, не побуждать ее силой. Лемех же вводит в практику человеческой жизни насилие над женщиной. Эпоха Лемеха, следовавшая за эпохой взбудораженных масс, это эпоха несчастья, страха, насилия и порабощения женщины.

Подобно тому, как из Эдена к Земле вели четыре выхода, вытекали четыре потока, так и последнее, седьмое поколение каинианн определено четырьмя именами чад Лемеха. Явал весь в трудах и заботах, он основывает кочевое скотоводство. Как и первый поток из Эдена, Явал выражает страсть к накоплению и богатству. Его брат-близнец Ювал (свободный художник, родоначальник играющих на арфе и свирели) выражает, подобно другому потоку из Эдена, блудливые стремления души и тела. Их сводный брат Тувель-Каин («пособник Каина», можно перевести даже «гнусность Каина») — создатель орудий и оружия из меди и железа — следует кредо Лемеха и усовершенствует «ремесло Каина». Тувель-Каин, подобно третьему потоку из Эдена, выражает стремление к насилию, власти, вооруженным действиям. Эпоха сыновей Лемеха это эпоха разбоя, разврата и алчности. Седьмое поколение каинианн жило долго и было уничтожено только Потопом.

Рядом с этим криминальным царством распутства, насилия и богатства существовал из мира каинианн и четвертый выход, подобный потоку Прат. Это — сестра Тувель-Каина Наама («приятная» Всевышнему), ставшая женой Ною и родившая ему трех сыновей, трех родоначальников послепотопного человечества.

VIII
ПОТЕРЯННЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

1

Пятая глава книги Бытия открывается словами (Б.5:1):

«Зе» (эта, это, вот) — *«сефер»* (книга) *«толдот»* (порождение) *«адам»* (человек).

«Сефер толдот» обычно понимается переводчиками как «книга рождений» и передается словом «родословная»![12]. Однако, во всех других случаях в Торе говорится «Зе толдот» (вот порождения). Так что слово «сефер» (книга) в этом месте имеет самостоятельное звучание. На что и указывает двоеточие в тексте стиха:

«Вот: книга...» То есть книга, которую предстоит прочесть, — книга Бытия.

Как таковая книга Бытия начинается только с пятой главы. До этого, оказывается, было предисловие, в котором рассказывалось о «порождениях неба и земли» (Б.2:4), о Каине и о его потомках. Все это предваряет основное повествование и потому дано вкратце. Сейчас же начинается собственно «книга», то есть некоторое целостное изложение, собранное из ряда отдельных повествований, имеющих самостоятельное значение.

В грамматическом строе первой фразы пятой главы есть скрытое сопряженное сочетание, из которого ясно, что книга эта о чем-то таком, что может быть определено лишь общим понятием. Вот (зе) — книга всех последующих событий и явлений, Книга всего или Книга вообще, то есть Библия.

Все факты и явления в нашем существовании недаром складываются в нечто целое и цельное — как отдельные рассказы в книгу. Понятие Книги, которую пишет Всевышний, появляется в особо важных местах Торы — всем Бытием и нашими жизнями Господь Бог пишет Свою Книгу. И Тора — срез в нашем Мире той Книги, которую Он пишет. И вот эта Его Книга, сообщает пятый стих, есть «порождение человека». И добро, которое делает человек, и совершаемое им зло — все это пишет Книгу Бога.

Мы только что узнали о колоссальной и многовековой цивилизации каинианн, об их драматической истории, которая вся закончилась ничем. Как такое может быть в Божьем Мире? Нам дан ответ:

Книга эта — вся порождение человеков; и худшие поколения имеют в ней свое место. Все дальнейшее в ней суть рассказы о «порождениях человека», о движениях его сердца и о его делах.

Тора прямо не посвящает нас в дела Неба и Земли и в тайны Бога. Потому, что все — в руках Неба, кроме свободы

[12]Перевод Торы издательства «Мосад арав кук» (Иерусалим, 1975г.): «Вот родословная Адама». Перевод издательства «Шамир» (М. 1991г.): «Это — родословная книга человечества». Синодальный перевод Библии: «Вот родословие Адама». Перевод И.Шифмана в его книге «Пятикнижие Моисееве» (М. 1993г.): «Это книга родословий Человека». — *ИБ.*

человека. В момент зачатия уже решается, каков может быть человек: глуп или умен, силен или слаб. Но не решается: будет ли он творить добро или творить зло. Это дело свободного выбора каждого из людей. Вся Тора — Книга о свободном выборе путей человеческих. Книга Бытия создается руками человека. Она — «толдот адам», порождение человека. В некотором смысле она, следовательно, и его, человека, Книга.

Как-то раз к Шамаю пришел прозелит и попросил объяснить всю Тору за время, которое он выстоит на одной ноге. Шамай прогнал его и тот пошел к Гиллелю. И Гиллель ответил ему: «Что должно быть тебе ненавистно (алеха), — того не делай другому [13]. В этом вся Тора. Остальное же — комментарий. Иди и учись».

Самый сложный, самый зыбкий, но и самый свободный выбор сердца человеческого — решить, что вообще должно быть ненавистно, а что — любо. «Комментарий» же — что именно и как именно надо любить, от чего конкретно отвращаться и что в том или ином случае делать — дан в Торе, в Научении.

Задача человека не в том, чтобы стереть Зло с лица Земли или со своего лица, как предлагает стандартная этика, а в том, чтобы с помощью Его Научения, Торы, поставить начало злого на свое место в Бытии и человеке и тем сделать зло одним из творческих импульсов жизни и служения Богу. Поэтому-то Гиллель и говорит: «Иди и учись».

Вспомним тут еще и другой знаменитый рассказ, о рабби Акиве, который сказал: «Люби ближнего твоего, как себя. Это великое обобщение в Торе». На что собеседник рабби Акивы ответил, что в Торе есть еще большее обобщение: «Эта Книга — порождение человека», ибо уже в следующей фразе того же стиха пятой главы говорится о сотворении человека «в подобии Бога». Любить ближнего надо потому, что он и ты — оба в подобии Богу, что вы как бы сверху замкнуты друг на друга через свое подобие Ему.

Главное обобщение Книги — во всех смыслах — в том, что центр напряжения Мира проходит через свободноволящее сердце человека — сейчас и здесь. Книга Бытия, которую пишет Господь Бог, создается земными людьми. Как каждый из нас решает, такова, в конечном счете, и будет эта Его Книга.

«Вот: книга, она порождение человека».

И далее:

«В день сотворения Богом человека, в подобии (би-дмут) *Бога сделал* (аса) *его»* (Б.5:1).

Начало Его Книги — в день сотворения Богом человека, а не сотворения Им Неба и Земли. Человека, который сделан «в подобии» Бога. Как так? Ведь мы читали, мы знаем, что человек не сделан, не завершен, не доделан. Адам сотворен «ки-дмут», как подобие, в качестве Его подобия, с задачей все более и более уподобляться Богу. Но здесь почему-то говорится «би-дмут», в подобии — самим подобием. Это несколько иное понимание человека.

«Дмут», подобие, есть свобода свободно изменять себя и в этом смысле порождать (толдот) самого себя и тем писать Книгу. Человек духовно работающий, продуктивно использующий свою свободу для уподобления Богу, есть в каком-то смысле человек сделанный. Тут совмещаются делание человека (как подобия) и его сделанность (в подобии). Бог — полный Хозяин в Своем Мире; и подобно Ему человек призван быть свободным хозяином в своем. И, как Бог управляет силами Своего Мира, так и человек должен суметь управлять силами своего внутреннего мира. Мысль эту, как первую и главную, Господь применительно к хатат сообщил разгневанному Каину. Таков же и общий смысл управлением начала зла в человеке с позиции и с помощью Книги.

2

По смысловой нагрузке слова «познает» муж жену свою познает единожды, в первую брачную ночь. Адам же «познал Хаву» дважды: один раз в Саду Эдена, другой раз на Земле. Дело, рассказывает мидраш, вышло так. Адам встретил Каина и неожиданно обнаружил, что с его сына снята одна сторона проклятия, — он уже не «неприкаян», а «осел» в земле Нод. Каин объяснил изумленному отцу, что это результат его запоздалого раскаяния в содеянном. «Так ведь и я могу раскаяться за свой грех!» — осенило Адама; он покаялся перед Богом и надолго разлучился с женою. После 130 лет, проведенных в трудах искупления, Адам возвратился в мир и снова «познал» Хаву.

«И познал Адам снова свою жену. И родила сына (бен). *И назвала его именем «Шет», сказав: потому что поставил мне. Бог другое семя вместо Гевеля, ибо убил его Каин»* (Б.4:25).

Шет (Сиф) — первый, кого Тора называет «бен», так как именно от него строится («бана») человечество. Шет назван так потому, что Бог, как объясняет Хава, «поставил мне» («шетли») другое семя вместо Гевеля и Каина. Но объяснение имени еще не смысл имени. «Шет» — не пассивно поставлен Богом Хаве вместо ее сыновей, как она полагает, он — активно действующее начало, которое само устанавливает себя в Мире. Шет (буквально «фундамент») — подлинный основоположник человечества. Однако вплоть до Потопа потомки Каина и потомки Шета живут рядом на Земле.

На сто пятом году Шет родил Эноша (Еноса). Шет перерождается в Эноше, который продолжает отца и по-своему возобновляет отца. И потому Энош также назван «сыном». Человечество, собственно говоря, возводится на Эноше. Поэтому люди в Торе называются не по именам Адама или Шета, а по имени Эноша — «эношим». Энош выражает принципиально иное, чем адамово, состояние духа жизни в человеке. Что это за новое состояние видно из этимологии имени сына Шета. «Энош» — тяжело больной человек. «Энош» также и человек-насильник. «Энош» указывает и на такого человека, сама жизнь которого в каком-то смысле оборачивается для него наказанием (онеш). Энош возобновляет отца и деда, но уже на далеко не здоровом основании. И вот что построилось на этом основании.

От времени Каина до времени Ноаха (Ноя) — огромная эпоха. За эти многие века Господь не говорил с человеком, не обращался к нему. И люди, «эношим», стали забывать Его. Четвертое поколение каинианн, как мы видели, вообще утратило Богосознание. Примерно в то же время у людей поколения Эноша все же осталось смутное представление о Нем, как о некой Высшей Силе, но исчезло непосредственное чувство Господа и Его Имени. Отход человека от Господа Бога и развитие без Него привело к тому, что появилась настоятельная необходимость обращаться к человеку Именем Господа, призывать находящееся в забвении Его Имя.

В эпоху Эноша человек «начал» думать так, как зачастую думает и по сей день. Раз все в Мире служит Всевышнему, то и силы Мира как Его посредники не менее важны для жизни людей, чем Он Сам. Отсюда такое распространение получают языческие верования в идолов и в звезды, через послушание и поклонение которым следует слушать Его и поклоняться Ему.

Звезды — и зримое воплощение законов Мира и небесные сущности, управляющие в нем и определяющие судьбу человека. Люди обращаются за помощью к высшим небесным сущностям (а затем и к низшим, к своей плоти и плоти Земли), пытаются повлиять на них или хотя бы распознать их веления и предзнаменования. Это есть «служба звездам», начало всякого идолопоклонничества по еврейским понятиям.

Процесс религиозного развития человечества по Библии, как видите, не совпадает с теми представлениями, по которым человек вначале поклонялся силам При-

[13] Знаменитые слова Гиллеля часто приводятся в неточном переводе: «не делай другому того, что тебе ненавистно». Но эта сентенция не есть объяснение всей Торы, а, скорее, практическое правило нравственного поведения, на которое люди часто опираются в своих спорах: «Что если тебе бы так, как мне?!»

роды, а потом «дорос» до монотеистических представлений. Библия фиксирует не ход поступательного развития Богосознания в человеке, а обратный процесс — **процесс забывания.** Люди, «эношим», отстраиваются на больном основании Эноша и им свойственно «забывать» Господа. И не по слабости памяти, а потому, что забвение это зачем-то нужно людям... Вот почему требование «помнить» (захор) — первейшее требование духовной жизни. Это не пассивное удержание в памяти, не «не забывай», а активный творческий процесс, требующий постоянного и положительного усилия души. Забывающий, то есть не желающий такого усилия — гибнет. Необходимость такого рода духовного усилия и выявилась впервые в эпоху Эноша.

От Эноша до Ноаха — семь поколений. Мы увидим, что поколения эти отчетливо перекликаются с поколениями каинианн. Впечатление такое, что тут действует один и тот же сценарий падения через поколения, но осуществленный в разных постановках. Возможно, что по этому же единому сценарию развивается и драма европейской Истории Нового времени. Но, конечно, — в еще одной, новой «постановке».

И поколения Каина и поколения Эноша — потерянные, стертые Потопом поколения. Но если падение каинианских поколений определено безответственностью человека перед Богом, то падения поколений Эноша обусловлено поруганием Его духа в человеке. Каковы же ступени этого поругания в допотопном человечестве?

Энош — внук Адама. Третье поколение — поколение Кейнана. С именем Каина имя Кейнана связано понятием «обретения себе». Но Кейнан — это обретение имущества («кейньян»). Духовно болезненное поколение Эноша логично породило поколение служителей мамоны, всеми силами нацеленных на приобретение капитала.

Если четвертое поколение от Каина носит имя Махияэля — того в ком стерт Бог, то четвертое поколение от Шета названо по имени Маhалальэля — славящего Бога, восхваляющего Его. Это эпоха поверхностного мнимо-духовного «религиозного возрождения», эпоха, выражающая себя в звуках голоса, но не в глубинах сознания и не в делах. Это, видимо, и предрешает падение последующих поколений.

Пятое поколение — поколение Иереда. Имя это напоминает взбунтовавшегося горожанина Ирада в каиновых поколениях. Но Иеред означает «спуск», понижение, опускание, падение. Иеред, как и Ирад, отвернулся от своего отца, от религиозных славословий Маhалальэля и остался вообще ни с чем. Начался какой-то спуск, к духовной пустоте, к наинизшей точке всей череды поколений от Шема. Затем вроде бы начинается что-то, что напоминает подъем.

Иеред назвал своего сына так же, как Каин — Ханохом. Вновь пришла пора поколения восстановления, воспитания заново, просвещения и образования. Но это воспитание и образование служит не строительству отчужденной городской цивилизации, как для каиновых поколений, а совсем иным целям и задачам.

Поколение Ханоха-второго неразрывно связано со следующим, седьмым, поколением Метушелаха (Мафусаила). Если потомок Каина Матушаэль призывал к себе людские массы, то Метушелах, презирая толпу, гонит всех людей от себя. В этом поколении главенствовали те, кто в одиночестве медитации усовершенствовали и свой дух и тело, не признавая никакой другой деятельности и внутренней работы. Сама педагогическая идея разного рода уединенного самосовершенствования, по-видимому, исходила от учителей поколения Ханоха. Последователи Ханоха и Метушелаха противопоставляли себя распутным «сынам человеческим», как назывались люди последнего каинианского поколения, и выделяли себя в особый, отделенный от всех человеческий род, называя себя «сынами Божьими». В допотопные времена эти «сыны Божьи» были судьями, духовными вождями и высшими нравственными авторитетами в своих поколениях.

«И ходил Ханох с Богом после рождения Метушелаха 300 лет и родил сыновей и дочерей» (Б.5:22).

После того, как родился сын, Ханох стал «ходить с Богом», что, как и в других случаях, означает ходить с Богом в себе, для себя, в некотором особо выбранном ограниченном пространстве души. Впрочем, Ханох тем не менее рожал сыновей и дочерей:

«И было всех дней Ханоха 365 лет. И ходил Ханох с Богом — и нет его, так как взял его Бог« (Б.5:23,24).

В отличие от других патриархов, живших и восемь и девять столетий, в отличие от своего сына, прожившего 969 лет, Ханох пробыл на Земле на удивление мало. Что это значит? О Ханохе не сказано, как про остальных, что «он умер».

По одному из преданий Ханох живым попал в Сад Эдена. Но хорошо ли и нужно ли земному человеку попадать живым туда? Положим, Ханох, уйдя от мира, достиг таких вершин, которых никто из смертных не достигал. И что же? — «и нет его» (веэйнену). Тут слышна оценка Ханоха и его заслуг. Ноах тоже «ходил с Богом», но совсем иначе.

В европейском искусстве Ханоха (Еноха) представляют полубожеством. Некоторые же еврейские мудрецы, вникая в Тору, видят Ханоха ханжой, но не в смысле умышленного лицемерия, а «лоскутным одеялом» — сегодня праведником, завтра злодеем. Внутренняя опасность вхождения в такое состояние подстерегает тех, кто, уйдя от людей, ведет образ жизни Ханоха. Всякий, однако, получает то, что желает. Ханох хотел быть с Богом, и Бог задолго до срока изъял его из жизни — чтобы, как говорят мудрецы, не переметнулся... Напомним, что в поколениях Эноша идет подспудный процесс поругания духа, и Бог принимает меры.

Восьмое поколение — поколение Лемеха-второго, в котором, как и в поколении Лемеха-первого, все предшествующее развитие становится под удар. Допотопное растление произошло именно в поколениях отца Ноаха — Лемеха-второго, который умер за пять лет до Потопа и видел как Ноах строит Ковчег.

Катастрофа началась на особом фоне и усугубилась особыми обстоятельствами.

«И было» (вейhи) — напомню, что так в Библии обычно начинается рассказ о самых значительных или самых драматических событиях — *«когда стал человек множиться на Земле, и дочери родились им»* (Б.6:1).

Тут не просто демографический взрыв, а умножение численности за счет большей рождаемости женщин. Создалась предельно напряженная сексуальная и психологическая атмосфера. И что это были за женщины! В следующем стихе они прямо называются «дочерьми человеческими», то есть женщинами из последнего, погрязшего в распутстве каинианского поколения.

«И увидели сыны Божьи» «бней hа элоким) *дочерей человеческих, что прекрасны они, и брали себе жен, из кого только выбирали»* (Б.6:2).

Широко распространенные романтические представления о соблазнении небожителями земных женщин создают впечатление, что допотопное омерзение рода человеческого произошло все-таки не по вине любимца Бога — человека. Но не боги Олимпа, не космические существа и не демоны растлили Землю и человека на ней. Это сделали те благочестивые и благолепные ученики Ханоха и Метушелаха, которые выделяли себя и звались «сынами Божьими». Это они, праведники старшего поколения, нравственно непререкаемые, имевшие право судить и обладавшие духовной властью, вдруг заразились всеобщей сексуальной напряженностью, эротически прозрели, «увидели» из своего уединения обольстительных каинианок и стали брать их в жены — кого ни выберут, кто только не приглянется им, даже чужих жен, отбирая их от мужей. Понятно, какой пример и какой сигнал подали «сыны Божьи» всем остальным людям, привыкшим почитать их и слушаться. С этого началось открытое поругание духа Его в человеке. Образы благолепия смешались с похотливыми образами и оргии стали элементами сакральной жизни.

В своем беззаконии «сыны Божьи» непримиримо столкнули в душе людей Его дух и силы плоти человеческой. От

такого противоборства в своей душе человек эмоционально забурлил, стал человеком необузданных страстей, рушащих сам Путь Древа жизни в человечестве. Тут прямая вина «сынов Божьих». Сколь предусмотрительно, однако, Бог взял Ханоха «и нет его». Произошло это, кстати, когда Лемеху было 120 лет, и он еще не родил Ноаха.

В допотопные времена человек, имея в своем распоряжении огромную продолжительность жизни, не связанную со старческим упадком, мог все дни жизни использовать в полную силу — как на добро, так и на зло. В условиях же поругания духа Бога — когда «сыны Божьи» привели в столкновение дух и плоть — все огромные творческие возможности человека шли исключительно на совершение злого. Вот почему Богу прежде всего пришлось сократить продолжительность человеческой жизни до 120 лет.

«И сказал Господь: «Да не борется (или: да не судится) *дух Мой в человеке век* (или: вечно), *потому что он и плоть то же. И будут его дни 120 лет»* (Б.6:3).

«Дух Мой» — это та инстанция, которая судит человека, перед которой человек ответственен. Таким образом, тема ответственности человека перед Богом зазвучала иначе: как тяжба между Его духом и плотью человека. Чего не должно быть, ибо такое противоборство равносильно поношению духа в душе. И Господь предполагает изъять дух Свой, лишить человека Своего присутствия в его душе. Пока Он дает ему для покаяния и исправления 120 лет, жизнь еще одного поколения. Ноах за 120 лет знал о надвигающейся катастрофе. Тогда, по преданию, уже были знамения, и мировой океан разливался и заливал треть суши.

При Метушелахе и Лемехе-втором оказалось, что человеческая свобода способна на поругание Его духа в плоти. И Бог говорит, что Он не будет присутствовать в человеке вечно. Роковой момент. С этого момента контакт между Богом и человеком слабеет. Начинается уход Шехины — Присутствия Бога. Присутствие это и контакт этот будет восстановлен только с Авраhамом.

Если жены Лемеха-первого (поработившего женщину) произвели на свет родоначальников зла насилия, блуда и алчности, то каинианские жены «сынов Божьих» в эпоху Лемеха-второго рожали «исполинов» (нефишим), обладавших колоссальной природной силой и энергией. Такие же «богатыри» (гиборим) были известны издревле, искони (Б.6:4), когда они, надо полагать, строили великую каинианскую цивилизацию. Таким образом, сыновья «сынов Божьих» из рода Эноша стали в один ряд с «богатырями» из рода Каина. Это-то сочетание и объединение «исполинов» и «богатырей» решило судьбу допотопного человечества, не использовавшего последнюю возможность исправления.

«И увидел Бог, что велико злое человека на Земле. И весь идеал (йецер) *замышлений.* (махшавот) *его сердца* (либо) *только зло весь день»* (Б.6:5).

В сердце человеческом создаются представления о себе и Мире. В сердце человеческом воздвигается идеал, который указывает направление всего развития человека. Поступки можно искупить, мотивы и устремления воли — исправить, но если зло коренится в побуждающем идеале сердца (йецер махшавот либо), то это непоправимо. Бог увидел, что сам идеал сердца человеческого — зло, и только зло. Зло (ра) — то, что ломает. «Исполины» и «богатыри» вместе установили в человечестве такие идеалы, которые окончательно сломали его Путь жизни, привели человека в состояние полного беспутья.

«И растлилась (ветишахет) *Земля перед лицом Бога и переполнилась скверной* (хамас)» (Б.6:11).

То, что прерывает человеческую жизнь как таковую называется «шхита». То, что прерывает какой-либо путь — будь то обрыв или яма — называется «шахт». Земля же произвела «ветишахет», то есть оборвала установленный путь развития жизни. И сделала это «перед лицом Бога», в открытую. Почему? Да потому, что растление есть возобладание сил плоти над силами души. А это не то преступление, за которое по человеческим меркам можно судить и карать. Растление не скрывает себя перед Богом потому, что не видит дурное в том, что делается. Тут своего рода апофеоз «путаницы добра и зла».

Слово «хамас» — то, чем наполнилась Земля — обычно переводят как «злодеяния» или «разбой». Но для понятия разбой в священном языке есть другое слово, «газаль», означающее уголовное преступление, от которого общество знает, как оградить себя. «Хамас» же — это не криминал, а те гадкие мелочи, чье множество передается в понятии «скверна». Это постепенное и часто неприметное ежеминутное разложение, уголовно не наказуемое брожение и гниение в обществе. Это хамство, наглость, бесстыдство, ругань, нравственное уродство, надругательство, бесчестие, обманы, мразь и грязь — все разного рода беспутства течения жизни. Нахаш, вспомните, разит «в пяту».

Человек совершает «хамас», когда гадит, сквернословит, когда глумится, оскверняет, позорит, подличает. В сексуальной жизни это и беспорядочность сношений и выведение семени зазря, не для зачатия и рождения. В психофизиологической жизни это смешение мужского и женского; в общеприродной жизни это нарушение закона «лемино», по роду их, скрещивание одного вида с другим. Так, оказывается, выражается последняя степень поругания духа Божьего в человеке. Даже молитва не подымается ввысь, когда на человеке есть пыль хамаса. Именно растление такого рода, как мы увидим, побудило Господа незамедлительно стереть все живое с лица Земли.

3

Поразительный момент: Господь изменяет, переменяет, перемысливает (йинахем) Свой План. И при этом Он скорбит.

«И перемыслил (вайинахем) *Господь, что сделал человека в Земле и воскорбел* (йитацев) *к сердцу Его* (эль либо)» (Б.6:6).

В сердце Господа — любовь Его к человеку. Желающее радоваться о человеке сердце Господа наполняется скорбью. Но возможен и иной перевод: Господь воскорбел «к сердцу его» — человека. Сердце — это то, что влечет человека, что делает выбор, что управляет душою: и это то, где помещается его иецер.

Слово «йитацев» передает особое душевное состояние, когда от чего-либо приходится в себе отказываться. И Господь в Себе скорбит о человеческом сердце, установившем идеал зла.

«И сказал Господь: сотру человека, которого Я сотворил, с лица Земли, от человека до животного, от всего ползающего до птицы небесной. Передумал Я (нихамти), *что сделал их»* (Б.6:7).

И следом добавлено:

«Ноах же нашел (маца) *милость в глазах Господа»* (Б.6:8). Слово «маца» означает, что Ноах нашел не случайно, а нашел, ища, — чтобы Господь дал милость (хэн), то есть то, что дается даже даром. Если бы Ноах не нашел милость в глазах Господа, то не было бы исправления живой плоти Потопом, а было бы ее уничтожение. Не будь Ноаха, и Бог, как при сотворении Земли, обошелся бы с ней без суда. Но Ноах нашел милость, и потому Земля судится. Человек и все живое вместе с ним стираются «с лица Земли», но не в небытие. Допотопное поколение выводится из работы и у него нет участи в будущем Мире.

С этого места начинается новый раздел в Торе, который так и называется: «Ноах».

Раздел второй. НОАХ
I.
ПОТОП

1

Глава восьмого допотопного поколения Лемех на 182 году жизни «родил сына» (бен). Девятое допотопное поколение — поколение «сына», от которого, как от Шета и Эноша, должно отстроиться человечество. И Девятый День в Творении будет Днем Перетворения.

«И назвал его именем Ноах, сказав: «Этот утешит нас от дела нашего и от страдания (ицвон) наших рук, от Земли, которую проклял Господь» (Б.5:29).

Со времен Каина и Шета Человечество мучительно билось, двигаясь, не зная куда. И вот движение допотопных поколений пришло к результату. Слово «ноах» означает движение, которое обрело смысл и пришло к своему завершению, на конечную остановку и в этом смысле «успокоилось».

Изгоняя Адама из Эдена, Бог проклял Землю, и потому человек на Земле проходит Путь ицавон, растет через формирующие его дух страдания, в которых, по мысли Лемеха, Ноах приносит утешение людям.

«Вот (эле) *порождения* (толдот) *Ноаха —Ноах: муж* (иш) *праведный* (цадик*), цельный* (тамим) *был в своих поколениях, с Богом ходит Ноах»* (Б.6:9).

«Эле» (вот) подразумевает отмену предшествующего. «Порождения неба и земли» (Б.2:4) привели к «порождению Ноаха». Мы знаем, что Ноах родил трех сыновей. И они суть «порождения Ноаха». Но в особом смысле. «Порождения Ноаха» — ясно сказано в Торе — есть «Ноах». Своею жизнью Ноах породил самого себя, стал цадик и тамим, ходил с Богом — и «нашел милость» в Его глазах. И к тому же родил трех сыновей. Все «порождения Неба и Земли» теперь зависят от «порождений Ноаха».

Душу человеческую можно оценить по трем основным ее направлениям. Первое — вовне себя — выражает отношение человека к другим людям. Высшее выражение этого направления души — цадик, праведник, человек добра, в максимальной степени следующий всем этическим обязательствам, накладываемым на человека в обществе. «Иш цадик» — муж праведности, выдержавший все нравственные испытания человеческой жизни.

Второе направление — внутрь себя — выражает отношение души к самой себе. Вершина этого направления — тамим[1], человек цельной души (целостность — душевное качество, противоположное тому качеству «лоскутного одеяла», которое было характерно для Ханоха). Тамим — человек овладевший собой. Понятие «тамим» всегда рядом с понятием «дерех», путь, с восхождением души не по прямой, а по ступеням восхождения. Тамим связывается и с верной направленностью сердца (кавана), и с двигающими волю душевными мотивами, и с поведением человека в закрытой от глаз других интимной сфере жизни. Тамим — особая цельность души и особая целостность хождения человека на своем Пути жизни.

Третье направление души выражает отношение человека к Богу; «ходить с Богом» — вершина этого направления.

Три совершенства Ноаха противостоят трем видам допотопного растления. В противоположность праведности — грабеж (газель), в общем смысле развращенного отношения к другому. В противоположность цельности хождения по жизни — порок, разврат (гилуль), в общем смысле развращения путей жизни. В противоположность хождению с Богом — то, что называется «отчужденным служением» (авода зара), идолопоклонство. Эти три типа растления внутренне связаны.

«И родил Ноах трех сыновей: Шема (Сима), *Хама и Иефета* (Иафета)» (Б.6:10).

Все патриархи рожали первенца, когда им не было 100 лет. Ноах же родил Шема в 500 лет. Есть разные объяснения этому. Одно из них то, что Ноаху нужно было твердо знать, в чем именно преступления его поколения, и родить сыновей после речи Бога к нему и во исправление испорченных человеческих качеств. Ноах ставит своих сыновей против растлений того мира. Имена сыновей Ноаха указывают не столько на свойства каждого из них, сколько на три исправления (тикун) трех указанных выше типов растления допотопного человечества.

В противоположность «отчужденному служению» допотопных людей Ноах ходил с Богом и назвал первенца своего Шемом. «Шем» значит «имя». На Шеме, как и на Адаме, лежит специфическая человеческая задача давания имен, то есть осознавания сущностей предметов и явлений. В работе самоуглубления и одухотворения Ноах ищет средство против звездочетства и служения идолам и животным. Шем должен установить верное отношение человека к Всевышнему и Его Миру.

Хам должен установить верное отношение человека к самому себе, к своей душе, восстановить целостность хождения человека по путям жизни. Хам — душевное тепло, внутреннее согревание от самого себя. Именно душевный холод, недостаток душевности и высокой эмоциональности (а никак не наоборот) ведет к загрязняющему душу разврату. Во исправление предпотопной растленности (и прежде всего растленности из-за нарушения закона несмешения видов, закона лемино) Ноах в Хаме предполагал поставить заслон чистоты и тепла души человеческой. Не все, к сожалению, удавалось Ноаху.

Иефет должен был установить правильные отношения между людьми. Иефет — открытость человека навстречу другому человеку. Посредством душевной раскрытости (и прежде всего — культуры, творчества) Ноах предполагал побороть общественную аморальность и душевную отчужденность человека от человека. Решите: сколь и это удалось ему.

Во всяком случае несомненно, что три сына Ноаха — его заслуга. Но есть у него особая заслуга, благодаря которой он еще до рождения сыновей «нашел милость в глазах Бога». В чем она?

В ситуации всеобщего растления человеку все же помогает свойственная здоровой душе сила нравственного отталкивания. И в такой среде, благодаря этому свойству, человеку посильно стать цадиком, праведником. Но вот остаться душою «здоровым» (еще одно значение слова «тамим»), живя в такой среде, быть непорочным на путях жизни, стать человеком цельной жизни, человеком, овладевшим путями своими и восходящим по Пути, — невероятно трудно. Властвующие в обществе идеалы злого, атмосфера всеобщего растления мотивов и побуждений почти автоматически индуцируется в душу, сбивая ее с Пути, лишая ее целостности и цельности.

Ноах, нам сказано, «тамим был в своих поколениях», — даже несмотря на их полную развращенность. Но в этом замечании Торы есть и иной смысл: только в отношении своего поколения Ноах был тамим... В некоторых других поколениях он, быть может, таковым не считался бы. Качество цельности души и пути жизни вообще определяется относительно общей атмосферы жизни, в которой родился, вырос и живет человек.

2

Бог обращался к Адаму. Он разговаривал с Каином. Но с тех пор прошла целая эпоха, за которую не было откровения Бога человеку. И вот, за 120 лет до Потопа (Мабуля), когда всякая плоть уже извратила свой путь на Земле, Он вновь, через полторы тысячи лет, обращается к человеку.

«И сказал Бог Ноаху: «Конец (кэц) *всякой плоти пришел перед Моим лицом, потому что Земля наполнилась скверной* (хамас) *от* (из-за) *них. И вот Я* (вэhинэни) *их гублю* (машхитам) *вместе с Землею»* (Б.6:13)

Вот, оказывается, как опасно наполнять Землю скверной!

К тогдашней катастрофе Земли вела совокупность причин. Но подписывался приговор свыше все-таки за «хамас», за постоянное и ежеминутное растление в крупном и мелочах. Кара за преступле-

[1]Это слово обычно переводят как «совершенный», «непорочный»

ние перед Богом или людьми — ликвидация; так произошло с Содомом и Аморой (Гоморрой). Мабуль же не кара, а объективная необходимость, суровый ответ (hинэни) Бога на то, что Земля наполнилась от людей («от них») скверной.

Допотопные поколения извратили и душу свою и плоть. Дурен оказался весь человек, не выдержавший столкновения духа и плоти в душе и выносивший идеалы зла в сердце. Плотская сила жизни Земли оказалась слишком сильна для него. И Господу Богу пришлось изменить, исправить, ослабить плотскую силу Природы. Это и есть задача Потопа, Мабуля.

Мабуль — не только всемирное наводнение, но глубинное перетворение всей живой плоти на Земле. Затопившие Землю воды — всего лишь одно из явлений Мабуля. Да и само слово «мабуль» не имеет отношения к потокам воды. Корень этого слова — «наваль»;

так называется и процесс приведения в негодность и процесс перехода от жизни к смерти (ср. «нафаль» — упал, пал, «навела» — труп, «била» — ветшать, стариться). Мабуль есть то, что производит увядание жизни. Конечно, Мабуль приводится «водой по всей Земле» (Б.6:17), но этим Мир возвращается в изначальное состояние, до разделения вод во Втором Дне Творения.

Мабуль — не естественная природная катастрофа. Воды его — «из-под небес» (Б.6:17) и смывают так, что ничего живого не остается. Бог нарушает Завет Свой, поставленный в Шестой День, нарушает его для установления другого Завета — с Ноахом.

Бог предписывает Ноаху сделать Ковчег (Тэва). Ковчег — символ преображенного послепотопного Мира; он устроен так же, как та Обитель, в которой мы теперь живем. Он создан из материала (гофер), способного плыть по воде. Он должен плыть по водам Мабуля, когда вся прежняя Земля погрузится в них. Ковчег «легче» допотопной Земли. Удельный вес плотского начала, сама «тяжесть» сил плоти Земли изменяется, — чтоб меньше, чем прежде, давить на душу человека. Мощь плоти в балансе человеческих сил оказалась слишком напориста, и Бог ослабляет эту мощь. Плотская жизненная сила нашей теперешней Обители ослаблена и оборима высшими духовными силами человека.

Земля создана как Обитель отделенности. Но весь населенный допотопный Мир все же был еще единым организмом. В частности, можно указать на изначальную глубинную связь, которая тогда существовала между животными и между человеком и животным. Но она же способствовала нарушению закона лемино. И потому связь и единство всего живого на Земле после Мабуля ослабляется и нарушается. В послепотопной Земле все живут строго по своим ареалам, сферам, родам, семьям, индивидуальностям. И Ковчег весь создан из ячеек, разделен на множество гнезд (киним).

Ковчег защищен (кафарта), он сделан «кофэр» изнутри и снаружи. Кафарта Ковчега — нечто такое, что купирует неизбежные последствия зла, что останавливает процесс порчи злом. На русский это слово приходится переводить словом «искупает», хотя никакой «покупки» тут нет. Ковчег изнутри и снаружи покрывается «кофэром», в нем есть некоторая «искупающая сила», которая проявится в Шеме и Эвере, Авраhаме и Ицхаке (Исааке). В символическом смысле весь Ковчег «просмолен» этой силой от уничтожения Мабулем.

Размеры Ковчега (Б.6:15): длина — 300 локтей, ширина — 50 локтей, высота — 30 локтей, из которых 20 под водой и 10 над водой. Метафизическое и мистическое значение этих чисел — предмет кабалистического знания, которое устанавливает, что Мир перетворяется самим Именем Господа. Мы лишь отметим смыслы параметров Ковчега. «Ширина» (рохба) Ковчега — то, на что опирается претворенный Мир; «длина» (орех) его — то, к чему он движемся, его дорога (арах); подводная часть «высоты» — то, что перетворяется; надводная часть — то, что не подлежит перетворению. Сумма всех измерений Ковчега равна гиматрии (сумма числовых значений букв слова) слова «шалом». Мир-Олам после перетворения, несмотря на разделенность его обителей, должен стать Миром-Шалом, гармоническим целым, в котором уживаются все живущие по-отдельности существа.

В противоположность любому кораблю, сужающемуся сверху вниз, Ковчег сужается снизу вверх. Его конструкция предназначена не для того, чтобы, плывя, разрезать волны, а чтобы прочно стоять, держаться на воде. Для путешествий Ковчег не годен.

Мир-Шалом устроен не совсем так, как прежний Мир-Олам. В новом Мире есть прикрытое защитным козырьком «сияющее окно», цоhар; это и нечто, пропускающее свет через себя, и нечто само сияющее, словно источник света. Этот вход для Света охраняет Шалом от уничтожения. Его первым делом и открыл Ноах в Ковчеге, когда спали воды Мабуля.

Есть в Ковчеге и еще один «вход» (петах), через который в Шалом может вступить Бог. Вход этот поставлен не в центр Ковчега, как, казалось бы, должно быть в Мире, а «с боку» Ковчега. Вход Бога в Мир не с фасада его — не оттуда, откуда люди склонны ожидать Его появления в Мире.

Мы читали и про три совершенства Ноаха, и про трех его сыновей, предназначенных для исправления трех пороков допотопного растления. И Ковчег разделен на три этажа, три мира: пласт нижних гнезд (для отбросов), средний пласт вторых (или вторичных) гнезд для животных и верхний пласт гнезд для человека. И Обитель наша имеет тройственную структуру.

3

При Мабуле Бог мог, конечно, спасти Ноаха любым способом. Но Он спасает его тем, что, как и Адаму в Эдене, дает Ноаху заповедь (мицву). И как во всякой заповеди, Ноаху сказано, что делать (делать Ковчег) и как делать, но не сказано — зачем. Ты *«сделай его»* (Б.6:16), говорит Бог, «а Я» (Б.6:17) — затоплю Мабулем. Мир превращается в то состояние, когда он весь — вода.

И будет *«вода по всей. Земле, так, чтобы, остановить* (лешахэт) *движение всякой плоти, в которой дух жизни* (руах хаим)...»

Когда плоть прекращает движение жизни, то дух жизни не уничтожается, а возвращается «из-под небес» к Богу. И когда это произойдет, тогда

«все, что на Земле, — погибнет (йигва)» (Б.6:17).

Но погибнет не так, как обычно гибнет живое и человек на Земле.

Человек, вообще говоря, может прожить всю жизнь и не страдать. Но умереть без страданий — особый дар судьбы. Предсмертные страдания — неотъемлемая часть тех «формирующих страданий», которые нужны душе на Пути ицавон. Правда, некоторым Бог дает умереть мгновенной легкой смертью — «гава». И «йигва» Мабуля — смерть не в муках и не в наказание. Но и не в награду, конечно. Предсмертные формирующие страдания завершают Путь ицавон человека. Допотопные поколения выводятся из жизни без ицавон потому, что они потеряны для Бога и не встанут на Его суд.

Иное дело — Ноах и его потомство.

«И восставлю (подниму) Мой завет с тобой...» (Б.6:18).

Завет (брит) вырывает тех, с кем он заключен, из-под всех условий и всего окружающего. Завет с Ноахом — это обязательство Бога, и не двустороннее, а одностороннее, Его нерушимое обещание, которое по Своей Воле дается человеку — что бы ни случилось дальше. Я, говорит Бог, «поднимаю» (hакимоти) Свой Завет с Ноахом и держу его, чтоб он не падал. Мир-Шалом может существовать только тогда, когда в нем обитает человек, с которым Богом заключен союз, Завет.

Прежде, чем начнется Мабуль, должен быть построен Ковчег и в него должен войти Ноах. Бог разрешает Ноаху — ради него — взять с собой в Ковчег жену Нааму, их сыновей (еще не достигших возраста ответственности перед Небом) и их жен. Из Торы ясно, что мужчины и женщины входили в Ковчег по-отдельности и жили в нем раздельно. Супружеские отношения в Ковчеге запрещены.

Отделение мужчин от женщин в Ковчеге напоминает разделение на мужчину и женщину в Эдене. В нашем послепотопном Мире мужчина и женщина разделены еще полнее и явственнее, чем до Мабуля. Но тем ценнее и прочнее может стать связь их душ.

Ноах не знает, как он будет спасен и что произойдет с ним. Он делает Ковчег по данному ему заданию и входит в него в последний момент, когда Ковчег уже был на воде. Входит в Ковчег и выходит из него Ноах не по своей воле, а только по указанию Господа. Входя в Ковчег, Ноах покидал прежний Мир и вступал в Мир новый, в котором ему надлежало установить новые отношения с теми, кого он брал с собой.

«Из всего живого» (из всего, что достойно называться «живым») в Ковчег вместе с Ноахом берется

«от каждой плоти по-двое, чтобы дать жизнь с тобою (лэhахйот итах*), мужским и женским пусть они будут»* (Б.6-.19).

Важно подчеркнуть, что жизнь в Ковчеге не продолжается, а возобновляется, «делается» с Ноахом и через Ноаха. Бог всех «живит» с Ноахом — и птиц, и скотину, и все, что движется, — но с одним условием: в Ковчеге могут находиться те и только те, кто во всеобщем растлении не нарушал закон лемино и сохранил качество «мужского» и «женского». Задача Ноаха: ввести их всех в Ковчег, «чтобы оживиться» в нем, стать живым в Мире-Шалом.

«А ты возьми себе всякой пищи, которая будет естться, и прибери к себе, и станет тебе и им еда» (Б.6:21).

Уже с этого момента начинается подготовка к тому изменению в отношениях между человеком и животными, которое произойдет после Мабуля. Но в стихе этом есть еще и скрытый смысл, который мы лучше поймем, если сопоставим Ноаха и Авраhама.

Всю жизнь Авраhам ходил среди людей, звал их именем Бога и использовал любую возможность вступиться за них «перед Господом» — даже за людей Содома и Аморы. Ноах же «ходил с Богом» сам по себе и в душе его не было той настоятельной потребности обращаться к людям и заступаться за них, которая была в душе Авраhама. Спасти свое поколение было в силах Ноаха. Но он не заботился о людях своего поколения. А мог бы, за 120 лет зная, что грядет Мабуль, обратиться к ним, призвать их к покаянию и тем спасти людей. Однако он не был «кормителем» других. И вот теперь, в Ковчеге, Ноах по решению Всевышнего должен познать необходимость заботы обо всех живущих существах. И познать не теоретическим умом и не через откровение свыше, а своими собственными трудами, бегая без продыху, из клетки в клетку, и днем и ночью, каждому подавая, за каждым убирая и едва успевая обслужить всех.

«И сделал Ноах все, что повелел ему Бог, — так сделал» (Б.6:22).

Сделал так, несмотря на разного рода сомнения (сколько нужно еды? Как уместятся все в Ковчеге? и прочее), которые у него были.

4

За 120 лет до Потопа (Мабуля) к Ноаху обращался Бог, Элоким — Тот, Кто судит. За семь же дней до начала Мабуля к Ноаху обращается Господь, `Гашем, Становящий — Тот, Кто становит новый Мир и Тот, Кто хранит и милует.

«И сказал Господь Ноаху: «Иди ты и весь твой дом в Ковчег...»

Господь разрешает Ноаху взять в Ковчег не только семейных и животных, но «и весь дом твой» (вэ-холь байтха), весь скарб, все приспособления, инструменты, устройства, которые есть в доме человека и без которых ему так трудно прожить. По милости Господа и по заслугам Ноаха ему велено взять с собой все ценное, что накопила допотопная цивилизация и культура.

«...потому что тебя Я увидел: праведен передо Мною в этом поколении» (Б.7:1).

Все те три главных качества Ноаха, о которых говорилось выше, в глазах Господа выражаются в одном: цадик, праведник, «передо Мною». Живя среди допотопного растления, Ноах исполняет «передо Мною» (но не людьми) то, что был должен.

Далее Господь обязывает Ноаха взять в Ковчег от всякого домашнего животного чистого (тэhора) семь пар, каждая из которых состоит, как сказано в Торе, из *«мужа и жены его»* (иш ве ишто); а от тех, которые не чисты (ло тэhора) — одну пару: *«муж и его жена»*.

Слово тэhор, чистое, родственно слову цоhор, — «сияющее окно» в Ковчеге. В противоположность замутнению (томе), мешающему прохождению света, и активному осквернению (шекет), тэhора означает то, через что может проходить свет. Результат тэhор — святость. Чистая плоть пропускает через себя Свет, а нечистая — не пропускает. И это не физиологическое явление, а духовное свойство данной плоти. Употребление в пищу нечистых животных может и не вредить здоровью человека или его долголетию. Но непременно повредит его духу и его связи с Господом. Сыны Ноаха могли приносить в жертву только чистых животных. Их в Ковчег взято было 7 пар. Впрочем, все животные нужны тут, чтобы *«дать жизнь семени* (лехайот зера) *по всей Земле»* (Б.7:3). Вот почему для Господа так было важно, чтобы каждая пара была «муж и жена его».

«...ибо еще через 7 дней Я (анохи) *проливаю дождем* (мамтир) *на Землю 40 дней и 40 ночей...»*

Изменения статуса сущностей, длительность их перехода из состояния в состояние связана с числом семь. Но тут 7 дней — еще дни траура по сметенному Миру.

Бог, Элоким, за 120 лет до Мабуля говорил про Себя: «Я» **(«Ани»)** — Тот, Кто причина Всего и Кто приведет Мабуль на Землю. За 7 же дней до Мабуля Господь говорит про Себя: «Я» **(«Анохи»)** проливаю дождем на Землю.

«Анохи» есть такое «Я», которое обнимает и несет другого (того, к кому это «Я» обращено), но при условии, что другой требует быть несомым только этим «Я» — «Мною». Два раза слышали «Анохи» люди на Синае. Первое: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской...» (Исх.20:2). Второе: «Я Господь, Бог ревнующий... «(Исх.20:5). И вот это-то «Анохи» Господа изливает не потоп с туч неба, не земной дождь-гешем, а очищающий благой дождь-матар от «верхних вод». Будет это продолжаться 40 дней потому, что с числом 40 связано время зачатия и созидания. От «верхних вод» за 40 дней рождается Мир-Шалом.

«...и сметаю все существующее (коль hа йакум), *которое сделано Мною, с лица Земли»* (Б.7:4).

Бог, Элоким, говоря с Ноахом, обращался к Миру и судил его. Господь же накануне Мабуля обращается к Ноаху и его дому, предупреждая его об участи всей ойкумены, всего обитаемого Мира.

«И сделал Ноах все, как сказал ему Господь» (Б.7:5).

По еврейским понятиям человек есть «сын» всех своих прежних лет: каждый год биографии рождает его. И про Ноаха в Торе сказано, что он был *«сыном шестисот лет* (бен шэш мэот шана)», когда *«Мабуль стал водой* (hайа маим) *на Земле»* (Б.7:6).

Все животные сами пришли к Ноаху парами, *«как велел Бог* (Элоким) *Ноаху»* (Б.7:9). Бог — «велел Ноаху», а пришли — животные. Одним этим события вырываются из естественного хода и переносятся в явления другого плана Бытия.

«И стало через 7 дней. И воды Мабуля были на Земле. На шестисотый год жизни Ноаха, в месяц второй, в 17 день, в этот день разверзлись все ключи великой пучины (тэхом — см. Б. 1:2) *и отворились хляби небесные»* (Б.7:10,11).

Через 7 дней Мир устремился к состоянию Первого Дня Творения, где — первозданная пучина (тэхом) и где воды (hа маим) еще не разделены. «Верхние» и «нижние» воды вливаются в Мир, и смывают все, и все растворяют.

«И был дождь (гешем) *на Земле 40 дней и 40 ночей»* (Б.7:12).

Сначала пошел обыкновенный дождь (гешем), которого, по преданию, не было до того 40 лет. Только через 40 дней после начала дождя с неба начался собственно Мабуль.

«И в тот день» (Б.7:13), то есть, в день начала Мабуля, Ноах и все, *«кто пришли»* (далеко не все пришли, кто жили в допотопном мире), вошли внутрь

Ковчега, *«как велел ему Бог* (Элоким). *И Господь* (`Гашем) *закрыл за ним* (йисгор баадо)», охраняя его (Б,7:16).

Бог велел Ноаху покинуть сотворенный Им Мир, и Ноах входит в новый Мир, который становит **Господь.**

И был Мабуль 40 дней на Земле, и умножились воды и подняли Ковчег. (Ковчег поднят, но еще не плывет). И обрели воды большую силу, и умножились очень на Земле, и пошел Ковчег по лицу вод. А воды предельно усилились и покрыли горы под Небом. На 15 локтей сверху увеличились воды и покрыли горы (Б.7:17-20).

Все сравнялось. А воды, разные воды, снизу и сверху, идут непрерывно, все заливают и растворяют на Земле. И Ноах внутри Ковчега и Господь хранит его снаружи...

Всякая живущая на Земле плоть сначала «почила» (йигва), потеряла сознание (Б.7:21), а затем умерла (мэту), утратила жизнь (Б.7:22). И наконец, Всевышний стер (йимах) все с Земли, где обитал человек.

«И остался только Ноах и те, кто с ним в Ковчеге» (Б.7:23).

Всякая душа и все живое не уничтожилось, а исчезло «с Земли». И остался «только Ноах» (ах Ноах) — центральное слово — одна единственная точка света жизни на Земле. Воды же Мабуля усиливались еще 150 дней (Б.7:24).

II.
ПОСЛЕ ПОТОПА

1

И усмирил Бог воды, и перестал лить дождь с небес. Воды успокоились и стали убывать. Закрылись и ключи (хотя не сказано, что «все ключи» (Б.8:2), которые раскрылись), бьющие из пучины (тэhом). В месяц седьмой, в семнадцатый день месяца (17 нисана, на песах) Ковчег опустился на гору Арарат. Вода же продолжала убывать до десятого месяца. И вот показались вершины гор. Ноах ждет еще 40 дней и выпускает из Ковчега ворона. Это — риск вылетев из Ковчега, ворон мог не возвратиться и пропасть.

Основное преступление допотопного Человечества состояло в нарушении закона лемино и в смешении мужского и женского. И потому, как мы знаем, в Ковчеге были запрещены половые связи. Запрет этот нарушили три существа: сын Ноаха Хам, пес (келев) и ворон (орэв). Поэтому-то, видимо, Ноах и решается выпустить ворона из Ковчега.

Ворон не улетает далеко, а отлетает и возвращается обратно к Ковчегу, *«пока не высохла вода на Земле»* (Б.8:7).

Ноах ждет еще 7 дней и выпускает голубку (иона), которая в отличие от ворона склонна возвращаться на свое место. Ноах не боится за голубку и посылает ее, *«чтобы увидеть, облегчали ли воды по лицу Земли»* (Б.8:8).

«И не нашла голубка опоры себе, и возвратилась к нему в Ковчег...»

Произошло это 17 тамуза. В тот же день 17 тамуза началось разрушение Первого Храма. 17 тамуза — пост и по сей день. Исраэль, который всегда сравнивался с голубкой, не находит, как и она, места, куда опереть ногу и, как она к Ноаху, возвращается к Нему, под Его руку.

«...потому что воды по лицу всей Земли. И он (Ноах) *простер руку и взял и привел к нему* (ва йавэ ота элав) *в Ковчег«* (Б.8:9).

Стилистически странное («и привел к нему»?) описание того, как Ноах принимает голубку, к тому же явно избыточно (и простер, и взял, и привел). Не так ли и Господь Бог принимает Исраэль, когда Исраэль возвращается к нему...

Для лучшего понимания следующего, десятого стиха надо указать на многозначность слова «вайахель», которое обычно переводят «подождал». Но это и «терпел» (боль), и «установил», «поставил». Ноах установил «еще (од) 7 дней». Слово «од» как бы возвращает нас к семи Дням Творения. Ноах понял (или — знал?) значение семидневия, понял, что переход совершается в 7 дней, терпел 7 дней и снова послал голубку.

«И она вернулась к нему вечернею порой, и вот: лист оливы в устах ее. И познал Ноах, что полегчали воды по лицу Земли» (Б.8:11).

Потоп продолжался год. Откуда же голубка могла взять несгнивший лист оливы? Или на Земле осталось место, не прошедшее обработку Мабулем? Тогда в этом месте человек связан с Землею изначальной связью, как до Мабуля. Это то место, которое связано с Ган Эден и на котором будет воздвигнут Храм.

Голубка с оливковым листом. Что это за знак? И почему по знаку этому Ноах познал (йэда), что полегчали воды? Прежде всего скажем о том, что лист оливки — это горький лист; так он всегда воспринимается и описывается в Танахе (Библии). Неся в устах лист оливы, голубка как бы дает понять: лучше горечь на свободе, чем жить в заключении. Но тут не просто возвещение свободы. Голубь с оливковым листом для Ноаха — весть свершения обновленной жизни, нового Мира, Мира-Шалом («шалом» — и Мир и мирное состояние жизни; и голубка стала «символом Мира»). Это для Ноаха также весть об его освобождении от напряженнейших трудов в Ковчеге, весть скорого облегчения его жизни. Вот почему он понял, что, «полегчали» (калу), — а не только уменьшились — воды Мабуля.

И еще установил и оттерпел (иэхаль) Ноах 7 дней и опять послал голубку, но она больше не возвратилась к нему (Б.8:12)...

В датах эпизода с голубкой есть скрытый смысл. Легко подсчитать, что второй раз Ноах послал голубку 2 ава. И сколько же дней ждал возвращения ее? Тоже, очевидно, 7 дней (см. Б.8:10). То есть до 9 ава! А это самый горький, самый скорбный день во всей еврейской истории. И в этот день 9 ава Ноаху стало ясно, что голубка ушла, не вернется, что она выброшена в мир... Однако день 9 ава, учат мудрецы, станет когда-нибудь величайшим праздником, днем великого освобождения: 9 ава родится Машиах (Мессия). Подумайте в тиши о двойственности символа невозвращающейся голубки и дне 9 ава. Каждый может глубоко и по-своему вникнуть в то, что заключено здесь.

2

В первый день первого месяца Ноах снял покрытие с Ковчега и увидел: высохла Земля. Но он не выходит, ждет чего-то почти восемь месяцев. Ноах и вошел в Ковчег не по своей воле и выйти из него должен только по велению Бога. Выйти со всеми, кто был с ним в Ковчеге.

Всякое животное, которое выходит с Ноахом, есть некоторая животная сила, каждая в своей оболочке. Все эти «хайот», жизненные силы, рассеяны в животном мире и собраны в подлинно живом — в человеке. Ноах развивал и совершенствовал эти силы в себе. И понятно, что все «хайот», все качества, сущности и образы живого выходят «с ним» — через него. Вот почему так настойчиво повторяется, что животные «с ним», «с тобой», с Ноахом.

«И сказал Бог Ноаху, говоря: «Выйди из Ковчега — ты и жена твоя, и сыновья твои и жены сыновей твоих вместе с тобой» (Б.8:16).

Семья Ноаха входила в Ковчег в другом порядке: сам Ноах, его сыновья, жена его, жены сыновей. При выходе из Ковчега супружеские пары соединяются. Значит, запрет на супружеские отношения снят. Однако из 18 стиха мы узнаем, что семейство Ноаха в действительности выходило из Ковчега не так, как было сказано Богом, а так, как они когда-то входили в Ковчег. Что ж: Ноах ослушался Бога?

Мидраш к этому месту Торы рассказывает, что, выглянув из Ковчега, Ноах увидел опустошенную Землю и, пораженный этой картиной, зарыдал: «Что сделал Ты?! Как разрушил Ты Мир Свой!» И ответил Бог: «Глупый пастырь! Думать тебе об этом надо было тогда, когда Я предупреждал тебя о грядущем Мабуле. Но ты, как услышал, что сам спасен будешь, так успокоился».

Мидраш этот хасиды поясняют притчей о цадиках (праведниках). Когда в комнате холодно, один цадик надевает шубу, а другой разводит огонь. Так вот, Ноах — цадик в шубе. Мабуль для Ноаха имеет смысл и наказания и научения. Год целый он, проходя школу самоотречения, днем и ночью жил в принуди-

тельных трудах, всех кормя и обслуживая. Так же, как телу Мира необходимо было перетвориться, также и Ноаху, зерну Мира, нужно было отбыть наказание и переродиться в Ковчеге.

Из стихии Земли, над которой был произнесен приговор уничтожения, Ноах ушел в стихию воды, над которой такого приговора произнесено не было. Но все же он спасся не этим. Его спасло от Мабуля чудо: Господь *«закрыл за ним»* (Б.7:16) и прикрыл его от Мабуля Своей рукой. Не только для спасения своего входил Ноах по велению Бога в Ковчег, но и для того, чтобы что-то понять о себе и, Мире и выйти обновленным. И вот осознал Ноах свою вину, прочувствовал свою недостаточность и на глубине раскаяния решил, что ему, недостойному, не должно более рожать сыновей. Поэтому-то он и вышел из Ковчега отдельно от жены.

Вместе с Ноахом из Ковчега вышли и животные «по семействам своим», вышли отдельно друг от друга и от человека. Это и «хайя» — то, что живет, «животное», каждый отдельный зверь, в котором или через которого проявляется и играет некоторая отдельная животная сила. Это и «бehема» (домашнее животное), усложненная форма слова «бама», подставка, с помощью которой человек в некотором смысле способен подняться. Хайя нужна лишь для продолжения животной жизни на Земле и служит продолжению своего рода. Бehема же нужна еще и для другого.

До Мабуля бehема, помогая человеку в работе, высвободила его силы и время для духовных трудов. После Мабуля, как мы увидим, бehема разрешена человеку в пищу. Но есть у бehема и еще один характер служения в качестве «бама». Это — жертва.

«И построил Ноах жертвенник (мизбэах) *Господу и взял от всякой бehема чистой и от всякой птицы чистой и вознес жертву восхождения* (олот) *на жертвеннике»* (Б.8:20).

Отец обновленного человечества начинает свою жизнь на Земле с того, что приносит жертву Господу на жертвеннике. Жертвенник (мизбэах) человек обязан строить, это то, что человек строит навстречу Богу. Жертвенник никогда не строят из одного цельного камня. Возводя жертвенник, человек должен класть камень за камнем, как бы поднимая Землю. Жертвенник выражает то, что человек идет навстречу Богу и Он идет навстречу человеку. Жертвенник в Храме так и называется: «Гора Бога» (Харэль). Мизбэах не должен быть оторван от Земли, но построен человеческими руками.

Принося жертву, евреи не обращаются ни к Природе, ни к Миру, ни к Богу-Творцу Мира, а только к Господу, `Гашему.

Души наши горят в жизни духа и «питающим огнем» отдают себя Господу. Принося жертву, человек кладет на нее руки, отождествляет себя с ней, приносит себя. Огонь жертвенника разделяет духовную и плотскую составляющие, душу и тело жертвы. Это есть символ того, как отделять и поднимать свою душу вверх к Господу.

В жизни у человека две задачи: делать и хранить сделанное. Им соответствует два вида жертвы. Жертва «хэтат», указывает человеку ступень его духовного развития и говорит ему: не падай, не теряй достигнутого. И жертва «ола», жертва восхождения освещает действия человека и говорит ему: поднимайся вверх. Эту жертву и приносит Ноах.

«И обонял (вайарах) *Господь дух благоволения* (эт рейах hа нихоах). *И сказал Господь сердцу Своему* (которым Он любит человека и которым Он некогда раскаялся, что создал его): *«Не буду более проклинать Землю ради человека»*

После жертвы Ноаха Господь не будет проклинать Землю. Таким образом все существование человека на Земле обеспечено жертвой восхождения, которую вознес Ноах! И сделал это Ноах не по прямому указанию свыше, без подсказки Господа, — сам. Значение его жертвы колоссально. Безусловно, это самое великое из того, что Ноах свершил в своей жизни.

Что же такое «дух благоволения», который обонял Господь? Слово «нихоах» (благоволение) однокоренное со словом «ноах» — получать удовлетворение в результате какого-то движения; значение «нихоах» можно, передать словами: «То, что Ты хочешь от меня, делаю». В результате действия «нихоах» дух Господа получает удовлетворение от того, что Он произвел в человеке. И Господь обонял (йарах — от руах, дух) запах дел Ноаха.

Если через вкус и осязание предмет узнается в непосредственном контакте, если зрение и слух получают впечатления, не касаясь предмета, то обоняние воспринимает по тем мельчайшим частицам, которые издали подымаются от предмета и доходят до обоняющего. Господь не соприкасается с земным, не осязает его. Он «видит», и Он «слышит» то, что происходит. Но Он еще и «обоняет» — потому что отпечаток того, что мы делаем на Земле, поднимается к Нему. И в этом-то — значение приносимой Ему жертвы восхождения.

Принося жертву, человек переживает такой опыт, который он иначе пережить не может и который поднимает его к Господу. Чистое животное на жертвеннике представляет человека, несущим Богу свою жертвенность. Через жертву восхождения человек направляет свое сердце к Господу, все в себе отдает Ему, не оставляя себе ничего. И Господь Сам присоединяет действия жертвоприношения к сознанию, воле, к намерению души человека. Ноах приносит Господу жертву от всего — «от всякого чистого скота и от всякой чистой птицы» — от всего земного и за всех, за все человечество, на все поколения вперед. От его жертвы восхождения зависит все будущее человечества.

Только в редкие минуты жизни человек может всем сердцем, всей душою и всей жизнью своею нести себя Господу. Это не каждому и не всегда дано. Но готовить себя к этому — в самой жизни, а не только в момент смерти, — обязан каждый. Эту обязанность духовной «работы сердца» для Господа и установил Ноах. Принесение жертвы — не только символическое действие, а и внутреннее обновление человека, переворот в душе и передел судьбы. После жертвоприношения человек уже не тот, что до него.

И всей жизнью в Ковчеге, и своею жертвой Господу Ноах проявил заложенную в человеке духовную силу самоотречения и понимания того, что требует Господь Бог от него. Одно это, принципиально говоря, обеспечивает восхождение духа в человеке, которое противостоит тому полному растлению, для исправления которого потребовался Мабуль. Но и это еще не все. Особенная заслуга Ноаха в том, что он доказал Господу оборимость злого — в том числе и злого, ставшего идеалом в человеке. Сила духа человека теперь способна преодолеть сопротивление сил плоти. Само по себе такое сопротивление духу необходимо в человеке для продуктивной работы души, но не должно быть непосильно. Ноах показал Господу, что еще больше ослаблять плотскую жизненную силу Земли «ради человека» не нужно. Злое, конечно, продолжает присутствовать в человеке, но теперь оно не от могущества самих по себе сил жизни плоти в нем, а — «от юности его».

«Не стану больше проклинать Землю из-за человека, ибо формирование (йецер) *сердце человека* (лэв hа адам) *зло* (ра) *от юности его* (ми нэурав)...»

Слово «лэв», сердце, в тексте этого стиха пишется не с двумя буквами «вет» (лэвав), как в некоторых других местах Торы, а с одним «вет». Это сердце, в котором уже сформировано (йецер) одно начало — начало злого. «Зло от юности» — не временные преходящие шалости молодости, а серьезное, глубинное и постоянное явление в основах прохождения жизни человека, его Пути жизни. Ломающее доброе начало злого (но не начало Зла, конечно) формируется в нас прежде высшего духовного начала. Именно такова ситуация прохождения человеческой жизни. «Злое от юности» есть зарождающееся в юности человека зло его жизнепрохождения.

Уже с рождения в людях начинается работа для себя, основанная на желании того, что человек может получить в свое распоряжение. И чем дальше, тем больше эта работа усиливается воображением. Но в детстве, разумеется, злого еще нет. Злое в душе формируется именно в

юности, когда в «возрасте ответственности» поперек отроческой самостности проявляются и начинают действовать собственные духовные силы, возвышающие душу и побуждающие ее на самоотречение.

Время юности — стартовая пора жизни. Плотские силы в эту пору вызывают в душу воли темного воображения и раскручивают их в ней. В годы юности впервые в душе сталкиваются силы духа и силы плоти, противоборство которых некогда привело к допотопному растлению. Юность человека — пора выбора между путями злого и путями доброго. Наклонность души ко злу, установленную в эти годы, можно переменить потом только чрезвычайными усилиями духа на обращение души к добру. Злое человека — «от юности его».

Отметим здесь же, что Адам был создан двадцатилетним (на нынешний счет возраста человека). Он юность не переживал, не ведал «зла от юности» и к нему не причастен. Это — новое зло, возникшее не от греха Адама. Но это новое зло оборимо собственными силами человека. Духовно возмужалый Ноах, став зрелым «мужем Земли», первым доказал Господу, что в людях достаточно сил, действующих «от себя», чтоб самим справиться с этим началом злого. Это начало злого теперь не в силах плоти, а сформировано в качестве душевной силы «для себя». И потому — из-за выявившегося могущества человека и из-за того, что злое не в плоти, а в душе человека — у Господа нет больше необходимости из-за человека *«поражать все живое, как Я делал»* (Б.8:21), поражать саму плотскую жизненную силу, которая и так уменьшилась под воздействием Мабуля.

«Впредь, пока существует Земля,
посев и жатва
и холод и тепло
и лето и зима
и день и ночь
не прекратятся» (Б.8:22)

3

После Мабуля природные условия жизни человека изменились и жизненная сила его плоти ослабла. Для сохранения работоспособности и крепости здоровья он уже не мог оставаться вегетарианцем. И Бог, благословив Ноаха и сыновей его на то, чтобы они *«плодились, размножались и наполняли Землю»* (Б.9:1), отдает им в руки и животных, и птиц, и рыб.

«Все движущееся, что живет, будет вам в пищу как зеленая трава. Я отдаю вам все. Но (ах) *плоть* (басар), *когда в душе кровь ее* (бе нафшо домо) *— не ешьте* (ло тохэлу)» (Б.9:3,4).

Таким образом тело, а значит и кровь, которая как бы представляет все тело, пребывает в душе, а не душа в крови. Животное живо, когда кровь в его душе. В дни Ноаха в пищу людям запрещена не кровь, а «член от живого» — плоть еще живущего животного, душа живая в теле. Пока есть кровь в животной душе, до тех пор есть влияние души на плоть. Душу же животного человек не должен присваивать себе, делать ее собою, употреблять в пищу.

Обновленное человечество начинается с того, что ему даются законы. Один закон запрещает есть «член от живого». Другой же запрещает убивать человека.

«Но» — звучит подряд два «но» (ах) — *«и кровь вашу по душам вашим востребую Я* (эдрош) *из руки всякого зверя* (хайя) *потребую ее* (эдрешену), *и из руки человека, из руки брата его востребую душу* (нефеш) *человека»* (Б.9:5).

По смыслу слова «эдрош» Бог требует Себе то, что Ему принадлежит — души человеческие. Поэтому слова о «крови вашей по душам вашим» многие комментаторы склонны понимать в смысле запрета на самоубийство. Господь Бог устанавливает ответственность человека за сохранность человеческой жизни, в том числе, и своей собственной.

Звери даны человеку в пищу, а не человек — зверю. И потому Бог востребует Себе душу убитого животным человека. Но это место можно понять и иначе. Слово «хайя» в метафизическом значении обозначает высший пласт души человека (на ступень более высокой, чем нешама). Так что, если эту фразу сочленить с предыдущей, то выходит, что в случае самоубийства Бог востребует Себе только этот высший пласт человеческой души.

Нижний же пласт души человеческой — его нефеш — Бог востребует Себе «из руки человека» и «из руки брата его». В первом случае речь, по-видимому, идет о наемном убийце, во втором — либо о непредумышленном убийстве, либо об убийстве из сострадания или по просьбе убиенного. Во всяком случае, в этом стихе Бог реагирует на убийство человека Сам. По тексту следующего, шестого стиха на убийство человека должен реагировать человек. Обратите внимание на зеркальное построение первой и второй части фразы, на поэзию сочленения ее тезы и антитезы:

«Проливающий кровь человека (шофер дам hа адам) *— человеком кровь его прольется* (ба адам дамо йишафэх)...»

Речь тут идет о суде над убийцей, о правомерности суда человеческого вообще и о том, когда следует судить человека человеком. По жизневоззрению Торы суд и казнь — и не возмездие, и не наказание, и не устрашение. Суд и наказание необходимы для искупления совершенного (капара) человеком.

Впрочем, эту же фразу можно синтаксически понять иначе:

«Проливающий кровь человека в человеке (бе адам) *— кровь его прольется»*. В таком понимании стиха Тора запрещает аборт.

«...ибо (ки) *в образе Бога* (ба целем Элоким) *сделан человек* (аса эт hа адам)» (Б.9:6).

Слова эти следует относить не только к убитому, но и к убийце и к тому, кто судит убийцу. Люди имеют право быть судьями (элоким), но тот, кто судит других, должен помнить, что он, судья, «в образе Бога». Так в человечестве устанавливается закон судебной справедливости. Всякий человек имеет право на жизнь, когда признает это право за ближним.

«А вы плодитесь и множтесь (пру урву), *наполняйте Землю и совершенствуйтесь* (у-рву ба)» (Б.9:7).

Это не благословление, как в первом стихе девятой главы, а заповедь, веление, которого нельзя ослушаться. Дана она сразу же после слов об образе Бога в человеке. Человек обязан рожать детей и взращивать их потому, что этим он наполняет Землю Его Образом. Тут не задача воспроизводства себе подобных, а задача умножения, и не количественно только, но и качественно — задача «пру у-рву». Именно совершенствование («у-рву ба») человека более всего соответствует его статусу существа, замысленного по образу Бога.

4

В дни жизни Ноаха Бог устанавливает человечеству Закон, заключает с ним Завет и дает знак Завета.

Завет, то есть нерушимое обетование Бога, заключается с Ноа**хом,** его сыновьями и *«с семенем их после них»* (Б.9:9). Кроме того, ради Ноаха и его сыновей, то есть ради человечества, Завет заключается *«со всякой живой душою»: с* птицами, бehема, со всяким зверьем, *«со всем живым на Земле»* (Б.9:10). Завет — то, что поднимают (hакимоти), чтобы он не падал.

«И подниму Мой Завет с вами. И не погибнет никакая плоть никогда от вод Мабуля на Земле и не будет больше Мабуля, чтобы губить землю» (Б.9:11).

Этот Завет заключается «на поколения (дорот) вечно» (Б.9:10). Неполное написание слова «дорот» в этом месте Торы указывает на то, что даже ущербное поколение людей защищено этим Заветом.

И Богу, и людям, и Миру важно то, что существуют знаки духовных явлений. И Завет Бога с Ноахом имеет свой знак. Мабуль завершился, Земля высохла. Но ей нужен дождь. Ноах видит тучи над собою и в страхе воспринимает это редкое для него зрелище (вспомним, что до Мабуля дождя на Земле не было 40 лет) как знамение нового Мабуля. И чтобы знал Ноах, что это не Потоп, Бог дает ему связанный с обычным дождем знак — радугу на небе.

Радуга — в форме лука, и ее название, «кешет», означает «лук». Лук радуги обращен от Земли и в нем нет тетивы, которая выпускает стрелы, часто символи-

зирующие в Библии гнев Божий. Радуга — символ мира между Богом и Землею. Но не только.

Бог говорит Ноаху, что, когда Он будет собирать воды в небе для нового Мабуля, *«и будет видна радуга в этом облаке»* (Б.9:14), то Он вспомнит Свой Завет с Ноахом

«и вода, которая в этом облаке, не станет водою для Мабуля, чтоб уничтожить всякую плоть» (Б.9:15).

Так что радуга не только символ мира, она знак и для Бога, а не только для человека. Даже если люди нарушат этот Завет или позабудут о нем, то и тогда Бог будет помнить о нем и соблюдать его.

«И станет эта радуга в облаке и Я покажу ее (рэйтиһа) *чтобы помнить* (лизкор) *Завет Мира* (брит Олам) *между Богом и всякой душою живою во всякой плоти, которая на Земле»* (Б.9:16).

Радуга — «завет Мира». В каком смысле? Радуга на небе это расщепленный свет, разлагаемый водяными капельками на цвета, каждый из которых обладает своей силой проходимости света. Так же и проводимость духовного Света в душах Мира, и особенно в душах людей, разная. Сама плотскость («һашмиют») разлагает Свет. После Мабуля мы живем в ситуации, когда Свет разложен плотью на потоки. И потому есть разные уровни духовной светоносности *«души живой во всякой плоти»*. Разрыв же между людьми в этом отношении огромен. И все же после Мабуля плоть перестала быть препятствием для прохождения Света. Он есть в каждой живой душе и во всем живущем он проходит сквозь плоть в душу. И он — один и тот же. Свет жизни приходит в этот Мир (Олам) расщепленным, но Свет этот — един. Радуга — зримый образчик расщепленности, единства и проходимости Света жизни. Потому она и служит знаком завета Мира.

III.
ХАМ, КНААН И НИМРОД

1

Из Ковчега вышли три сына Ноаха — три разных сына. Основа человечества — в трех направлениях, в трех лицах его основоположников. Разнообразие человечества, в том числе и расовое, не беда его, а его надежда. Кстати, по преданию Хам вышел черным из Ковчега: лицо его почернело из-за нарушения запрета на супружеские связи в Ковчеге.

«И были сыновья Ноаха, выходящие из Ковчега: Шем (Сим), *Хам, Иефет* (Иафет). *Хам он есть отец Кнаана* (Ханаана)» (Б.9:18).

Формально говоря, текст позволяет считать, что Хам уже в Ковчеге стал отцом. Но тогда придется признать, что Кнаан не младший, а старший сын Хама, его первенец, а это не соответствует другим местам Торы. Тут надо вспомнить, что Тора дана в Синайской пустыне евреям, знающим, куда они идут и чью землю будут заселять. Для осмысления своего бытия им нужно понять, почему земля обетованная извергает Кнаана и отдается им.

«И стал Ноах мужем Земли (иш һа адама)...» — стал господином, хозяином Земли, то есть тем, кем был для Земли Адам — *«и насадил виноградник* (карэм)» (Б.9:20) — взрастил самое благородное из деревьев, напиток от плодов которого может быть использован для сакральных целей.

По случаю первого урожая Ноах собрал семью, устроил праздник *«и выпил от вина* (мин һа йаин)» — не напился, как Лот, а захмелел и удалился в *«ее шатер»*[2], в шатер жены, где, он знал, никто не посмеет войти к нему. *«В шатре»* (бе тох) Ноах *«раскрылся»,* оказался в каком-то уязвимом состоянии (вайитгаль), но не обязательно голым.

«И увидел (вайар) *Хам, отец Кнаана»,* то, что названо *«эт эрват»* своего отца — Ноаха.

Слово «эрва» переводят обычно «срам» или «нагота». И это, действительно, нечто, что не следует показывать и не следует видеть;

но это совсем не обязательно половой орган. Например, «эрват арец» — слабое место земли, которое высматривали разведчики. Слово «эрва» включает комплекс понятий, обозначающих недолжное отношение к тому, к кому или чему должно быть совсем иное отношение.

Хам увидел Ноаха в слабости и раскрытости, видел своего отца как «эрва», как нельзя видеть никому, а тем более сыну *«и рассказал* (йагэд) *двум своим братьям снаружи»* (Б.9:22). Братья Хама, Шем и Иефет, не входили в шатер матери, где был Ноах. Но Хам не просто «сказал» (йомэр) им об отце, он «рассказал» (йагэд), живописал им виденное в красочных подробностях. Поступок Хама имел роковые последствия не только для участников этого эпизода, но и для всего человечества и его Истории. Но в чем преступление Хама?

Левая сторона скрижалей Завета, полученных Израэлем от Бога на Синае, отдана заповедям между Богом и человеком. Она открывается заповедью отношения к Богу и завершается заповедью отношения к отцу и матери. Праведное отношение к родителям вытекает из обязанности не столько перед ними или людьми, сколько перед Господом.

Отношение к родителям по пятой заповеди Декалога (Втор.5:16; Исх.20:12), передано словом «кавод», которое на русский переводится как «почитание» отца и матери. «Кавод» — это то особенное отношение младшего поколения к старшему поколению, которое обеспечивает непрерывность духовного развития от отца к сыну. Из поколения в поколение должен течь единый духовный поток, нахаль. Только при этом условии может быть обеспечено духовное здоровье всех и каждого.

Отцы передают сынам некоторую духовную задачу, которую сыновья принимают, хранят и передают своим детям. Чтобы такое происходило, надо, по крайней мере, чтобы поколение сынов не стремилось отвергать устои отцов. В истории народов мы часто наблюдаем иное: новое поколение расталкивает предыдущее и стремится захватить себе. Так оно происходит у стадных животных, но не должно быть в человеческом мире. Однако История, когда более, когда менее, всегда мечется от поколения к поколению или, лучше сказать, всегда при случае готова метаться. И в этом-то повинен Хам, который, по замыслу Ноаха, должен был обеспечить цельность всей внутренней жизни человека и ее преемственность.

Область исполнения духовных задач — сфера Шема, а не Хама. Но в результате действий одного из основоположников человечества по отношению к отцу, Ноаху, каждое новое поколение в народе или обществе психологически стало недостаточно совместимо с поколением «отцов» и в той или иной мере нацелено на отвергание их. Общество не в силах преодолеть это деструктивное явление и рано или поздно взрывается им. Единый духовный поток, если он и течет из поколения в поколение, то вопреки этому явлению и с особым трудом.

Шем, узнав от Хама в каком виде лежит отец, взял (вайиках — в единственном числе) плащ и положил его на свои плечи и плечи брата Иефета. И вот так, единым плечом, пошли они спиной, пятясь, и покрыли «эрват» отца.

«И лица их назад, и эрват отца своего они не видели» (Б.9:23).

«И очнулся Ноах от вина и узнал, что сделал (аса) *ему младший сын его»* (Б.9:24).

Сразу же возникает два вопроса. Во-первых, кто *«младший сын его»* (бно һа катан), о котором говорит Ноах? Хам в Торе везде назван вторым сыном Ноаха. Зато Кнаан, по-видимому, был младшим сыном Хама. Но что же Кнаан *«сделал ему»,* деду? Хам «видел» и «рассказывал» и если что и «сделал», то себе, братьям, нам, но не Ноаху. Заметим, что в следующем стихе Ноах именно о Кна-

[2]Интересная деталь: тут написано «оһола», «ее шатер», но читается «оһоло», «его шатер». В Торе немало таких мест. Во всех таких случаях главным всегда является то, как читается; то же, как пишется, дает смысловую полнозвучность читаемому. Передвигался и ставил шатер — он, но все же шатер — прежде всего ее, а затем уже его. Шатер (дом) — жены, а не мужа, хозяйки, а не хозяина.

ане говорит, как о проклятом[3]. Одни комментаторы полагают, что Кнаан оскопил деда (чтобы он более не мог рожать сыновей), другие — что он, глумясь над отцом послепотопного человечества, изнасиловал его. И то и другое мнение находят основания в Торе. Но так или иначе в этом как-то участвовал и Хам.

Хам как основоположник входил в тройственную структуру обновленного человечества. Во исправление допотопного человечества Хам должен был бы установить чистое и цельное отношение человека к самому себе, восстановить нарушенный Путь внутренней жизни человека. Именно этого и не произошло. И каждый из нас по себе знает это.

Слова «хам» и «хамам» (разгорячение, бурление) — близки по значению. Область Хама в нас — это область теплоты сердца, способного к эмоциональному самовозбуждению и перевозбуждению. Все дело в том, в какую сторону идет необходимая для жизнеустойчивости способность возбуждения себя. Способность эту Хам использовал для саморазгорячения своей (и нашей) плотской чувственности. Бурлением души нашей в плоти мы обязаны праотцу Хаму, у которого есть младший сын Кнаан, само имя которого означает «подчинение», покорность. Сын Хама Кнаан не просто наделен хамовой чувственностью плоти, а покорен ей—и тем основательно портит человеческую жизнь.

Свободны лишь те, кто умеют владеть своей чувственной природой. С этой точки зрения Кнаан оказался рабом, рабской натурой. Разгорячение чувственности и связанной с ней эмоциональности раздирает человека изнутри и препятствует его духовным сношениям с другими людьми. Раб чувственности не способен жить духовной жизнью. Узнав, «что сделал ему младший сын его», Ноах понял, что целая ветвь развития внутреннего мира человечества оказалась не такой, как он предполагал.

«И сказал: «Проклят Кнаан! Он будет раб рабов своих братьев»»(Б.9:25).

Восклицание Ноаха — не проклятие им внука, а констатация факта. Кнаан оказался проклятым после того, что совершил. Кнаанское начало в человеке вырвано из гармонической системы Мира-Шалом и стало одним из самых грозных начал зла в человечестве. Кнаанство не просто антидуховное явление, это начало глумления над духовным в человеке, начало поругания его души и тела. Добавленное к злу юности кнаанское зло страшно и, практически, уже необоримо в человеке. Тут драма человеческой жизни.

Оказалось, что допотопная скверна, грязь и мразь души и тела перенеслась через Хама и возобладала в его сыне, Кнаане. Кнаан воплощает допотопное человеческое растление. Что делать с ним? И Ноах решает, что прежде всего он должен стать *«раб рабов своих братьев»,* других сыновей Хама: Куша (Эфиопия), Мицраима (Египет) и Пута. Кнаан подавляется внутри своего клана. Таков выход из создавшегося положения в человечестве, таково и предначертание Ноаха относительно одиннадцати кнаанских народов, которое было впоследствии реализовано в Истории.

2

Речь Ноаха выражает и его пожелание и его пророческое видение. Ноах очертил и предрешил ход дальнейшей Истории человечества, в котором каждому из его сыновей отведено свое место. Свое место — Хаму, свое — Иефету и свое — Шему, который взял плащ и положил его на свое и брата плечи.

И сказал Ноах:

«Благословен Господь (барух `Гашем), *Бог Шема»*

Вопиющее, невозможное и вызывающее высказывание: человек благословляет Господа! Именно здесь, впервые в Торе, появляется главенствующее еврейское понятие — «барух», благословен.

Молитва у евреев — не просьба, а «браха». В одном месте Талмуда («Брахот» гл. I, л.27) сказано, что Бог, условно говоря, тоже молится. Молитва Его: «Да будет Воля Моя перед Лицом Моим, чтобы овладела Милость Моя Моим гневом. И перелилась Милость Моя через Меры Мои». Такова Воля Бога Сама в Себе. Но исполнение этой Воли поставлено в зависимость от жизнедействия человека. Говоря «барух», человек тем самым ставит себя в те рамки, в которых исполняется его Воля.

Возможность говорить «барух» появилась для человека тогда, когда «браха», благословение, стало зависеть от людей, от исполнения на Земле той Воли Бога, о которой мы говорим. «Браха» — всегда обязательство. И «барух» есть прежде всего действие. Выполнение Его Воли человеком является благословением Всевышнего. Делая то, что Он хочет, чтобы человек делал, ты тем самым произносишь, как Ноах: «Благословен Господь»; и «переливаешь» Милость через Закон.

По замыслу тройственной структуры Шем устанавливает верные отношения человека к Богу. Ноах благословляет Господа, Который «Бог Шема». Это значит не то, что Он есть Бог только Шема, это значит, что Присутствие Бога на Земле (Шехина) может сосредотачиваться и на отдельно взятом человеке. То, что есть «Бог Шема» дает возможность сказать и «Бог Авраhама, Ицхака и Яакова». Бог присутствует на Земле как «Бог Шема».

«...пусть Кнаан будет рабом им» (Б. 9:26).

У проклятого Кнаана нет собственного будущего в Мире-Шалом. Кнаан только портит его. Но Кнаан так опасен и силен в человечестве, что, считает Ноах, он должен стать «рабом им», Шему и Иефету. Каждую свою фразу Ноах заключает предостережением о Кнаане, о грозном зле кнаанства и во избежание беды призывает нас не давать свободу кнаанству, держать носителей этого зла в рабстве. Кнаан исключен из-под действия тех заповедей гуманности, которые дал Ноаху и его сыновьям Бог.

Иефет должен был восстановить верные отношения между людьми. Для чего людям нужна внутренняя (а от нее и внешняя) культура, которую добывает и несет Иефет. Путь Иефета — путь человеческой раскрытости: открытости другим своего сердца, раскрытия человечности как таковой или, скажем, особенного рода раскрытие души к красивому в межчеловеческих отношениях. Ноах ставит Иефета посредствующим звеном и потому считает, что Иефет должен обитать в шатрах Шема. Когда Иефет отрывается от Шема (значит и от Бога Шема, от религиозного сознания вообще) и развивается самостоятельно, то это вовсе не то, чего хотел от своего младшего сына Ноах.

«И даст простор Бог Иефету, — продолжает Ноах, — *и будет обитать* (вейишхон) *в шатрах Шема. И пусть же будет Кнаан рабом им»* (Б.9:27).

Раб чувственности Кнаан должен стать рабом Шема и Иефета. Только так возможно обуздать зло кнаанства.

«Вейишхон», обитать, перекликается с «Шехина», Обитание Бога. В шатрах Шема, ждет Ноах, будут вместе обитать и Бог, и Иефет. «Шехина» — второе глобальное еврейское понятие, которое Ноах вводит в этой речи. Само слово «шехина» означает не столько «обитание», сколько «соседство». «Шахан» — жить в соседстве. «Шхиним» — соседи. Человек и Шехина соседствуют, обитают рядом, но не смешиваются. Присутствие Бога не означает Его влитость — в душу ли, в сердце ли, в разум. Шехина не спускается в «человеческое пространство». И тем не менее «главное в Шехине — в нижних». Так снимается индуистская проблематика достижения «сердцевины Божественного» и тому подобное. Углубляясь во что-то в себе или в Его Мире, человек не доходит до Всевышнего, не беседует с Богом, не прорывается сам к Нему. Хотя Бог, бывает, обращается к человеку.

Как же в реальной Истории исполнилось то, что предрекал Ноах?

Кнаан порабощается своими братьями: Кушем, Мицраимом, Путом. Затем Землю Кнаана получает Исраэль. После этого на историческую сцену активно вступает Иефет: Мидия и Персия, Греция и, наконец, Рим. Бог «дает простор

[3]Хам ранее был благословлен Господом (в числе сыновей Ноаха) и не мог быть проклят.

Иефету», который, распространяясь по свету, в прямом смысле вселяется в шатры Шема, захватывает его земли, живет в его домах, перенимает его взгляды, его религиозное сознание, его веру. Иефет давно уже на авансцене всемирной Истории и давно взял на свое особое вооружение то, что нашел в шатрах Шема и даже использует это против него. Ноах вряд ли ждал такого.

«И жил Ноах после Мабуля 350 лет. И всех дней Ноаха было 950 лет. И умер» (Б.9:29).

3

Рассказ о порождениях сыновей Ноаха Тора начинает с сыновей Иефета и сыновей его сыновей. Все они суть родоначальники первичных народных общностей, с которых

«разделились острова Народов по их землям, каждый по своему наречию *(лашон)*, по своим семьям в своих народах» *(Б.10:5)*.

Бог, как видите, «дает простор» Иефету на Земле. У каждого народа своя земля. Земля (эрец) — колыбель (арица) народа. Земля народа отпечатывает народ. Уединяясь в своей земле, народы уединяются и по способу изъяснения, по своему «лашон», по способу выражения (в отличие от «сафа», языка). Кроме того, в своих народах люди уединяются по семьям.

Из повествования о порождениях другого сына Ноаха, Хама, особенно выделяется имя Нимрода (Неврода) — сына Куша (старшего сына Хама)и племянника Кнаана.

«...он *начал быть* (hy hехэль лиhйот) *могучим* (гибор) *на Земле. Он был могучим в ловле* (гибор-цайд) *перед Господом. И по тому будет сказано: «как Нимрод силач в ловле перед Господом»* (Б. 10:8).

«Гвура», мощь, необходима человеку для самопреодоления. Нимрод же стал «гибор» (мощным) на Земле, то есть использует всю свою мощь не по назначению — для действия вовне, на других. Обратите внимание на слова hy hехэль, «он начал» быть. Слово «хэль» употреблено в рассказе о том, как при Эноше «начато» осквернение и профанирование Имени Всевышнего (Б.4:26). «Хэль» — не просто «начало», решит, а такое начало, которое выводит из сакрального в профанное, где человек и нацеливается стать гибор, стать могучим лишь для того, чтобы быть им, — таков один из основных мотивов существования человека в профанном мире.

Нимрод не просто «гибор», он — «гибор-цайд». Родственное словам «сод», (тайна) и «зуд», (злоумышление сердца) слово «цайд» указывает на некоторое искусственное заманивание. Это такая «ловля», которая злоумышлена человеком и хранится в тайне его сердца до тех пор, пока не придет пора внезапно раскрыть себя. Вспомним, например, слово «мецуда», «крепость» (первоначально крепость разбойников), откуда внезапно совершается набег. Качество «цайд» необходимо, конечно, человеку при ловле животных. Но Нимрод использовал его и в других целях.

Имена в Торе, повторим еще раз, не условная этикетка, но дверь, впускающая внутрь. Наименование же именем — акт познания и акт пророчества. «Нимрод» (корень «марад») означает «восстать», «подняться против» — против Бога. Нимрод был гибор-цайд, могучий ловец «перед Господом». Так же, как люди предпотопного поколения, Нимрод действовал открыто перед Ним и как бы для Него. Нимрод — первый, кто стал использовать религиозное лицемерие для заманивания и овладевания человеческими душами.

Конечно, религиозное лицемерие неизбежно приводит к необходимости религиозного принуждения. Тора указывает на то, что имя Нимрода вошло в поговорку о тех людях, кто знает заветы Господа, но в целях своей власти, светской или духовной, извращает их.

В отличие от всех других «порождений Ноаха» в этой главе, Нимрод не есть родоначальник какого-то народа, а есть владыка многих народов Земли. Он начал царствовать в Бавеле (Вавилоне), затем распространил свою власть на все Междуречье и пошел на Ашур (Ассирию), где построил многие города, в том числе Ниневию. (Б. 10:10,11).

Нимрод создал первую в Истории Империю. Но власть его это не столько «власть силы», грубого принуждения и страха государственного насилия, сколько «власть ловли», в которой главное — тайная политика душевного закабаления и злоумышления для управления массами религиозно (или идеологически) совращенных людей.

Зло от Нимрода легко совмещается со злом от Кнаана и каиновым злом гневливости и человекоубийства. Зло от Нимрода способно цементировать в единое целое все названные выше виды зла, в том числе и «зло от юности» и зло от Хама. Адам запустил процесс внедрения начала злого в человеческую жизнь. Нимрод завершил одну из стадий этого процесса, сцементировал все виды зла, которые вошли до него, и смог начать Вавилонское дело.

4

Рассказав о порождениях Иефета и Хама, Тора в следующей главе возвращается к тому времени, когда еще не было разделения человечества на народы.

«*И была вся Земля язык один* (сафа ахад) *и общее имущество* (у дварим ахадим)» (Б.11:1).

В большой семье Ноаха и имущество было общее и, конечно, разговаривали все на одном и том же языке. Но нам тут рассказывается не о лингвистической ситуации тех времен. «Сафа ахад» — это язык взаимопонимания, такая степень раскрытости душ людей друг другу, такой душевный контакт, при котором человек свободно и легко воспринимает мысли и побуждения другого человека. Вот то исходное состояние, с которого должен был бы пойти процесс расселения народов по всей Земле.

«И было: отправились с Востока (микедем)...»

Слово «кедем» употребляется в языке Торы в значении «восток» и в значении «прежнее», и в значении «начало». Люди двигались с Востока на Запад — по пути вестеризации, окультуривания — и уходили от «прежнего» общего порядка в единой семье, оставляли прежние устои жизни, чтобы начать путь цивилизации. В Торе нам не раскрыто, зачем это было нужно им.

«...и нашли (вайимцеу — нашли то, что искали, а не наткнулись случайно) *долину в стране Шинар и там осели»* (Б.11:2).

Мидраш рассказывает, что именно тут, в стране Шинар, Мабуль отряхивал мертвых... Люди зачем-то осели на земле мертвых.

«И сказал каждый ближнему своему (рэа — не сосед, а тот, за кого чувствуешь ответственность, с кем есть душевное единение) *давайте калить кирпичи и будем жечь на обжиг* (нисрефа лисфера — жечь, чтобы жечь) *и стал им кирпич* (hелвена) *камнем* (леавен)[4] *и цемент* (лаhем) *стал им глиной* (ле-хомер)» (Б.11:3).

Казалось бы, ничего дурного: люди своими руками строят что-то. Но, заметьте, в выбранной людьми земле мертвых нет естественных строительных материалов; и они искусственно создают их.

«*И сказали они: «Давайте построим нам город и Сооружение* (Мигдаль — возвеличивание, башня, сооружение) *и глава его на небе. Сделаем нам имя — чтобы не расселяться по лицу всей Земли»*»(Б.11:4).

Но ведь Бог велел: «Наполняйте Землю»? А люди собираются в одном (и очень странном) месте и решают сообща строить город и в нем возводят некое Сооружение, вершина которого должна достигать неба. Но строят, возводят и желают «сделать нам имя» с единственной целью: не исполнять повеление Божье, не расселяться по лицу всей Земли. Вавилонские строители отчетливо сознавали, что делали, и специально нарушали повеление Бога. Этим вавилонское грехопадение людей на Земле резко отличается от греха Адама в Эдене.

[4]Изменена лишь одна буква в слове, и hелвена, кирпич, превратился в ле-авен, камень; а лаhем, цемент, становится ле-хомер, глиной.

«Мигдаль», Башня, с главой на небе — сооружение принципиально неосуществимое. Это вечное строительство чего-то, что должно бы сделать строителей великими. Скорее всего, Мигдаль нужен для совокупного бесконечного делания. Тут есть пафос — пафос коллективного труда, осуществляющего человеческое «мы». Именно состояние «мы» дает вавилонским строителям самоощущение величия. Оно же делает «нам имя».

Человеческая общность (цибур) не мертва тогда, когда имеет цель выше себя и вне себя. Когда она собрана только для того, чтобы сохранить себя, то это раньше или позже приведет к катастрофе. Ибо здесь средства то же, что цель, а цель то же, что средства. И это то же самое, что жечь для того, чтобы жечь (нисрефа лисфера) или воздвигать для воздвигания. Такая ситуация — лучшая почва для Великого Ловца, для гиборцайд Нимрода, главы и вдохновителя Вавилонского Дела. Для него непереносима мысль, что кто-то может находиться вне строительства, вне «мы», и, следовательно, не под его духовной или мирской властью. По сути дела, Нимрод в Вавилоне осуществлял — и через «мы» мог осуществить! — единение всего злого в людях.

«И спустился Господь посмотреть город и Мигдаль, которые строили сыны человеческие» (Б.11:5).

Господь (`Гашем, а не Элоким) спускается, то есть проявляется в человеке. Образ Его заявляет о себе в людях и противостоит тому, что вершат «сыны человеческие».

И до сих пор люди способны сообщаться душами и вроде бы, когда хотят, понимают друг друга. Но в нас уже нет того, что можно было бы назвать «сафа ахад», при котором каждый думал и чувствовал как все, был в сердце своем «мы» и только «мы». «Мы» поглотило «я».

Спустившись и увидя это, Господь сказал:

«Вот народ единый и язык один (сафа ахад) *у всех и это они затеяли делать и это никуда не уйдет от них»* (Б.11:6).

Такое сообщество, такого рода единство, такое «мы» не отстанет от того дела, которое оно затеяло. Вот первый смысл стиха. Но есть, видимо, в словах Бога и другой смысл: человеческое сообщество и единение не должно зиждиться на вавилонском строительстве. То всечеловеческое единение, которое люди пытаются сохранить, не уйдет от них. Но осуществляться оно будет иначе.

Тут-то Господь и говорит кому-то:

«Давайте спустимся (hава нерэда)...»

Есть места в Торе, где Единый как будто обращается к кому-то, неназванному, как будто подразумевает какое-то «мы»: «Я *сказал Господь: сделаем человека, в образе Нашем, как подобие Наше»* (Быт. 1:26). *«И сказал Бог Господь: вот человек стал как один из нас...»* (Быт.3:22). Такие места всегда давали повод для утверждений, что Тора глухо признает многобожие, выдает свои политеистические корни и т.п. И Моше (Моисей), говорит мидраш, дойдя до такого места, это предвидел — и засомневался. «Пиши! — сказал ему Хозяин Мира. — Кто хочет ошибиться — ошибется...»

Талмуд замечает, что в таких местах опровержение находится тут же, рядом (Сангедрин, 38б). Но именно в этих местах, всегда ключевых для судьбы и назначения человека на Земле, учителя Торы видят особый смысл «мы». Царь Мира обращается к Своему небесному окружению, к свите ангелов, приведенных Им в бытие на Второй День Творения и окружающих Его Престол. Кто же эти ангелы, имеющие прямое отношение к работнику Божьему на поприще его труда?

Разделяя единый людской род на много народов, давая ему множественность путей на лице Земли, Он говорит: *«давайте спустимся...»* Сразу за этим резким изменением пути человека идет перечисление 70 имен. За каждым из них определенная духовная сущность. Это наименование 70 народных душ, составляющих все человечество. Семьдесят служителей Бога, Его «посланников», назначенных Им каждый над своим уделом 70 личностных сущностей, концентрированных духовных воль, 70 духовных ликов спустились из высшего мира, чтобы образовать все многообразие национальных путей. Они, которым было сказано «сделаем человека» — единого человека, — составили и множественность Общих душ человечества. Эта «высшая семья» спустилась, дав семью национальных душ.

Для каждой Общей души — своя индивидуальная и личностная воля, свой духовный лик, свое служение и назначение, свой «Сар», «покровитель» свыше. Не будем вдаваться в мистику трансформации этих ликов в Истории. Для нас важно, что число 70 является в Торе символом совокупности наций, семьи народов Земли, идущих от сыновей Ноаха.

В рассказе о Вавилонском строительстве раскрывается как Им закладывается глубинная мистика возникновения и развития народных душ. По велению Бога «высшая семья», высшее «мы», семьдесят ликов Сарим (множественное число от слова Сар) спустились к «мы» вавилонских строителей — и что же?

«... *и увял тот же час их* (людей) *язык* (венавла шам сфатам)...»

Произошло не «смешение языков», как обычно переводят, а «увядание языков», то есть вавилонского «мы». Слово «навла» однокоренное со словом «мабуль» и так же, как оно, указывает на процесс перехода от жизни к смерти. Но теперь это — душевный мабуль, который приводит к увяданию того языка взаимопонимания, того сафа ахад, который осуществляет единение вавилонского «мы».

«...чтобы не слышал каждый язык ближнего своего» (Б.11:7).

Слышание другого подразумевает понимание его, но в глубинном смысле. Лингвистические различия — легко преодолимая проблема для взаимопонимания людей. Однако речь в стихе Торы идет о душевном отделении и разобщении людей. При этом каждый отдельный народ получает свой духовный корень из «высшего семейства» — своего Сара. Сплоченность «мы», как сказал Господь, может теперь осуществляться иначе — на основании общей духовной задачи и общего направления внутреннего развития, задаваемого каждому народу его Саром[5].

«И рассеял Господь им оттуда по лицу Земли и перестали строить город» (Б.11:8).

Произошло как раз то, чего так страшились строители Вавилонской Башни. Но, в противовес лицемерию власти Нимрода, народы обрели духовных управителей, нашли каждый путеводную звезду своей национальной душе. Конечно, в их сознании при этом произошло и разделение на «своих» и «чужих» (а отсюда и многие беды Истории), но вместе с тем разделенные на народы люди обрели представление о «своих» в духовном значении слова. Что само по себе обеспечивает и духовную власть и жесткие нравственно-религиозные критерии жизни общества, и еще нечто, о чем сказано в следующем стихе.

«*И потому стал называться* (этот город) *Бавель, ибо там подмешал* (балаль) *Господь язык всей Земли»* (Б. 11:9).

Вот еще один замечательный пример тому, какие имена даются в Торе. Бавель — «ворота Бога». Строители Башни считали, что их город — ворота Бога, а на самом деле это то место, где увяло их «мы» и где Господь совершил что-то, что в стихе обозначаемо созвучным Бавелю словом «балаль».

«Балаль» — не путаница, не смешение и не перемешивание. Когда к муке добавляется масло, то получается нечто, что уже не есть ни мука, ни масло. Действие, обозначаемое как «балаль», есть такое подмешивание одного начала к другому, которое изменяет сущность и того и другого. В «язык всей Земли» свыше вносится еще одно основание, которого в нем, самом по себе, нет. Это подмешанное Господом духовное основание, основание святости проникает в язык и сообщает ему высшее качество, позволяющее человеку освящать себя

[5]О Саре см. ниже: раздел третий часть первая.

словом и молиться (hитпалель). При разрушении вавилонского языка взаимопонимания, разделенное на народы человечество вместе с Сарим приобрело и это новое, духовное качество языка.

5[6]

С Нимродом связано в Торе возникновение нового фактора истории — фактора власти. С ним связано появление в Истории тоталитарного государства. Это первое сознательное восстание против свободы человека, вложенной в него как залог осуществления Воли Бога в Мире. Нимрод — насадивший рабство в мире. Тотальное рабство — это одновременно подавление силой и подавление ложью. Нимрод соединил насилие с обманом. Объединил зло.

Слово «гибор» (властелин, могучий), которым Тора называет его (однокоренное со словом «гвура»), указывает на мощь овладевания. На прямой вопрос: «Кто гибор?» — еврейская мудрость отвечает: «подавляющий злое в себе» (Авот.4:1). Нимрод же «начал быть властелином на Земле» (Б. 10:8) — направив силу подавления и овладевания вовне.

Тора определяет сущность его мощи как — «ловлю», уловление, коварство. Нимрод первый «ловец человеков». Более того: Писание добавляет, что он был «могучий ловлей» перед Богом! Все это он делал — якобы во имя Бога; его властвование, узнаем мы, имело религиозный характер. Источник свободы он использовал для окончательного порабощения человека, что невозможно без извращения высших ценностей лицемерием. Для окончательной власти нужно освящение власти. Нимрод дал ей религиозное освящение. Нимрод — «знающий Хозяина и намеренно восстающий на него» (РаШИ). Его имя говорит о восстании, коллективном восстании на Создателя. Порабощение «во имя Всевышнего» и есть намеренное восстание на Бога и намеренное осквернение Его.

Результат пути Нимрода — самообожествление. Само положение Нимрода в родословной народов указывает на факт самообожествления; и при нем идолопоклонство превратилось из культа в политику и насильственно насаждаемую идеологию.

Именно по инициативе, по плану и под властью Нимрода люди, облюбовавшие для своего Царства Шинар, попытались использовать силу человеческого единства, чтоб увековечить Человека. Как и всегда бывает с тех пор, это означало полное порабощение и пренебрежение отдельным человеком. Ибо первая цель такого «МЫ» — быть и остаться «мы». Не дать индивидууму оторваться от Коллектива — «чтобы мы не рассеялись по лицу всей Земли» (Б.11:5). Вот главный страх Вавилонского собора. Для этого и потребовалась работа, существующая лишь для поддержания собственного существования: Город и Сооружение, чья вершина в небе.

Как и год Потопа, так и год Вавилонского рассеяния, передает мистическая традиция, должен стать годом величайшего откровения людям. Тут поколение, наделенное огромным потенциалом. Их замысел прежде всего величествен. Это подразумевает слово, означающее их постройку: «мигдаль». И они достигли бы истинного величия, если бы стремление к небу было — «во имя Неба» — «ле-шем шамаим»).

Но они сказали друг другу: «построим нам», и «сделаем нам имя» — назвав своей целью создание и увековечение самодовлеющего МЫ. Тора описывает их работу, как постройку: «постройку величия». Преступность не в самом стремлении к строению и величию, но в том, как и для чего оно строится. «И сказали друг другу: Давайте калить кирпичи и жечь на обжиг«. Здесь работа и ее назначение идентичны: смысл производства в самом производстве, сделавшимся главным содержанием жизни. Все идет на то, чтобы жечь и обжигать. И стало у них прокаленное (кирпич) — камнем, и скрепляющее (цемент или асфальт) стало у них глиной (сырьем для обжига).

Кирпичи, казалось бы, должны стать ничем иным, как кирпичами и играть роль кирпичей; но кирпичи становятся камнем, благородный связующий материал идет на обжиг — все произведение рук, все трудом добытое и само в себе ценное — для них материал, годный быть только сырьем. Там где обжиг превыше всего, теряют ценность человеческий труд и сама жизнь, люди превращаются в кирпичики Города и Башни.

И Обитающий в высях дал им построить — потому что нет греха в самом по себе единении и величии человеческом; и спустился, чтобы увидеть, каково назначение этого людского Собора, который должен стоять вечно. Что означает это смотрение, этот спуск и проверка Бога? Рав. Ш.Р. Гирш дает пронзительно простое объяснение. Бог спустился — в сердце человека. Туда, где свойственно обитать Богу и звучать Его голосу.

Бог свободы спустился и заговорил в сердце человека, ставшего кирпичиком, и это само по себе есть и проверка Богом замысла человека, и ответ Бога на Здание человечества. Собор оказался не «во имя Неба» — человеческая личность возмутилась и заявила свою абсолютную ценность. Такое единение, претендующее на небо и на имя себе, не может не рухнуть, столкнувшись с требованием свободы человека. Собственно, это столкновение власти Нимрода и царства Бога.

С этого момента путем Бога стал не Общий Путь единения, а разделение, отдельный путь, множество отдельных путей. Преступление «поколения разделения» Кабала называет «подсечением саженцев». Не хранение и возделывание, а «подсечение» Его саженцев на Земле. Потому, спустившись, Насадивший дал Своим саженцам силу собственного питания и силу собственного роста. Если прежде духовное питание шло человечеству в целом, и потому выражение духа человека — его «уста», его «речь», его «слово» — были едины, то отныне это духовное питание идет по отдельным духовным каналам, каждый индивидуум (народ или человек) живет, осознает и дает наименования познанному сам.

Бог спустился к индивидууму — и общий язык, лишенный питания, тут же «увял». Люди и народы, рассеянные по своим путям, не слышат друг друга. Это — резкое, коренное изменение самого пути Бога человеком на Земле. «Хранение и возделывание» (Б.2:15) уже не совместно, а по отдельности.

Традиция говорит, что Авраhаму было 48 лет, когда он узнал Творящего его, и прямо связывает это с прекращением вавилонского Собора. Авраhам сделал содержанием своей жизни — «звать во имя Бога», что есть прямая противоположность деланию имени себе. Авраhам пошел против эпохи, против власти и против большинства. «Как могли бы мы выжить и как мы сможем выжить, — говорит рав Гирш, — если бы не было у нас наследством от нашего отца Авраhама силы духа быть в меньшинстве!»

Крушение человеческого единства привело к установлению пути Бога в раздельности. Задача, прежде лежавшая на человечестве, после подсечения саженцев переходит к **народу.** Авраhам выходит из Ура не просто убегая от тоталитарного режима и не просто миссионерствуя, но он уходит для того, чтобы сделаться народом. Не по собственному пожеланию, но —

«*Я сделаю тебя народом великим, и Я благословлю тебя, и Я сделаю великим твое имя; и стань — благословением*».

[6]Глава эта перепечатывается из книги Б.Бермана «Шма». Она подытоживает прежде сказанное и дает возможность читателю вступить в непосредственное общение с автором.

Раздел третий. НА ПУТИ К СЕБЕ

I. УХОД

Авраhам — потомок Шема в десятом поколении. Столетний Шем родил Арпахшада, прожил еще 500 лет и застал Яакова (Иакова). При сыне Арпахшада Шелохе (ср. с именем Метушелах) возникла ситуация, когда людям приходилось уединяться. Эта ситуация углубилась еще больше при его сыне Эвере (от этого имени — иврим, евреи и иврит). Имя «Эвер», объясняет Талмуд, означает, что весь мир по одну сторону, а он, один, по другую.

Эвер родил Пелега, в поколении которого, согласно значению его имени, произошло разделение народов. Имя сына Пелега — Реу — указывает, что в следующем после вавилонской катастрофы поколении в душах разделенных на народы людей пробудилось стремление к сближению, дружеству. И после этого (а может быть и в результате этого) в поколении сына Реу Сруга начался активный процесс разветвления народов — этногенез.

Сруг родил Нахора — Ноаха меньшего масштаба. Ноах был цадик (праведник), тамим (совершенный, непорочный) и ходил с Богом. Окончание «ор» в имени «Нахор» указывает на то, что носитель его пытался основать на этих качествах Ноаха профессиональную деятельность. И вот этот-то Нахор родил отца Авраhама, Тереха.

Каждое новое поколение от Арпахшада до Нахора рожалось примерно через 30 лет. И только Терех родил после целой жизни, в 70 лет. И родил не «сыновей и дочерей», как выше говорилось про всех, а трех сыновей: *«родил Аврама, Нахора, и `Гарана»* (Б.11:26).

Имя Тереха (от «руах», дух) свидетельствует, что он, продолжая линию отца Нахора, занимается «духовностью», изучает «духовные науки» и даже составляет некий план реальных свершений, в котором главные действующие лица суть его сыновья. У каждого сына Тереха своя «духовная» задача. Три сына — три последовательно связанные задачи, цепью ведущие к достижению какой-то высшей цели.

Имя «Аврам» указывает на «маховое крыло» (эвер). Им Терех собирается начать процесс восхождения, взмыть высоко (рам) ввысь. Второй сын призван возрождать деда Нахора и основательно развивать начатое старшим братом — так же, как дед мог продолжать дело Ноаха. Третий сын, `Гаран, завершает задуманное — производит зачатие (hара) и рожает нечто. По замыслу Тереха Аврам — Нахор — промежуточные звенья. Рожает только `Гаран.

«...и `Гаран рождает Лота» (Б.11:27), имя которого указывает на его задачу; «покрывать». Как покрывалом Лот должен защитить и закрыть то, что достигнуто сыновьями Тереха. В известном смысле Лот призван завершить то действо, которое создает Терех своим потомством. Но Господь нарушает задуманное человеком, Терехом, и приводит в действие Свой Замысел. Случилась катастрофа. *«При лице Тереха»* (Б.11:28) у него на глазах умирает сын `Гаран — ключевое звено в плане Тереха.

«И взяли Аврам и Нахор себе жен: имя жены Аврама — Сарай, имя жены Нахора — Милка, дочь `Гарана, отца Милки и Ийски» (Б.11:29).

Братья берут в жены своих племянниц, дочерей умершего брата `Гарана, словно стремясь тем самым хоть как-то принять на себя ту задачу, которая была возложена на него Терехом. Сарай — «управительница»; Милка — «царица»; Ийска (другое имя Сарай) — «помазанная» (на царство) и видящая пророческим духом; Ийска — провидица.

Сарай — внучка и невестка («кала») Тереха. Кала — та, которую сын вводит в дом и которая дает венец дому отца, она довершает семью и дом отца мужа и строит новый дом.

«И была Сарай бесплодна, она — без детей» (Б.11:30).

Задача `Гарана не может исполниться через Сарай, ибо у нее иная задача, не та, которую задумал осуществить Терех.

Терех был вельможей у Нимрода, который с некоторых пор преследовал его. В конце концов Тереху пришлось уйти из Ур Касдим, где он жил. Он взял с собой старшего сына, его жену, Лота, пошел в землю Кнаан, но дошел только до Харана и осел там всей семьей.

«И были дни Тереха 205 лет, и умер Терех в Харане» (Б.11:32).

Терех дожил до рождения сына Авраhама Ицхака (Исаака). Он спокойно жил в Харане пока с Авраhамом происходило то, что рассказано в следующем разделе Торы. Но Тора сообщает об этом именно здесь — до того, как Авраhаму сказано уйти из дома Тереха.

Зачем, впрочем, вообще нужна такая подробная и точная хронология? Надо помнить, что, излагая Тору, Моше (Моисей) рассказывал евреям о том, что было всего за 8 веков, еще на исторической памяти слушавших его людей. Для них это не сказания седой старины, а живая история. Ноах еще жил во времена Авраhама, Авраhам — еще жил во времена Яакова, Яаков видел Кеhата (сына Леви, своего внука), Кеhат видел Моше. Слушателям Моше эту цепь фактов легко восстановить. Давая точную хронологию рождений и смертей, Тора тем самым приводит свидетелей того, что происходило в те времена.

«И сказал Господь Авраму: иди к себе (лех леха), *из твоей страны.* (мэ-арцеха), *из родного твоего* (уми-маладтеха), *из дома твоего* (уми-бейтеха) — *в страну, что Я покажу тебе* (эль hа арец ашер аръэха)» (12:1).

Надо уметь понимать этот язык. Если речь шла бы только о выходе из страны, то совсем не нужно говорить «леха». Авраhаму сказано, что ему следует «идти к себе», идти затем, чтобы найти самого себя. Твоя страна (арец), где ты родился и вырос, — не «ты». Выйди из нее. Все то, что родственно тебе, и даже дом отца твоего — не «ты». Выйди и «иди к себе», к своему подлинному Я.

Слова «ашер аръэха» в конце приведенного стиха мы перевели так, как обычно переводят это место. И переводят неправильно. Если было бы написано «ашер леха», то тогда следовало перевести: «покажу тебе». Но написано «ашер аръэха», то есть: «покажу тебя». Пока Авраhам живет в доме отца, среди родни, в этой стране, он не узнает свое подлинное Я. Только уйдя отсюда, в другой стране Господь покажет Своему избраннику его высшее Я. Авраhаму предстоит оторваться «от своего», от соков, питающих его, уйти из страны звездочетов и пойти куда-то, где он найдет себя. Поразительное начало — и народа, и мировой Истории, и человечества!

«И сделаю тебя (веээсха) *народам великим, и благословлю тебя* (вааварехэха), *и сделаю великим* (ваагадла) *твое имя. И будь благословением* (веhейе браха)» (Б.12:2).

Про Авраhама мало сказать, что он «родоначальник», что от него путем естественного размножения через многие поколения сам собою образуется великий народ. Семя его, конечно, положено в исток народа, но сам этот народ от Авраhама «сделает» Господь, Своей рукою. Авраhам для того и должен оторваться от прежних корней, чтобы стать корнем народа, который делает Господь. Для этого он должен получить благословление свыше, которое теперь будет питать его вместо соков его родины. Авраhам лишается защиты дома отца, но не становится беззащитным. Теперь защита его — его имя, которое Господь сделает великим.

Авраhам лишается своей страны, своего племени и своего дома, но получает благословение, имя и величие. И сам должен стать благословением людям. Вот тот таинственный момент в человечестве, тот момент «делания» Богом человека, когда благословение (браха) начинает зависеть от человека. В связи с этим и в развитии этого следующий стих говорит о соотношении Авраhама и окружающих его людей.

«И Я благословлю (вааварха) *благословляющих тебя* (мэвархеха), *а хулящего тебя* (умэкалеха) — *прокляну* (аор). *И благословятся в тебе* (или: будут черпать из тебя) *все роды Земли»* (Б.12:3).

Обратите внимание на порядок слов: «благословлю благословляющих», но «клянущего прокляну». Только хулить можно собственной силой. Чтобы смочь благословлять другого, надо прежде самому получить благословение. И пожелающие благословить Авраhама получат — за одно свое намерение — благослове-

ние свыше. Звук «а» в конце слова «аварха» указывает на продленное будущее время; тут не просто утверждение, но и пожелание: Господь желает благословлять всех, кто готов благословлять Авраhама. И потому о «благословляющих тебя» говорится во множественном числе, а о «проклинающем» — в единственном.

«Ор», проклятие, — отрыв от духовного источника жизни. «Мэкале» — тот, кто хулит, клянет словом. Господь лишает духовного источника жизни всякого, кто, хотя бы на словах, готов уничтожить Авраhама. Такая защита необходима ему, чтобы все племена земные в будущем могли иметь возможность черпать благословение из него, «благословляться» им.

«И пошел Аврам, как сказал ему (каашэр дибер элав) *Господь...»* — пошел потому, что получил приказ (дибер), а не потому, что узнал про великий народ, который произойдет от него.

«И Авраму 75 лет, когда он ушел из Харана» (Б. 12:4).

Позади у Авраhама и тюрьма, и изгнание, и смерть брата `Гарана, и бегство с отцом, и многие другие события его напряженной 75-летней жизни. Но Тора не рассказывает нам об этом потому, что все это лишь предыстория его жизни. Жизнь его сейчас начинается заново и обращена только и только в будущее. Авраhама ждут 10 труднейших испытаний. Первое из них — уход из Харана, разрыв с прошлым по приказу Господа.

Тора — не художественная литература и не эпос. В ней нет эпической интонации, которую многие ложно слышат в ней и в ее переводах. В Торе чрезвычайно мало подробностей. Важнейшие оттенки смысла часто выражаются в ней порядком слов, перечислением или опусканием (прибавлением) какого-либо из компонентов перечисления. И если Авраhаму сказано «лех леха», иди к себе и иди себе (сам? один?), а он, уходя из Харана, «взял» с собой кого-то, то тут, несомненно, нам сообщено нечто важное.

«И взял Аврам Сарай, жену свою, и Лота, своего племянника, и все их имущество, которое они приобрели, и души, которые они сделали в Харане (ве эт hа нефеш, ашер асу бе-харан)...»

Авраhам получил приказ Господа, но сам должен понять какому следует его выполнять. Исполнение Воли Бога — не слепое, тупое, бездумное действие и не начетничество, а возложение на себя целостной жизненной задачи. Сказано, что великий народ произойдет от тебя — и Авраhам берет с собой жену. Жить придется на чужбине — и он берет с собой имущество. Лот желает идти вместе и разделить с ним тяготы — и Авраhам берет с собой Лота. А те близкие и домашние люди, души которых Авраhам и жена его «сделали» в Харане? Как оставить их?

«...вышли пойти в Землю Кнаан и пришли в страну Кнаан» (Б.12:5).

Но ведь Авраhаму прямо не сказано, куда он должен идти. Он идет наугад и, придя в какое-то место, ждет знака, указывающего правильно ли он пришел и куда идти дальше.

«И прошел Аврам по стране до места Шхема, до дубравы Морэ (Элон Морэ), — *а кнаане тогда в той стране»* (Б.12:6).

То, что делает Авраhам — это знаки, точки во времени и пространстве, по которым в будущем пойдет История. Шхем, до которого дошел Авраhам, это место, где украли и изнасиловали Дину, где воевали Леви и Шимон, это место, возле которого заблудился Йосеф (Иосиф), где продали его в рабство и где случилось еще многое другое. На протяжении всей Истории Шхем — самое опасное место в Исраэле, место, которое и до сих пор родит убийц. На месте этом выстроен город Наблус, в котором нынешнее израильское правительство запрещает евреям селиться. И Авраhам, стремясь защитить своих сыновей, первую остановку делает именно в Шхеме, навеки оставляя здесь свое присутствие.

Элон Морэ только раз еще упоминается в Торе вместе с упоминанием о двух горах: Гризим и Эйвал (Втор. 11:30). «Морэ» значит «учитель», буквально: «указывающий». Дубрава Морэ — место наставления. В чем? От дубравы Морэ яснее всего видны эти две горы, обозначающие вход евреев в землю Исраэля. Перед входом в землю Исраэля народ получает Тору. На цветущей горе Гризим звучит благословение священнослужителей (коганим), а на голой горе Эйвал звучит проклятие совращенным и тем, кто не слушает заповеди Бога.

Шхем — место разделения двух поприщ пути выходцев из Харана. Благословение и проклятие Бога, о котором говорится Авраhаму в третьем стихе, действенны для них только до Шхема. Дальнейшее же их развитие может пойти как в сторону благословения горы Гризим, так и в сторону проклятия горы Эйвал. Это зависит от каждого человека. Как и говорит Моше: «Я даю жизнь и смерть. Вы — выбирайте».

Тора вручена Исраэлю не на благоустроенном природой месте, а в пустыне, в пустом месте. После Исраэль идет в ту землю, где рождаются убийцы и живут кнаане, дошедшие до последних ступеней нравственного падения. Земля эта может производить и злодеев и праведников. Это надо знать. И этому знанию учит и на это указывает Элон Морэ — место первой остановки Авраhама.

При распределении земель между сынами Ноаха земля, на которую сейчас пришел Авраhам, отошла к его праотцу Шему, который и до тех пор жил на ней. Придя сюда, Авраhам узнает, что земля эта отвоевывается у Шема Кнааном и активно обживается последним.

«И явился (вайэра — в смысле «дал увидеть Себя») *Господь Авраму и сказал: «Семени твоему отдам эту землю!» И построил там жертвенник Господу, показывающемуся ему»* (Б. 12:7).

В первом стихе Господь обещал Авраhаму: «покажу тебя». И теперь Он показывает ему Себя. Авраhам увидел, что подлинное его Я есть то в нем, что обращено к Господу, есть то высшее Я, которое видело и слышало Его. И этим подлинным духовным Я Авраhам узнает, что он пришел, куда следовало, и что земля эта отдается не его приверженцам или ученикам, а его «семени».

Откровение Авраhама у дубравы Морэ не есть его видение, и не плод его духовных трудов, и вообще исходит не из него, а к нему. Авраhаму показано свыше и он, осознав ему явленное, построил на месте этом жертвенник *«Господу показывающемуся»*.

II.
В ЕГИПТЕ

Узнавший свое подлинное духовное Я Авраhам перемещается (йаэтек) из Шхема на гору недалеко от Бейт-Эля — дома Господа, будущего Иерусалима. Слово «йаэтек» означает движение, преодолевающее какое-то сопротивление. Авраhам уходит подальше от цивилизованных мест, в горы и одиночество, и, видимо, силком тащит за собой свой дом, люди которого плохо понимают его новый Путь жизни и его намерение.

На горе Авраhам раскинул «свой шатер» таким образом, чтобы Бейт-Эль был от него с запада (с моря), а «Ай» (курган древнего разрушенного городища) — с востока. Здесь он строит второй жертвенник.

«...и *там построил жертвенник Господу, и стал звать именем Господа»* (Б. 12:8).

В некотором смысле первый жертвенник, построенный Авраhамом, был поставлен в связи с ним самим — на месте откровения ему, в котором он увидел Господа и познал свое подлинное Я. Второй же жертвенник поставлен Авраhамом тогда, когда он стал звать именем Господа — когда он понял свою миссию и начал обращаться к людям.

«И отправился Аврам, идя переходами (hалох ве насоа) *на юг«* (Б.12:9), в пустыню, в Негев. Вся земля южнее Иерусалима называется «арева», «пустыня», вернее, — «степь». Оказывается, чтобы построить дом Авраhама нужно уходить туда, где не живут люди, в уединение. Внутри людской массы нельзя построить такой дом. Авраhам движется отдельными переходами, останавливается, проповедует и идет дальше, все дальше, в Негев, в «палящее» пустынное место.

«И был голод в земле той»

Вот как! Ведь Сам Господь говорил ему: «иди». И он — идет, приходит в назначенное место: а там — голод! Если первое испытание Авраhама — уход из

Харана и путь к себе, то второе — странный небывалый голод там, куда он пришел по велению Господа. Надо выдержать это испытание. Голод-не голод, а раз Он велел прийти сюда, то, казалось бы, веря Ему, надо быть тут, куда следовал по Его приказу. Однако Авраhам так и не думает и не делает.

«...и спустился Аврам в Египет, чтобы там пожить (лагур), *ибо тяжел был голод в земле»* (Б.12:10).

«Не полагаться на чудо» — вот один из главенствующих нравственных принципов жизни. Даже тогда, когда есть веские основания рассчитывать на чудо, нельзя человеку полагаться на него. И Авраhам ведет себя, исходя из естественной ситуации жизни, в которую он поставлен. Если голод, то следует идти из Негева в житницу, в Египет, чтобы «пожить» там. Употребленное здесь слово «лагур» означает временное проживание для человека, лишенного опоры под ногами. За тем же — «пожить» — спускались потом в Египет и евреи. Сейчас Авраhам прокладывает им дорогу.

«И было. Когда он приблизился к Египту сказал он Сарай, своей жене: «Вот, прошу тебя: узнал я, что ты женщина красивая видом, и будет, когда увидят тебя египтяне и скажут: «это его жена» и убьют меня. А тебя оставят жить. Скажи, прошу тебя, что ты моя сестра, чтобы хорошо было мне из-за тебя, и оживет моя душа благодаря тебе» (Б.12:13).

В Торе важнее всего истина. Задача не в том, чтобы всеми средствами обелить отцов, доказать, что все, что они делали, — все хорошо. Мы, быть может, лучше научимся жить, зная, что именно они делали дурно. К тому же у нас нет представлений, по которым человек, стоящий на высшей ступени одухотворенности, — как Моше, как Давид, как Яаков, Ицхак, Авраhам — это человек безупречный. Все они — люди и у них были ошибки. Нам важно знать их жизнь, и ошибки на их Пути учат нас. Поэтому вполне законна точка зрения (ее придерживается, например, Рамбан), что Авраhам согрешил тут.

Египет (Мицраим) всегда был символом страны, погрязшей в разврате. В какой-то момент, приближаясь к Египту, Авраhам увидел жену свою глазами египтян и ясно понял, что ему и ей угрожает. Сарай для египтян — «вид красивый» и по их нравам они убьют мужа, а жену не столько «оставят», сколько «заставят» (йэхайу) жить. Так что ей уготована жизнь пострашнее смерти.

Что значит: «Чтобы мне хорошо стало из-за тебя»? Что я останусь жить, когда тебя сделают наложницей? Нет, конечно. Знатного и богатого брата красивой женщины следует всячески ублажать («делать хорошо»), дабы уговорить его отдать сестру и не в наложницы, а замуж. Такого рода ситуацией управляют не они, а он. Конечно, это двусмысленное положение, в котором тяжело и ему, и ей. Но тут нет ни низости, ни трусости, как видят при поверхностном прочтении. Такая договоренность между супругами существовала, по-видимому, каждый раз, когда они входили в чужую страну. Это диктовалось условиями тогдашнего существования. Также поступал и сын Авраhама. Однако на этот раз Авраhам рассчитал не все... Случилось непредвиденное.

«И увидели ее вельможи фараона, и стали расхваливать ее фараону. И взята была женщина в дом фараона» (Б.12:15).

Тут уже не поспоришь. Фараон велел дать Авраhаму *«овец, коров, ослов, рабов, рабынь, ослиц, верблюдов»* (Б.12:16).

«И поразил Господь фараона большими поражениями, а также его дом, по слову (аль двар) *Сарай — жены Авраhама»* (Б.12:17).

«Слово Сарай», как и сказано в тексте, о том, что она — жена Авраhама, а не сестра его. Фараон не поверил ей и, рассказывает мидраш, был поражен особенным лишаем, делающим интимные отношения невозможными. Тогда понял фараон, что Сарай говорила ему правду.

«И позвал фараон Аврама и сказал: «что ты наделал мне? Что же мне-то не сказал, что она жена твоя?» (Б.12:18).

«Зачем говорил ты: «она — сестра моя», я взял ее себе в жены...» — в жены, а не в наложницы! За обман, ведущий к таким последствиям, обманщику положена суровая кара. Но тут произошло одно из тех скрытых чудес, которыми полна человеческая жизнь.

«...Теперь, вот жена твоя, бери и иди» (Б.12:19).

«И отрядил фараон для него людей, и проводили они с женой его и со всем, что у него» (Б. 12:20).

И более того, фараон отдал Авраhаму свою дочь (от наложницы) Ктуру (`Гагар, Агарь), которая затем родила Авраhаму Ишмаэля (Измаила). Все, что получил Авраhам от фараона, все это он отдал потом сыновьям Ктуры, братьям Ишмаэля.

III.
АВРАhАМ И ЛОТ

Авраhам вместе с женой и Лотом поднимается обратно из Египта в Негев. И затем из Негева *«своими переходами»* (ле-масаав), то есть той же дорогой, идет *«до Бейт-Эля, до места, где был его шатер вначале, между Бейт-Элем и Айем, к жертвеннику, который он сделал прежде, и там звал Аврам именем Господа»* (Б.13:4).

Авраhам вышел из Египта с большим имуществом, со своим скотом («микне» — то, что знает своего хозяина и идет за ним), нагруженный золотом и серебром. И Лот был «с ним» («имо»), как одно с ним целое, как единый народ («ам»). А пришел Лот в Бейт-Эль «с Аврамом» (эт Аврам), вместе с его окружением, со своими отдельными шатрами и скотом. Авраhам и Лот заметно расходятся. Они не могут ужиться из-за имущества.

«И не несла их земля вместе, потому что имущество их было велико, и помогли они жить вместе» (Б.13:6).

Пастухи Авраhама и Лота спорили между собой. Первые говорили вторым, чтобы те, проходя по чужим полям, надевали намордники на свой скот, дабы не совершать им «хамас». Пастухи же Лота отвечали, что земля эта обещана Авраhаму, и Лот его наследник, вся земля по сути лотова, так что Авраhам, запрещая кормить скот где придется, делает себя праведником за их, пастухов Лота, счет. Спор («рив») тут идет о праведности и неправедности.

«...а *кнаане и призеи тогда жили в стране»* (Б. 13:7).

Ссориться на виду кнаанов и призеев значит сводить на нет значение нравственной проповеди Авраhама и низводить его дом на уровень кнаанов и призеев.

«И сказал Авраhам Лоту: «Пожалуйста, пусть не будет размолвки (мэрива) *между мною и между тобою, между моими пастухами и твоими пастухами, потому что люди — братья»* (Б.13:8).

На нас возложено быть братьями, у нас нет права быть не братьями и потому нам надо решить, как жить дальше.

Авраhам пробудил в Мире «меру добра». Гостеприимство — одно из многих его свойств. Дом его всегда открыт был и сам он приглашал к себе людей, чтобы сделать им добро. И казалось, сейчас он должен бы предложить Лоту пресечь ссоры и продолжать жить вместе. Но Авраhам предлагает Лоту другое:

«Вся земля перед тобою, отделись, прошу тебя, от меня» — и далее сказаны не сразу же понятные слова, которые условно можно перевести так: «если лево, я оправею, если право, я олевею» (Б.13:9).

Смысл этих слов не в том, что они должны разойтись: ты налево, я — направо или наоборот. Авраhам предлагает Лоту братские отношения особого рода. Я и ты, говорит Авраhам, как две руки. Если ты — левая, то я рядом, я — правая; если ты правая, то я буду левой. Это образ самого тесного и равноправного партнерства, которое только может быть между людьми, живущими раздельно. Осуществление его теперь зависит от Лота.

Разговаривали они в горах возле Иерусалима, откуда видна почти вся долина Иордана. И взглянул Лот вниз и увидел, что вся долина вплоть до Цоара (Сигора) напоена *«как сад Господень, словно земля Египта»* (Б.13:10).

«И выбрал (вайивхар) *себе Лот всю долину Ярдена* (Иордана) *и отправился Лот от прежнего* (ми-кедэм) *и разделились муж и брат его»* (Б.13:11).

«Вайивхар» — акт свободного выбора, Лот делает резкий поворот в жиз-

ни — «от прежнего» — и тем отделяет свой путь жизни от пути жизни Авраhама. Авраhам уединенно селится в земле Кнаан, Лот же среди туземцев, в городах долины Иордана и, отмечает Тора, «раскидывал свой шатер до самого Сдома (Содома)»(Б.13:12). Выбранный Лотом путь жизни все ближе и ближе ведет его к Содому, который поразит Господь.

«А люди Сдома раим ве-хатаим перед Господом безмерно» (Б.13:13).

Слишком слабо перевести «хатаим» как «грешник». «Хет» (грех) — та ошибка, которая выводит душу из области Света, отдаляет ее от Бога. «Хоте» — ошибка, в которой есть уже доля злого умысла, есть и вина, но это все же ошибка. «Хоте» — ошибающийся. Но он может стать «хата» — тем, у кого жизненная ошибка становится привычным и постоянным занятием. Стать же «раим ве-хатаим» («ра» — зло) значит только и делать, что зло, специально совершать множество зла. Люди же Содома творили зло в предельной степени (меод). И более того, творили безмерное зло «перед Господом», то есть (вспомните Нимрода) знали, что требует от людей Бог и творили нагло, прямо перед Его лицом.

Жители Содома проходят все три ступени зла. Обозначим их.

Они — «раим», то есть разрушают тот порядок добра, который заповедан Господом человеку в качестве основной задачи его жизнедеятельности. Такова первая ступень зла.

Они «хатаим», то есть люди, души которых привыкли грешить постоянно и непрерывно, которые душою живут во зле, как в родной стихии жизни. Такова вторая ступень зла.

Третья же ступень зла в том, что зло возвещается, творится прямо «перед Господом» и делается «меод», предельно. На третьей ступени зло окончательно и бесповоротно завладевает душами.

Лот ушел, и Господь обращается к Авраhаму. Но не так, как обычно: «вайиомер `Гашем эль Аврам», «и сказал Господь Авраму», а иначе: *«ва-`Гашем омар эль Аврам»*. Всем, кто слышит Тору, ясно заключенное в этом стихе резкое противопоставление: «А Господь сказал Авраму...». Пока Лот был с ним, Господь не мог сказать ему то, что теперь говорит.

«А Господь сказал Авраму после того, как отделился Лот от него: «Подыми, прошу, глаза твои и увидь с места, на котором ты находишься, на север, на юг, на восток и на запад, потому, что всю землю, которую ты видишь, тебе ее дам и семени твоему до века» (Б.13:14,15) — тебе, а не Лоту, твоему семени, а не семени Лота.

Пока что это только обещание дать землю, когда кнаане будут изгнаны из нее. Лот же хотел иметь эту землю немедля и поселился со своими людьми до самого Содома. Это не только житейское, но и духовное разделение Лота и Авраhама.

Следующий 16 стих часто воспринимается в качестве обещания Бога произвести из семени Авраhама бессчетное множество потомков. Да разве сила народа Авраhама в численности? И выражена-то мысль этого стиха как-то странно.

«И поставлю твое семя как прах земли (ка-афар hа арец), *что если сможет муж определить* (лимнот) *прах земли и твое семя будет отмерено* (йимане)» (Б.13:16).

Слово «лимнот» не значит «сосчитать» (количество песчинок, скажем), а значит: определить квоту, поставить предел, отмерить числом и в этом смысле отсчитать.

«Афар» — тот «прах», из которого человек выходит и в который возвращается. То есть это то земное основание, на котором стоит здание человеческого существования. И семя Авраhама будет поставлено Богом как афар земли, — в качестве земного основания человечества. Отмерить, ограничить семя Авраhама столь же возможно, сколь возможно «мужу» (сильному человеку) очертить пределы или квотировать то земное основание, на котором стоит человечество. Возможно ли? В тоне фразы есть тревожная интонация, дающая понять, что такая возможность, вообще говоря, может быть и существует...

*«Встань, пройди по земле в длину ее и в ширину ее — тебе ее дам» (*Б.13:17).

Один из способов легитимизации владения землею состоит в том, что хозяин обходит ее вдоль и поперек. Но любопытно, что если в предыдущем стихе говорилось, что земля эта в какие-то будущие времена отдается «твоему семени», то здесь ясно сказано: «тебе ее дам». Однако сам Авраhам никогда землею этой не владел, и, следовательно, слова эти нельзя понимать в смысле дарования ее Авраhаму.

С уходом Лота исчезла опасность, что дом Авраhама попадет под губительное влияние мощных дурных сил, идущих снаружи от «раим ве-хатаим». Что само по себе должно изменить стратегию поведения Авраhама. Раньше он стремился к уединению и уходил в горы. Теперь он должен нарушить одиночество и пойти по земле. «Встань» (кум) и «пройдись» (hитhалех) — это слова приказа, приказа получить землю, которую Он дает ему. Но в каком смысле?

Выше, в стихе 14, Бог не приказывает, а просит Авраhама*: «са-на эйнеха у-реэ»*, «подними, прошу, глаза, твои и увидь» «Руах» — дух. «У-реэ» — увидь духовным взором. Оказывается, что с того места, где стоит Авраhам, он может духовным взором обозреть всю Землю, по всем четырем ее направлениям. Место это — Иерушалаим, где будет стоять Храм и жертвенник. Именно из этого места взят тот «афар», из которого в Эдене создан человек. Это место схождения трех континентов. Тут ключевая точка движения всего исторического человечества. Тут — основание для человека как такового и место его постоянного духовного обновления. Связь человека с землей в этом месте такая, какой она должна бы быть. И если Бог говорит Авраhаму, что Он дает ему эту землю, то это надо понимать в смысле установления должной неразрывной сакральной связи его с ней.

Творение Мира и Природы завершилось. И началось творение Истории, движение которой закручивается из того места, где стоит Авраhам и духовным взором видит Землю. Отсюда, из этого места, не только взят для Адама, но и постоянно берется для Человечества «афар» — та глубинная «пыль», откуда черпаются новые силы, производящие изменения и обновление (кафара) Человечества. И если кто-то, какой-то «муж» сможет наложить предел на этот «афар hа арец» и ограничить возможности духовного обновления Человечества, тотто и ограничит «семя твое». Тут и угроза и предупреждение и тревога. С одной стороны, прочитанные стихи Торы указывают на связь земли, семени Авраhама и основания духовного обновления Человечества. С другой стороны, они же указывают на возможные противодействия, разрушающие эту связь.

Теперь мы вполне можем понять то, что Авраhаму было сказано:

<u>иди к себе, в ту землю, где Я покажу тебя.</u> Мы узнали, что сначала Господь показал Авраhаму тот исток его души, который он с полным правом может называть своим подлинным Я. Затем Господь показывает Авраhаму землю. И Авраhам видит ее духовным взором и сознает ту неразрывную глубинную связь, которая по велению Господа существует у него и у «семени его» с этой землей.

«И раскинул шатер Аврам. И пришел к дубраве Мамре, что в Хевроне, и поселился там, и построил жертвенник Господу» (Б.13:18)

IV. ВОЙНА

Авраhам приходит в землю, на которую указал ему Господь, и первое, что его встречает — страшный голод. А за ним — страшная война. Авраhам видит, что та задача, которая задана ему свыше, делается не там, где течет молоко и мед, а в тяжких испытаниях.

Напомню еще раз правило, по которому то, что происходило с отцами, есть знак для сыновей. Происходящее с Авраhамом устанавливает вехи. Раньше им намечены вехи изгнания евреев в Египет.

Теперь же намечаются вехи для всех четырех изгнаний (галутов), которые евреи пережили в своей истории.

«И было...» — Начинает Тора рассказ о тяжелых событиях в жизни Авраhама — *«В дни Амрафела, царя*

Шинара, Арьоха, царя Эласара, Кдорлаомера, царя Эйлана, и Тидаля, царя народов» (Б.14:1).

Перечислены четыре царя четырех царств. Амрафел есть другое имя Нимрода и перекликается с Навуходоносором. Если слово «нимрод» значит «восстанем», то «амрафель» — это тот, кто жестоко преследует всех, не признающих его власти. Шинар же — Бавель — прообраз вавилонского изгнания.

Царство Эласара указывает на греческий галут, галут Яван, духовный галут в своей стране.

Царство Эйлана потом стало называться Мадай (Мидия); это — персидский галут, во времена которого происходили события Пурима.

И, наконец, царь народов Тидаль — изгнание среди многих народов.

Эти четыре царя *«вели войну с Берой, царем Сдома, с Биршей, царем Аморы, с Шинавом, царем Адмы и с Шемэвером, царем Цвоима, а также с царем Белы»*, получившим имя Цоар (Б.14:2).

«Бет» — два; «ра» — зло; имя царя Содома говорит о двойном зле: и перед Богом и перед людьми. «Реш» — злодейство, своеволие; имя царя Аморы (от «амар», сноп, это царство, где большие урожаи) свидетельствует о закоренелости во зле. «Шинав» — ненавидящий Отца Небесного и царствующий на земле Адма, где, судя по названию, много полезных ископаемых. Название страны Цвоим также указывает на богатство. Ее царь Шемэвер по объяснению РаШИ тот, кто, подобно Нимроду, стремился восстать и вознестись, для чего приделал себе «крыло» (эвер). Город «Бел» отличается своим постоянным стремлением захватывать чужое.

Все эти страны расположены в небольшой долине; они богаты и управляются тиранами, но, конечно, не в силах противостоять огромной силе империи Нимрода, который, завоевав Ашур (Ассирию), взял имя Амрафель и теперь соединился с тремя другими могущественными царями. И это огромное войско четырех царей вторгается в землю, которая обещана семени Авраhама. Отметим, что географическое положение этой земли таково, что по ней часто и со всех сторон прокатываются воюющие армии.

На восточном берегу Иордана великая армия четырех царей разгромила рефаимов (народ гигантов) и другие народы, жившие в будущих землях Амона, Моава, Эдома и дошла до границ Египта, до Эль-Парана, где будет жить Ишмаэль (Измаил). Великое войско очищает левый берег от аборигенов и переходит Иордан, где разбивает всех потенциальных союзников царя Содома и других четырех царей городов долины реки. После этого пять царей правобережных земель развернули сражение с имперским войском четырех царей на равнине Сидим, получившим свое название потому, что она вся была изрыта колодцами и ямами, где добывался строительный материал. Несмотря на то, что такой рельеф давал преимущество маленькому войску, оно все было разгромлено и рассеяно. Победители забрали добычу и ушли, прихватив с собой и Лота, который не участвовал в войне, но жил на богатых землях побежденных и вместе с ними попал в плен.

Авраhам узнал о пленении племянника, вооружил кого смог — всего 318 человек — и с ними погнался за великим войском освобождать Лота. Казалось бы, чистое безумие. Но произошло невероятное: три сотни людей Авраhама разбили огромное войско великой империи и даже гнали своих врагов от Дана за Дамаск, то есть многие десятки километров. Заметим, что в сражении Авраhам проявил себя столь искусным полководцем, что вполне мог бы решить, что победа в этой войне — его личная заслуга.

«И вернул все имущество, и Лота, своего брата, и его имущество вернул, и женщин и народ» (Б.14:16).

Далее в той же главе Торы рассказывается о двух встречах Авраhама с царем Содома и царем Шалема, Малки-Цедеком.

Малки-Цедек — не имя, а титул: «Царь-Праведник». Это был старший сын Ноаха Шем, который жил и правил в Шалеме — в месте, сущность которого целостность и мир (шалом). Это то место, к названию которого Авраhам приставил «иеру» («видение», там, где ему Бог явился) и которое царь Давид сделает двойным: два Иерусалима — Иерушалаим.

Шем, праведный царь Шалема, был священнослужителем (коhеном) Бога Всевышнего. Хотя Шем и праведник (цедек) и служит Всевышнему, он вполне уживается с Содомом. Видимо, его праведность такого особого рода, что он может жить рядом с тем кромешным злом, которое творится в Содоме.

После победы Шем сам благословляет победителя:

«Благословен Аврам Богу Вышнему, обретающему (конэ) *небо и землю* (шамаим ва арец)» (Б.14:19).

Это благословение дается Авраhаму не для того, чтобы он стал человеком благословенным свыше, а для того, чтобы ему самому стать благословением (брахой) для Бога Вышнего, который «конэ шамаим ве арец». Попробуем понять Шема.

То обстоятельство, что праведный Шем служит Богу, не означает, что для него нет других богов, кроме Него. Шем — священнослужитель Высшего, Бога над всеми богами, Властелина, всеми владеющего. Поразительная победа крохотного войска Авраhама над огромной силой четырех царей изменила взгляд Малки-Цедека на характер владычества Бога в Мире и Истории. Для Шема ясно, что Авраhам победил не вооруженной силой, а силой своей праведности. «Конэ», о котором он говорит, это обретение не силой руки, а иное владение, в котором выражается нравственная сторона отношения Бога к Миру. Бог Авраhама, понимает Малки-Цедек, это Бог этически осваивающий сотворенные Им Небо и Землю, заново обрабатывающий их нравственной духовной силой, заново «делающий» как пишет РаШИ, Небо и Землю.

Все в этом Мире признает своего Высшего Хозяина и принадлежит Ему. Но через человека Он устанавливает новое отношение к Миру, вступает в моральное владение им. И потому делает свободную нравственную волю человека реальной действующей силой, способной совершить историческое чудо. А это значит, что в мире людей может в конечном счете свершиться то, что называется Царством Бога, в процессе осуществления которого Он «обретает» Небо и Землю. Вот почему, продолжает Малки-Цедек:

«И благословен Бог Всевышний, Который предал твоих притеснителей в твою руку» (Б. 14:20).

И дал Авраhам Малки-Цедеку «маэсер», что обычно переводится словом «десятина». Но это не «десятая часть», а «каждое десятое». Есть разница.

Всякое число в первой десятке цифр имеет свой смысл. «Первое» имеет смысл «начатка», «первенца». «Десятое» имеет смысл последнего, конечного, завершающего все, что в счете, имеет смысл завершения счета. Отдать каждое десятое — то же самое, что отдать все, что отсчитывалось.

Вместе с Шемом к Авраhаму вышел и царь Содома. Происходило это на ристалищной равнине Шава, где цари ездили на колесницах; поэтому она называлась «царской равниной».

«И сказал царь Содома Авраму: отдай мне души, а имущество возьми себе» (Б. 14:21).

Надо знать, что по законам того времени все, что отвоевал Авраhам, принадлежало ему. Но в Содоме действовали особые законы, по которым «мое — только мое» и которые запрещали отдавать свое другому человеку. Захваченное у него на войне имущество царь Содома не считает «своим», но подданные Бера, считает он, принадлежат ему, так как это души царства тотального зла и никакого другого царства.

«И сказал Аврам царю Сдома: «Поднял я руку свою к Господу Всевышнему, обретающему небо и землю. Ни нитки, ни шнурка сандалий не возьму из того, что принадлежит тебе и не скажешь: я обогатил Аврама! Мне — ничего!» (Б.14:22-24).

Желая указать на совокупность всего, что есть, еврейский язык не мыслит пирамидально: «от малого до великого», от самого неценного (нити) до самого дорогого, а как бы рисует словами разомк-

нутое кольцо, в котором начало и конец рядом, но через все кольцо. Так о всем народе не говорят иерархически: «от нищего до царя», а говорят «от дровосека до водовоза». И Авралам, говоря о «нитке» и «шнурке сандалия», имеет в виду все, чем владеет «погрязший во зле» царь Бера.

К тому, что сказал Малки-Цедек о Боге Всевышнем, обретающим (заново) Небо и Землю, Авраhам добавляет Собственное Имя Бога:

«Поднял я руку свою к Господу (`Гашем), *Богу Всевышнему»*.

Это добавление Имени — важнее всего в его речи.

Поднимая руку к Господу и называя Его по Имени, Авраhам подчеркивает тем самым, что в фантастической победе, которая произошла на поле боя, от него ничего не зависело, что все дело в его отношении с Тем, Кто управляет всем.

Авраhамов жест руки предельно значим.

Многие люди и до сих пор, признавая подобно Шему значение задачи праведности и мира (шалом), признавая и Бога Высшего, все же считают, что то, что они делают, есть плод их собственной изобретательности в данных обстоятельствах действия, зависит от их умения предвидеть события, их везения в жизни, их тонкого знания действительности и хода «естественного порядка вещей». Но такого порядка в биении человеческого бытия в сущности нет, есть только привычный порядок, дающий иллюзию законообразности происходящего в мире людей. Господь действует (когда действует) в конкретной действительности, учитывая то, что происходит в душе человека, но независимо от того, как он сам продумал свои действия. Жизнь же Авраhама управлялась Господом всякую минуту. И войну Авраhам вел с поднятой к Господу рукой. Тут нет и не может быть речи о правах победителя на имущество побежденных. И потому: «мне — ничего!». Не царю Содома, и никакому другому царю, обогащать Авраhама, поднявшего руку свою к Господу!

Все это столь важно, что именно в соответствии с этим местом Торы евреи носят ремни на руке от тфилин и нити цицит на талит.

V.
ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ

В истории Авраhама есть всего два места, когда сказано: «ахар ha дварим ha эле», *«после этих событий»*. Фраза эта как будто делит путь жизни Авраhама на принципиально важные поприща. Второй раз эти слова мы прочтем в Торе после жертвоприношения Ицхака.

«Ахар» — «по другую сторону». Первое поприще пути Авраhама завершилось на том, о чем мы только что прочли. Начинается второе поприще — до «связывания» Ицхака, до акеды, по другую сторону от первого. Это второе поприще пути Авраhама открывается обращением Господа к нему, но обращением особого рода. Раньше мы встречали: «и сказал Господь», «и явился Господь». Здесь же:

«...*было слово* (давар) *Господа Авраму в видении* (ба-махазе), *говоря: «Не страшись, Аврам! Я — защита тебе»* (Б.15:1).

Авраhам — победитель царей мировой империи. Он — на пике величия земной жизни. Чего же ему страшиться? От кого или от чего исходит такая опасность, что Богу надо защищать его?

Отметим, во-первых, что Господь на этот раз не просто говорит, а шлет Авраhаму Свое слово. Во-вторых, «махазе» есть видение невидимого. «Хазе» — грудь, то, что вмещает сердце, откуда человек способен видеть то, что глазами не увидишь. В смысле видения «махазе» не есть одно из высших степеней откровения; это именно видение — откровение издалека. В-третьих, надо знать, что когда говорится «ба-махазе», то это всегда тяжкое видение. И «давар», слово, которое посылает Авраhаму Господь, это тоже тяжелое, жесткое слово.

Таким образом мы видим, что Господь обращается к Авраhаму иначе, чем прежде: издалека и жестко. Авраhам чувствует это Его удаление от себя и слышит в Его слове, что что-то тяжелое готовится ему. Он страшится. Рамбан, впервые ставший вводить в свой комментарий мистические намеки, говорит, что знающим скрытую Тору понятна связь этой речи Господа в видении с тем, что сказано о Синае: *«и весь народ видят звуки голоса»*... И эта «речь», и это «видение», по традиции наших учителей, обозначают высшую степень пророчества, но намекают и на что-то грозное — это из рода «видений тяжких», по свидетельству знающего толк в пророчествах (Ишая 21:2). Авраhам вдруг ощутил себя «сразу после», «по другую сторону» неуклонного подъема своей жизни: эта жизнь будет теперь что-то другое. И поэтому тоже — Бог говорит ему: «Не бойся!»

Слово Бога застает Авраhама в страхе. Оно приходит к нему после и в результате победы, военной и нравственной, над могущественными противниками и заносчивым союзником. Но Авраhам не торжествует победу, а он испуган победой. Замечает тут Рамбан (Нахманид) — праведным не свойственно укрепляться в мире. И поэтому торжество есть повод для сомнений: нет ли в тебе каких-то низших качеств, которые дают умение торжествовать в этой жизни? не исчерпывают ли блага мира все благо, назначенное тебе? Не может Авраhам не понимать того, что победы в войнах и земное величие не для него. И на это Господь говорит ему, что он побеждает и возносится не так, как обычно бывает в земных делах, где побеждают худшие, злейшие, наглейшие, а потому, что «Я — защита тебе».

Есть тут у Авраhама и еще одна причина для страха. Он, праведник, а воевал, убивал, проливал кровь. И вот на это его опасение Господь говорит ему, что в данном случае он поступал не дурно и что, более того, ему положено нечто, что в конце первого стиха 15 главы названо словом «сахар». Слово это почти не появляется в Торе. По его простому смыслу это не плод наработанного, не результат труда, а то, что приходит помимо результата твоего труда, как «награда». Надо понять это слово полнее и глубже.

При создании человека на него возложены две задачи: одна — работать, другая — хранить. Задача хранить в духовной сфере называется «захор», помни. Понятие «захор» противостоит понятию «аведа», потери того, что уже наработано в духе. «Захор» и «сахар» — слова близких корней.

Понятие «аведа», потеря, по глубинному смыслу связано с понятием «авода», работа. Сущность назначенной человеку работы в том, что она — всегда жертва. Сам труд предполагает трату сил, потерю чего-то, отказ в чем-то. «Эвед», работник, есть тот, кто работает не на себя, кто в некотором смысле отказывается от себя.

В слове «авода» разом присутствует и значение собственно работы и значение работы служения, работы через жертву. Однако для человека работа есть род приобретения или исполнения необходимости и потому он сам не ставит жертвенное начало работы себе в заслугу. Так что давать «сахар» (условно: «награду») может только тот, кто принимает работу человека, тот, кому работник служит.

В быту слово «сахар» употребляется для обозначения платы поденщику или какой-либо награды. Перевести же понятие «сахар» в его духовном значении, вообще говоря, невозможно. «Сахар» — не прибыль, которую получает человек в результате труда. «Сахар» по смыслу близко «захор» — сохранению наработанного в общей памяти или памяти Бога. Работа, «ввода», в духовной жизни не есть утрата, «аведа», ибо в сфере духа вместо утраченного при работе всегда оказывается «сахар» — то, что дается помимо наработанного трудом. По природе духовных явлений человек не может трудиться в расчете на «сахар», не может искать или ждать «сахар» себе или для себя. В Торе вообще мало и всегда осторожно говорится о том, что произойдет из труда человека. А тем более — о духовных приобретениях человека в этом мире или мире другом.

Но здесь особое место. Здесь в Торе начинается рассказ о том, что потребовало от Авраhама великой работы и великой жертвы. И перед этой ждущей его

работой и предстоящей жертвой Господь посылает Авраhаму Свое слово о том, что Он Сам ему защита, и о том, что ему будет дан «сахар харба меод» — «сахар» в предельной степени.

«Адонай Элоким» — отвечает на слово Господа Авраhам. Собственно в Торе написано «Адонай `Гашем», но огласовано так, что согласно устной традиции, читается не Господь, а Элоким, Бог. Тут впервые Авраhам обращается к Богу так, как он научил нас обращаться к Нему на все будущие времена. Обращаясь к Господу, Авраhам не произносит вслух Его Имя. Напомним еще и то, что когда в Торе встречается расхождение между написанным и читаемым, то главное значение имеет читаемое; написанное же объясняет подспудную сущность текста.

«Адон» значит «Хозяин». Конечно, все народы называют свои божества «господин» или «владыка»; соседи евреев испокон века звали идолов понятием «бааль», что, собственно, и значит «владелец» и «господин». Но для идолопоклонников «бааль» всегда господин какого-то места или какой-то сферы. Господство его — в его власти принести ущерб или поддерживать благополучие, он требует от своих служителей умилостивления. Авраhам же обратился к **Хозяину всего,** Хозяину жизни как таковому, который ждет от человека, как и земной хозяин, работы — и потому готов и помочь работнику, и загладить его огрехи. По еврейским понятиям, «ангелы» — ангелы служения: но человек — работник, работающий на Бога в мире, куда он послан. *«Небо — небо Богу, а землю дал сынам человеческим»* (Пс., 115:16). Как ангелы делают Его волю без свободы, без выбора — это их *служение* — так на человеке лежит делать ее *свободно* — это его работа. Он должен стать посвящен Богу, «делающему небо и землю» (там же, 15). Именно перед этим эпизодом Авраhам публично принял от Малки-Цедека в Шалеме «посвящение Богу». И боится теперь — не за награду, а за работу.

Авраhам, впервые в Торе, обращается к Богу: Хозяин. Во всех поколениях дети Авраhама продолжают обращаться к Богу так, как научил наш отец Авраhам: А-Д-0-Н-А-Й. Авраhам установил новое отношение человека к Всевышнему. Отношение, соответствующее исконной задаче человека — хранению и возделыванию насаженного Богом. Вкусить от плодов своего дела — награда Бога.

Авраhам обращается к Всевышнему как к всеобщему и единому Хозяину жизни. Имя же `Гашем означает Становящего и подразумевает прямое Его участие — Становящего Свое отношение к Миру. И поскольку произносится Элоким, то, значит, Авраhам прежде всего обращается к Творцу, Законодателю, Судье, к Тому, Кто ставит предел.

Авраhам воспринял посланное ему суровое слово Господа, почувствовал, что Он как будто удаляется от него, все более поворачивается к нему как «мера Суда», как Элоким, и устрашился. И услышал от Него слова одобрения: «не страшись». В ответ на эти последние слова он и обратился к Нему: «Адонай Элоким», возвещая этим обращением, что Хозяин Мира есть Тот, в Котором присутствует «мера Милости» `Гашема и что Бог есть Рождающее и Становящее отношение к Миру.

«Адонай Элоким! Что Ты дашь мне?...»

Это, конечно, ответ на слова: *«Я — защита тебе»*. Тут ударны слова «тебе» и «мне». То, что Ты задумал, то и строится Тобою. Зачем тут я? Зачем мне, человеку, следует знать, что Ты Сам мне защита? Почему мне положен «сахар» от Тебя? Что все это значит? Что, скажи, мне уготовано Тобою?

Авраhам понимает, что пора земных успехов и величия уже прошла, что он начинает жить «по другую сторону», где путь его будет окрашен жертвами, тяготами, страданиями. И в этот момент старта другого поприща пути жизни Авраhам обращает Его внимание на свое нынешнее положение, в котором он должен войти на другой путь.

Ни ученики, ни племянник, предчувствует Авраhам, не останутся с ним, чтобы после него продолжить его дело. Что же можно дать ему? Какие плоды? *«Ведь мне Ты не дал семени...»* Так он говорит: есть у меня воспитанники — но нет полученного из **Твоей** руки. Тут не просьба, он только указывает: «вот» — может ли расти насаженное Тобою, когда оно не растет из семени. Я же — ухожу, иду путем всей плоти. Бесплодно.

«Я же — оторванный (арири) *хожу!»* — говорит он, имея в виду свою оторванность от того движения, в котором люди завязаны из поколения в поколение. Я — вырван, один, не завязан становлением через детей. У меня нет продолжения. Какой «сахар» для арири, оторванного и одинокого... И далее в тексте Торы идет трудная для понимания фраза об Элиэзере и о «бенмешеке».

«Бенмешек» обычно переводится как «домоправитель», «распорядитель». Но тут ясно слышно слово «бен», сын. Да и «мешек» это не «хозяйство», а сильное стремление, жажда желания (корень «шака»). «Бенмешек» — высоко поэтическое слово, указывающее на кого-то, к кому стремится весь мой дом, кого дом Авраhама желает. Кто же это? Если перевести точно, что написано в Торе, то это никак не «Элиэзер из Дамаска», а «Дамаск Элиэзера». Самый простой смысл в том, что все родственники Авраhама ждут; что после его смерти и смерти Элиэзера (который тоже старик) его дом перейдет по наследству к Дамаску Элиэзера, то есть к ним самим.

Интересно посмотреть на буквенную структуру этого места. «Дамэсек» (Дамаск) — это то же слово «мешек» с приставкой буквы «далет». В такой игре слов есть какая-то глубокая ирония Авраhама. По устной традиции «домесек» (напаивающий) есть домашнее прозвище Элиэзера. Элиэзер — ученик Авраhама, который в некотором широком смысле «поит» его дом, черпая то, чем поит, от Авраhама. Авралам «напоил» Элиэзера, а тот поит весь его дом и дом всей душой стремится к Элиэзеру — «что Ты дашь мне?»

Стиль этого стиха предельно сжат, конденсирован и насыщен значениями, вовсе неисчерпанными нами тут. Это плод работы сознания, выношенного всей жизнью, нечто целостно сообщенное Господу Авраhамом. Следующий, третий, стих в стилистическом отношении резко отличается от второго. В нем Авраhам говорит не Ему, а себе (и потому-то тут еще раз повторены слова: «и сказал Аврам»), говорит про себя, говорит простыми словами сам с собою.

«...и *сказал Аврам: вот мне Ты не дал семени, и вот сын дома моего* (то есть рожденный в доме) *наследует мне»* (Б.15:3).

Нет, Авраhам не жалуется. Что же, если такова Твоя Воля, то пусть будет так. Хотя, конечно, строить на том, кто родился в моем доме, совсем не то, что строить от моего семени. И в ответ на тихие эти мысли Авраhама Господь вновь посылает ему Свое слово:

«И вот, слово Господа ему, говоря: «Не унаследует тебе этот! Но тот, который исходит из нутра (меаим) *твоего. Он тебя унаследует»* (Б.15:4).

Казалось бы, странная фраза: о мужчине говорится так, как о женщине — не из чресл твоих, а из нутра твоего. Как это понять? От того же корня, что и слово «меаим» происходит слово «ма» (что) и «ми» (кто). «Меаим» — это то свойство души, которое позволяет человеку воспринимать боль другого как свою. Слово «меаим» в Библии всегда употребляется, когда есть подлинное переживание чужой боли; слово это означает нечто внутри души, что переворачивается, что мучает человека, когда он переживает за другого. Это то «нутро», из которого проистекает сострадание. И это и есть то «нутро» его, про которое говорит ему Господь.

Наследует душу Авраhама тот, кто исходит из его «нутра» — из того, что чувствует боль, и боль другого, и тепло сочувствия. Это «нутро» — наследство Авраhама Еврея, его семени: специфический еврейский отпечаток Сам Авраhам — воплощение милости и доброты, он для мира «как тепло дня» (Быт, 18:1, «Кли Якар»). На милосердие, сострадательность и доброту, потребность оказывать помощь другим, Талмуд указывает как на национальные признаки народа, исшедшего из нутра Авраhама.

(Йевамот, 79а). Жестокость, по Галахе — повод поставить под сомнение еврейское происхождение.

«После этих событий», по другую сторону его пути для Авраhама начинается жизнь, вся наполненная болью. И потому на все вопросы Авраhама (что нужно от меня? зачем давать мне? что дальше? на чем будет строиться дело Божье?) Господь отвечает: Я буду строить на том в твоей душе, что отзывается на боль других. И надо сказать, что Авраhам максимально проявляет способность человеческой души болеть болью других. Ведущее свойство его души — «хэсед»: и добро, и любовь, и способность выходить из себя наружу, и стремление выливаться навстречу другому. И именно из этого его нутра, говорит Господь, выйдет тот, кто его унаследует. Но как раз этих слов Господа Авраhам в тот момент и не понял.

Авраhам вырос и прожил жизнь в стране, где астрология и всякого рода гадания имели решающее значение в определении людских судеб. Судьбу свою Авраhам (тогда еще Аврам) связывал с движениями Юпитера, и по его астрологическим прогнозам выходило, что не будет у него сына, что он — арири. Миросозерцание человека из страны звездочетов помешало Авраhаму понять посланные ему слова Господа. Потому-то Он:

«И вывел его наружу, и сказал: «Взгляни (hабед), *прошу тебя, в небо и сочти звезды. Сможешь ли ты считать их?...»*

И еще, другой раз, сказал Господь, то есть сказал ему что-то новое:

«И сказал ему: «Так (ко) *будет твое потомство»* (Б.15:5).

Слово «hабед» подразумевает взгляд с такой позиции, с которой объект наблюдения виден сверху вниз. На небо можно смотреть с такой позиции только тогда, когда наблюдатель «выведен наружу» и в прямом и переносном смысле — выведен наружу из Мира, из самого состояния бытия в Мире. Выводя на позицию, где небо видно сверху вниз, Господь просит Авраhама сделать усилие, сломать привычное ему миро— и жизнесознание и смотреть верно, снаружи — в небо, какое оно есть на самом деле. Речь, конечно, идет не о подсчете количества звезд на небосводе, а о взгляде на небо и звезды. И Господь не говорит «сколько будет», а говорит «так будет твое потомство». Как — «так»?

У живущего на Земле человека есть представление о том, что все существующее управляется по заведенному ходу, гармоническими естественными закономерностями, зафиксированными, скажем, в звездном небе. Только выйдя наружу, за пределы Мира, Авраhам мог увидеть, что небо и его созвездия в высшей подмирной действительности управляются непосредственно Им. И также (ко) как небо, — то есть непосредственно — будет управляться и потомство Авраhама. У потомства этого не будет «своей звезды» в астрологическом смысле, оно вообще не будет жить по каким-либо закономерностям: природным, этническим, социальным, историческим и прочее. Скорее уж наперекор этим закономерностям оно будет управляться прямо Им, Его рукой.

Для языческого взгляда мир управляется «звездами», то есть силами, содержащимися внутри самого мира, которых ничто вне их не может сдерживать или ограничить. Языческие божества — часть этого Мира, только другой его план. Все в «поднебесной» зависит лишь от собственного характера сущностей этого небесного плана. И два «начала» Мира для дуализма — в этом мире, суть его пара изначальных потенций бытия, разворачивающихся сами в себе. Авраhам, известно нам, начал с поклонения небесным сущностям. Он пришел не к двум, что есть естественный вывод, а к Одному — потому что увидел закон в Мире. И это воистину открытие. Он увидел, что эти сущности, что эти «звезды» — управляемы. Мир, где властвует не «рок», а закон (устав), есть Мир сотворенный — Кем-то «снаружи» его, Кем-то, Кто «назначает звезды по их стражам на своде по воле Своей» (Сидур).

Открытие Авраhама — открытие Законодателя мира. Он сумел узнать Его не в «чуде», не в нарушении хода и порядка Мира, но в самом этом порядке. Открытие законосообразности, то есть сотворенности Мира, приводит к Тому, Кто вне этих законов, Кто поставил предел созданным Им силам и сказал: «вот закон — и не прейдешь».

И тем самым Авраhам уже «вышел наружу». Но его открытие включает не только это. Авраhам понял, что Тот, Кто поставил закон Миру, требует исполнения Своей воли и от сынов человеческих, что Он, Всевышний, «владеет небом — и землей» (Б.14:22). Теперь он готов увидеть небо и землю в перспективе Всевышнего, сверху.

Впрочем, все же можно сказать, что потомство Авраhама будет «как звезды», но в особом смысле, не в смысле множественности. Каждая звезда в небе — не песчинка в груде песка, а целый мир, со своим особенным светом и своим, собственным именем. Гибель каждой звезды — стирание цельного отдельного мира. Как можно такие «звезды» унифицировать, сосчитать, слить их всех в общее число? *«Сможешь ли ты считать их?»* Да они и разобщены только если смотреть на них снизу вверх. Сверху же видно, что ими всеми управляет единое Начало, что они — послушный хор Его. Вот что сказал Господь. И понял Его Авраhам.

«И поверил (веhеймин) *в* (бе) *Господа и засчитал ему ее цдака»* (Б.15:6).

Разумеется, Авраhам «поверил в Господа» не в смысле, что Он существует. Такой вопрос ложен и кроме редчайших и кратчайших случаев вообще не является горячим вопросом в Человечестве; в отношении же Авраhама он просто смехотворен. Нет тут речи и о вере-доверии в какие-то определенные утверждения, события, предсказания. Это и не самоцельное и самоценное стремление веровать, и не настрой души на веру, и даже не столько определение установки на жизнь (что само собой), сколько разрешение вопроса своего поведения в жизни.

Понятие веры — **«эмуна»** — есть фундаментальное еврейское понятие. Но это не вера во что-то, не «кредо», не добродетель безусловной уверенности. «Верующий» — верует в правильность своей веры, обоснованной разумением и авторитетом того, в кого следует верить. Такая вера-подчинение принимается за сущность религии, отождествляемой, стало быть, с догматами и верованиями. Усилия разума по принуждению себя веровать почитаются особенно похвальными усилиями.

Однако «доверять» и «довериться» по-еврейски выражается по-разному. Способность вверять себя Богу — есть способность полностью положиться на Ведущего тебя, идти за Ним и отдать себя в Его руки. Это мало понимать метафорически. Язык недвусмысленно наставляет нас в понимании «веры». Ведь «эмуна» произведено от того же корня, что и «оман» — мастер, художник! Значение этого корня — создавать и формировать, как мастер придает форму своему материалу — и точно также воспитатель, «омэн», формирует сердце вверенного ему неоформившегося человека. Вверяющийся Богу отдается его воспитанию, он делает Его своим Мастером, своим Художником, чтобы самому стать «делом рук художника» (Песнь песней, 7:2). Это не вера «в то, что...», а жизненное отношение, переустановление всей души. Это готовность передаться Ему в руки, чтобы дать Ему сделать из своей жизни Его, Мастера, художественное произведение. То, что ошибочно переводят как «верить в Бога», означает: осознать себя материалом в руке художника, передать себя в руки Наставника и осуществить отношение к жизни как к процессу создания себя. Понятно, что такая «эмуна» неотрывна от слушания и слышания голоса Мастера.

Авраhам узнал возможность вырваться из причинности, из исчисляемости, из «ряда» — если он отдает себя под прямое управление Бога, свободно сделается произведением рук Ведущего мир. Он поднял глаза. Потому ему дано выйти вовне и увидеть своими глазами мир вечной жизни. Отверг владычество звезд — и вот он под руководством Того, Кто направил их ход. Каждый из сыновей дома Яакова, «мощных и бесстрашных», говорит пророк Ишая (см. выше), каждый из них, черпающий силу и бес-

страшие из признания только **одного** владычества, получает свое «имя» — свою судьбу и задачу работы в жизни — непосредственно от Хозяина. Не пропадет ни один.

Мы, дети Авраhама — «вверяющиеся дети вверявшихся». Предки проложили дорогу веры. Но для отца нашего Авраhама — не было прецедентов. В этом смысле вера — его вклад, мы лишь переняли ее от него.

«И исполняющий задачу добра вверенностью своей жив будет». К этому единому требованию «эмуны» приравнял все требования Торы пророк Хавакук (Аввакум; 2:4). «Цадик», человек, уставленный на осуществление добра, полностью исполняющий свои обязанности перед Хозяином — живет в вверенности Богу. Это его состояние жизни и это его источник жизни. Об Авраhаме сказано, что его вера засчитана ему как его вклад добра в жизни — «цедака». Вверяться голосу Бога — умение слышать Хозяина — урок жизни Авраhама. Урок «выхода наружу».

Авраhам вступает в повествование Торы, шагнув из колыбели страны своей, из родного своего, из защиты дома отца своего — в одиночество. Это его первое испытание веры. Что такое «который вывел из Ура»? Это и Тот, Кто позволил выйти из Ура, дал возможность для духовного ухода, и Кому ты позволил вывести себя, дал Ему эту возможность своей верой. Это указание на веру как духовную решительность.

VI. СИМВОЛЫ УТРОЕНИЯ

Изгнание и уход — ключевые понятия в человеческой жизни как таковой и в истории евреев. То, что для потомков Авраhама — исход из Египта, то для самого Авраhама — его уход из Ур Касдим.

«И сказал ему Господь: «Я — Господь, Который вывел тебя из Ур Касдим, дал тебе унаследовать эту землю» (Б.15:7).

На Синае звучало иначе:

«Я — Господь, твой Бог, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабов…» (Исх.20:2).

То, что для нас исход из Египта, то для Авраhама — уход из Ура. Он ушел, потому что Всевышний захотел вырастить из него великое — вместо их величия, и сделать ему имя — вместо их имени. И спуститься к его потомкам навстречу, когда они смогут совершить полное единение во имя Неба — у Синая (Исх., 19:2, РаШИ).

Авраhаму не сказано так, как сказано на Синае: «твой Бог« и «вывел из дома рабов». Это значит, что на тот момент Авраhам еще не сделал Господа «Богом своим», то есть Тем, Кто вполне управляет всей его жизнью. Ур Касдим в определенном смысле можно считать местом порабощения, «домом рабов», но Авраhам тогда еще находился в каком-то рабстве и его уход еще нельзя считать исходом «из дома рабов». И вообще, согласно устной традиции слова седьмого стиха сказаны Господом Авраhаму еще до того, как он услышал «лех леха», иди к себе, но приведены в Торе там, где Авраhам живет на другом поприще пути жизни, где он в состоянии понять их полный смысл.

«И сказал Адонай Элоким! Чем же я узнаю, что получу ее?» (Б.15:8).

Чем же мои потомки достигнут такого внутреннего знания, чтобы по праву завладеть этой землей? спрашивает Авраhам. Как сделается «народ великий»? И в ответ ему дается откровение не просто об историческом будущем народа, отцом которого он станет, но о самом условии становления этого народа. Условие это — страдания (Брахот, 15а). Только прохождением через горнило страданий можно получить Тору, Землю, мир вне созвездий и звезд. Если Авраhам вышел из огня звездочетов, то его наследникам предстоит выйти из Дома Рабов. Но горнило страданий нужно, чтобы сделать народ.

На Авраhама возложена задача взять эту землю и ему надо знать, когда начать ее исполнение. Вслед чего, какого знака, действия, события, явления? И Господь отвечает ему языком символов:

«И сказал ему: «Возьми Мне, пожалуйста, телку (эгла) утроенную (машилаш), козу (эз) утроенную, барана (айль) утроенного, а также голубя (тор) и голубенка (гозаль)» (Б.15:9).

«Утроенное» — очевидно, в трех экземплярах. Но почему-то выражено это не самым простым способом. Символ утроения имеет в виду наличие трех сторон, трех реальностей, каждая их которых несет свой смысл, «симан», как говорят по-еврейски. Первый — лично-душевный симан; второй — симан ближайшей истории; и третий — симан глобальной истории.

Обратите внимание: Господь просит, чтобы он «взял Мне» — чтобы все эти смыслы и силы реальностей были Ему, а не ушли куда-то.

«И взял Ему всех этих, и рассек их посредине, и положил одну половину против другой, а птицу (ципор) не рассек» (Б.15:10).

От Авраhама требуется принести жертву, которая, как мы не раз отмечали, характеризует человека, приносящего жертву. Раскроем символы жертвы Авраhама.

Крупный скот, скот самостоятельно работающий — «бакар»; это символ большого труда. «Эгла», телка, — символ начала труда, того момента или состояния, в котором еще нет ярма, но ярмо вот-вот будет. Ярмо тут — не то, что угнетает, а то, что дает возможность тянуть, работать работу. «Бакар» — тот, кто работает и на ком есть ярмо. На «эгла» ярмо еще не надето, но она готова к работе.

«Эз», коза, — символ силы специфического упорства, метапсихического упрямства. Это та самая «жестоковыйность», которая является и основным достоинством и основным недостатком евреев. Это то, за что Господь упрекал в Синайской пустыне евреев, которые упирались и не склоняли голову под Его ярмо. И это то, за что можно хвалить их, так как они в религиозном смысле не склоняли головы ни под какое чуждое ярмо. Еврейский народ часто символизируется этой силой упорства, «эз».

«Айль» — баран, идущий впереди и ведущий за собой стадо. Это символ мощи, происходящей не от физической силы, а от статуса того, кто ей обладает. Это может быть статус и социальный, и юридический, и духовный, и какой-либо иной.

«Тор» — голубка, сила и спасение которой только в полете; иначе она лишена какой-либо возможности защитить себя. Не в полете голубка беззащитна и нежизнеспособна.

«Гозаль», птенец, — символ силы нарождающегося полета, символ становления птицы, «ципор».

Первый симан (символ) «утроения» состоит в том, что в личной душевной жизни Авраhама есть три проблемные силы:

сила работать под ярмом Царства Неба; но ярмо это еще не надето;

сила упорства души стоять, нежелание идти, сила быть «себе»;

мощь величия человеческого, гордость от своего статуса.

Эти силы души, как и многое другое, сами по себе не хороши и не дурны. Они становятся таковыми тогда, когда им найдено применение. Прежде чем они будут применены, Авраhаму следует рассечь их в себе и в рассечении этом принести в жертву себя, что-то в своей душе.

У каждой из указанных проблемных душевных сил есть противоположные крайности, которые не так трудно обнаружить в душе. Их следует изжить, так как никакой экстремизм, никакой фанатизм, основанный на этих душевных качествах, недопустим, ибо разрушает Замысел Всевышнего на Авраhама и его потомство. Но Авраhаму труднее всего не отречься от крайностей, а найти середину, рассечь себя по самой середине, выявить срединный Путь жизни и отдать себя Ему, идя по этому Пути. Сила «айль» не должна тратиться на лидерство, как ей свойственно. Силу «эз» надо суметь употребить точно на то, чтобы, идя, оставаться на предназначенном Пути. Силой же «эгла» надо встать под ярмо, но не совратиться «тельцом».

Кроме того, в Авраhаме есть сила полета: полета как такового, подъема ввысь (сила «тор») и полета зарождающегося («гозаль»). То и другое — та птица (ципор), которую не следует рассекать. Над душевными качествами «эгла», «эз», «айль» Авраhаму надо произвести сложную операцию рассечения и

отсечения, но Птица Небесная, живущая в нем, должна остаться как есть — дабы в нем могла она взлететь. Путь Авраhама — не путь самоуничтожения, самоподавления и аскетизма, а совершенно иной Путь.

«И спустился коршун (айт) *на трупы, и отогнал* (ваишав) *их Аврам»* (Б.15:11).

«И было солнце, чтобы зайти и забытье (тардэма) *нашло на Аврама. И вот: ужас, тьма великая падает на него»* (Б.15:12).

«И сказал Авраму: «Так узнаешь!...»

Авраhам спрашивал, каким образом он узнает, что пришла пора взять землю. И вот ему ответ:

«...потому что пришельцами (герим) *будет семя твое в земле не их, и будут работать им и будут угнетать* (инуй) *их 400 лет»* (Б.15:13).

«Инуй» (угнетение или мучение) — это нахождение в подчеркнуто беспомощном состоянии (сравни «ани», нищий).

«Гер» — определение того, кто лишен своей почвы. Но что значит «в земле не их»? Кого «их»? Не в земле потомков Авраhама? Или не в земле тех, кто будет порабощать его потомков? Далее: «и будут работать им (тем, кто порабощает) и будут угнетать их (тех, кого порабощают)». Странная грамматика: посреди стиха субъект и объект меняются местами. Однако возможно понимание, при котором такое не происходит: те самые, которые (сначала) будут «работать им», — работать на потомство Авраhама, те же самые (затем) будут «угнетать их» — мучить, держать в рабстве потомство Авраhама. Это самое и произошло в земле Египетской, где евреи, благодаря Йосефу (Иосифу), сначала были элитой общества, а затем — рабами.

«И так же народ, которому будут работать, — сужу Я, и после этого выйдут с достоянием великим» (Б.15:14).

«Ты же придешь к своим отцам в мире (шалом), *похоронен будешь в доброй старости»* (Б.15:15).

«А четвертое поколение вернется сюда, потому что не полны еще преступления Эмори до сих пор» (Б.15:16).

«И было. Солнце зашло и мрак был, и вот — печь дыма и пламя огня, который прошел между рассеченными этими» (Б.15:17).

«В тот день заключил Господь с Авраhамом завет (брит), *говоря: «Семени твоему отдал Я эту землю, от реки Египетской до реки большой, реки Прат* (Ефрат)» (Б.15:18).

Второй симан «утроения» — ближайший исторический, египетского изгнания, в котором будут жить три поколения, проходящие три ступени несвободы. Сначала — «герут» (проживание не в своей стране, не обязательно в Египте). Потом — «авдут» (рабство, которое начинается после смерти сыновей Яакова в Египте). И третья стадия — «инуй» (мучение в земле Египетской). На стадии «герут» потомки Авраhама теряют свой особый статус, теряют в себе душевную силу «айль». На стадии «авдут» они используются как рабочая скотина и лишены возможности реализовать душевное качество «эгла». На стадии «инуй» они теряют силу душевного упорства «эз». Но тем не менее в них остаются нетронутые силы «тор» и «гозаль» — силы полета и взлета Птицы Небесной.

Второй симан «утроения» состоит в том, что отмеченные выше три проблемные душевные силы должны быть рассечены и очищены в горниле египетского изгнания. Для того, чтобы прийти на землю Исраэля, нужно пройти через горнило, образ которого дан в стихе 17 главы 15 в виде «печи дыма» и «пламени (факела) огня», проходящего между рассеченными животными.

Кроме пророчества очищения в горниле Египетском в этом месте Торы Господь устанавливает с Авраhамом и завет страданий. Рассечение на две половины и прохождения «факела огня» между ними — символ этого завета, действующий не только во времена описываемых в Торе событий.

Кто же такой «айт» (коршун или орел) в стихе 11? Для чего спускается эта птица? Если считать, что «айт» спускается на трупы рассеченных животных чтоб пожрать их, то в этом смысле «айт» в ближайшей исторической перспективе символизирует то, что приходит добить потомство Авраhама. И когда они становятся падалью, Авраhам (то есть то, что в них осталось от Авраhама) сгоняет птицу «айт» и сам «обдувает их».

Но вот и другой смысл. В человеке есть «тор», крылья подымающие ввысь, есть Птица Небесная, которая в Песни Песней всегда символизирует весну, оживление, обновление духа. «Айт» же — это не то, что обитает в человеке, не та Птица Небесная, которая живет в его душе, а то, что спускается в его душу свыше. «Айт» от корня «ут», «броситься сверху», «спуститься». И вот, когда потомство на грани гибели, вот тогда спускается «айт» — высшая душа, с помощью которой Авраhам (его «тор», начало взлета в его душе) вдыхает жизнь в погибающие души. «Вайашев» можно понять как «и вдохнул» в них. Все это, разумеется, входит в тот завет страданий, о котором мы только что упоминали.

Горнило Египетского пленения не до конца очищает то, что необходимо выжечь в душевных силах «эгла», «эз» и «айль». И после исхода из Египта Исраэль должен уходить в галуты (изгнания). Таким образом мы входим в сферу третьего симана утроения — глобальной истории.

Галутов, как мы знаем, четыре. И каждый внешний галут есть определенное выражение внутреннего галута, связан с тем, что происходит в душах. Вавилонское изгнание, галут Бавель, более всего затрагивает качество «эз». Изгнание в Мидию и Персию, галут Мадай и Парас, более всего затрагивает качество «эгла». Эллинское изгнание, галут Яван, более всего затрагивает качество «айль». Четвертое изгнание, галут Эдом, стыкуется с «айт».

«Айт» не спускается на птицу, которая не рассекается. «Айт» спускается на расчлененные трупы, на те душевные качества, которые приводят в галут. Авраhам способен обдуть, вдохнуть живую жизнь. И все то, о чем мы до сих пор говорили, подводит нас к пониманию того, чем же и как же Авраhам вдыхает живую жизнь.

Поразительно, что Авраhам почувствовал страх не перед тем, как «обдул их», а после этого. Вслушайтесь в язык этого места Торы.

И солнце должно заходить, и страшное забытье (тардэма — как забытье Адама в Эдене) поглощает Авраhама. И вот — ужас, тьма великая падает на него. Скупая на всяческие описания и эпитеты Тора тут говорит языком, который по контрасту со всем ее стилем производит чрезвычайное впечатление. И только затем Авраhаму сказано об изгнании в Египет.

Так что это за тьма и ужас, которые чувствует Авраhам? Очищающие страдания египетского плена? Не только это. Ужас его не столько от самих страданий, которые сыны его переживут в земле Египетской, сколько от того, что вызывает эти страдания. И следующая за этой глава Торы потихоньку начинает отвечать нам на то, в чем была причина ужаса Авраhама.

До сих пор он еще Аврам, еще сын Ноаха (Ноя), еще находится в общечеловеческой семье. Но вскоре Аврам станет Авраhамом. И это его превращение начинается с ужаса, с познания какого-то зла, с проникновением в то зло, которое ему открывается тут. Ужас этот — и в помощь ему и в наказание...

В Египте евреи провели 210 лет. Мы еще скажем в своем месте, откуда исчисляются те 400 лет, на которые указывает стих 13. В стихе 14 говориться, что Он будет судить (дан) народ, которому будут служить сыны Авраhама. Но если этому народу дана миссия порабощения, то о чем его судить? Одни народы часто используются для того, чтобы быть бичом для других народов. И Египет должен был служить евреям таким образом. Но есть тут граница. Судить (дан) не значит осудить (шофет). Буду Я судья их, говорит Господь, по тому, делают ли они так и в той мере, какая отпущена им, или используют во зло свою миссию. Ответ мы находит в книге Шмот (Исход). Если в стихе 14, который мы здесь разбираем, сказано, что евреи «будут работать», то книга Шмот повествует о том, что евреев порабощали и, мало того, доводили до полного разобщения.

Какое же впечатление оставляет то, что мы прочли здесь? Я бы сказал: то, что мы начали читать...

(обрыв записи беседы)

VII.
ЗАВЕТ

«И было Авраму 99 лет»

Авраhам прожил весь общечеловеческий путь жизни сына Ноаха и сейчас, в 99 лет, когда, казалось бы, жизнь уже позади, начинается для него новый путь жизни, на который никто не вступал до него.

«...И открылся Господь Авраму и сказал ему: «Я — Эль Ш-ддай».

Ш-ддай — Тот, Кто имеет власть сказать Миру: «даи» — «хватит», «достаточно». Это Тот, Кого достаточно для Мира. Не Он обитает внутри Мира (как «мировая душа» или в качестве движущего Мир начала), а Он вмещает Мир в Себя, и потому Он может, когда желает, говорить Миру: «достаточно!» Миру хватает Его Одного. Понятие Ш-ддай весьма условно можно перевести словами Вседостаточный и Вездвижущий.

Итак, Господь сделался видимым Авраhаму в этом Своем особом качестве Ш-ддай и говорит ему:

«...Ходи передо (hитhалех) *Мной и будь совершенным* (тамим)*!»* (Б.17:1).

Понятие «hалаh» определяет движение как таковое, в том числе и самопроизвольное, вроде течения реки. Центральное же понятие еврейской жизни — hалаха — то, как следует идти по жизни, поступать в том или ином случае; «hитhалех» (с возвращением на себя) — ходи к себе, на себя наступая, самонаправлено. Это движение по определенному Пути. И Пути четко обозначенному: «передо Мной».

Ноах «ходил с Богом», Авраhаму. же следует ходить «перед Ним» — впереди, прокладывая Путь. Авраhам — тот, кто прокладывает новый Путь жизни, на который до него никто не вступал. Теперь главная задача Авраhама в том, чтобы проложить Путь жизни так, чтобы он был подлинно «перед Богом».

Мир наш сотворен, завершен в Творении. В нем не возникают новые законы, он весь вложен в свои рамки, упакован в сферы, запечатан печатью «даи», ему сказано: «достаточно». Творение Мира остановлено. И именно поэтому Авраhаму и сказано: «иди передо Мной».

Мы присутствуем здесь при новом Творении, Творении «hитhалех». Господь Авраhамом становит новый душевный и нравственный мир, в котором всякое движение — путевое. Авраhам прокладывает новый Путь жизни, и Господь указывает ему, что прокладывать его можно только самому, будучи «тамим».

Эль Ш-ддай запечатал Мир, и ничто в Мире не в силах выйти за установленные Им пределы. На это способен лишь тот человек, который сам себе кладет пределы, сам останавливает или не останавливает себя. «Тамим» — тот, кто сам укладывает свою жизнь в рамки заданного свыше Пути, кто сам говорит себе: «достаточно». «Будь тамим» — значит свободно осуществлять в себе то качество Бога, про которое Он говорит: «Я — Эль Ш-ддай».

Проблема нравственной жизни человека не столько в «злом начале», в нем присутствующем, сколько в том, что человек волен переходить пределы, использовать данные ему силы за границами, в непредназначенной им области, что он злоупотребляет своими силами. Преступление, «авера», совершается тогда, когда человек не «останавливает» себя и потому переступает дозволенное. Тора не учит нас подавлять или уничтожать какую-либо сторону себя. Законы Торы ставят жизнь человека в рамки заданного свыше Пути и направляют по нему.

«И дам же Я Мой Завет между Мной и между тобой»

Грамматически это «дам же» выражено на иврите не как указание Бога, Его приказ или указ, а как предложение человеку, даже с некоторым оттенком просьбы позволить дать Завет. Сам по себе Завет есть высшая идея Существования, его назначение, то, ради чего существующее существует. И этот-то Завет — то, для чего существует все существующее — Господь предлагает дать между Им и между Авраhамом. Дать Завет значит сделать так, что Он и он вместе станут осуществлять его. Господь — со своей стороны, Авраhам — со своей, идя перед Ним.

«...И умножу тебя предельно-предельно (меод меод)»(Б.17:2).

Слова эти обычно понимают аллегорически, в смысле данного Господом обещания беспредельно расплодить семя Авраhама по Земле. Трудно сказать, что это могло бы конкретно означать на деле. Еще труднее понять, какое это «умножение» имеет отношение к новому Пути жизни, к Эль Ш-ддай, к Завету, как высшей идее Существующего и самой задачи человека в Мире.

Задача человека — усовершенствовать себя и усовершенствовать Мир. Это не две, а одна и та же задача и работа. В сотворенном Мире есть и нечто лишнее, и нечто избыточное, и нечто несовершенное, и нечто его загрязняющее. И человек призван всю свою жизнь очищать, отбирать, останавливать, совершать «дай». В некотором смысле он довершает Творение. И прежде всего тем, что устанавливает приоритет души над телом и тем приближается к Богу, назвавшему Себя «Ш-ддай». В Нем Самом нет ущерба, отброса, нечистоты, и Он требует от человека стать ближе к Нему, усовершенствовать себя до совершенства — и тем завершить и усовершенствовать Его Творение.

И Ноах был «тамим». Но Завет с Ноахом был заключен Богом и действовал лишь с Его стороны, с одной стороны Бога, дающего Завет. Завет же с Авраhамом двусторонний; он заключен между Богом Ш-ддай Мира, с одной стороны, и Авраhамом, с другой. И у каждой стороны есть обязанность Завета. Не только Бог дает, но и человек идет. Авраhам берет на себя обязательство идти перед Ним и в таком качестве быть работником Бога, прокладывая Путь и тем выполняя свою и Его задачу.

Задача Авраhама, казалось бы, не в Мире, не в макрокосмосе, а в себе, в своем микрокосмосе. Как же исполнение этой его внутренней задачи может быть связано с состоянием и совершенствованием Мира? Но в этом-то и состоит Завет между Богом и Авраhамом: то совершенствование, которое Авраhам производит в себе, Эль Ш-ддай отразит в Мире, переведет в Мир, исправит и починит его через Путь Авраhама и тем самым установит Мир на должную основу. Вот для чего, оказывается, Авраhам был выведен из «страны звездочетов» и для чего он должен ходить впереди, перед Господом.

Господь предлагает Авраhаму Завет, по которому он, идя перед Ним, делает свои порождения (толдот), которые затем Эль Ш-ддай делает порождениями Мира — «умножает» их безмерно и беспредельно, переводит в предельную мощь бесконечного Мира. И Авраhам, потрясенный тем, что предложил ему Господь, не может устоять на ногах и падает ниц.

«И упал Аврам на лицо (панав) *свое...»*

Падая на лицо, Авраhам отказывается от самостояния в жизни и в Мире. Падая на лицо, Авраhам принимает на себя задачу, которую предложил ему Господь. Он падает на лицо и потому, что не может стоять перед Господом, зная, что в нем есть еще недолжное. Падая на лицо свое, Авраhам проявляет одно из высших качеств своей души, качество «анава», смирения. И падая на лицо (как подчеркивает Рамбан), он закрывает глаза, отказывается от зрения, весь обращается в слух. И — потому:

«И говорил с ним Элоким, говоря» (Б.17:3). Господь начал с предложения заключить Завет. И как только Авраhам принимает его, так Он «говорит с ним» как Элоким, как Бог-Творец — дает ему обязательный закон, который он в таком качестве должен передать другим. Это уже иное отношение между Всевышним и человеком, совсем другой разговор между ними и другая сторона Завета.

«Я — вот. Мой Завет с тобой и станешь ты отцом всего скопища народов» *(Б.17:4)*.

Теперь это Завет не Между Ним и между ним, а «Мой Завет» — с одной, с Его стороны. Авраhам должен полностью овладеть собою, стать «тамим», научиться управлять всем в себе. Именно поэтому, в результате этого и для этого он станет отцом всего скопища народов. Тут

прослеживается некоторая связь между тем, сколь Авраhам сможет реализовать качества «тамим» и «hитhалех», и той степенью, в которой он станет отцом всех народов.

«И не будешь ты зваться именем Аврам, и станет твое имя Авраhам, потому что отцом скопища народов Я дам тебя» (Б.17:5).

По мидрашу в теле человека есть пять членов, которыми он не в силах управлять. И к имени Аврам добавлена буква «хей», обозначающая и число пять — те пять членов, которыми овладел «совершенный» Авраhам, приняв Завет Бога. Гематрия имени Авраhам равна количеству всех членов тела — 248. И число положительных заповедей (мицвот), «мицвот асе» (делания) в Торе — тоже 248.

Попробуем лингвистически определить смысл имени Авраhам. «Ав» — отец; «hам» — корень слова «hамон» (множество). Авраhам — «отец множества» народов. Но в имени осталась лишняя буква «рейш» («р»).

Вспомним, что имя Аврам произведено от слова «эвер», крыло. Терех, давший сыну это имя, хотел духовно взмыть им. Этот же смысл сохраняется в имени Авраhам, но с добавлением корня «hам», говорящего о множестве. Если подъемная духовная сила Аврама имела отношение только к роду Тереха, к «арам», арамейцам, то теперь духовная сила Авраhама относится к множеству народов. Авраhам — та маховая духовная сила крыла (эвер), которая подымает ввысь человечество.

«И размножу тебя во множестве и во множестве»

Если во 2 стихе этой главы было сказано «ве-арба» — и делаю тебя многим (по подобию твоему делаю тебя многим в Мире), то здесь, в 6 стихе, сказано «веифрети» — и расположу твою плоть во множестве.

«Я сделаю тебя народами и цари из тебя выйдут» (Б.17:6).

Почему тут сказано не об одном — еврейском — народе, а о «народах»? Это объясняют различно. Я укажу вот на что.

Еврей — общность особенная и в том смысле, что это и один народ («ам») и народы («гоим»). В доме Израэля нет единообразного национального характера, Израэль разделен на «колена». Евреи — разные, очень не похожи друг на друга и вместе с тем они составляют целостную нацию, а не, скажем, объединение людей в вере.

Господь говорит Авраhаму, что Он сделает его народами в народе. Так что Завет Его не с какой-либо национальной психологией или этническим обликом, он не ограничен никаким национальным характером и психофизиологическими установками, а может быть заключен со всяким народом, но на определенной общей основе — на Авраhаме.

«Я восставлю Завет Мой между Мной и между тобой и между семенем после тебя в поколениях их — для Завета всего Мира, чтобы быть тебе Богом и семени после тебя» (Б.17:7).

Заключенный Завет таков, что далее Мир может строиться на нем. Но Завет этот действенен только если Авраhам берет его на себя. И тогда Он становится ему Богом — не в ограничительном смысле (только тебе Богом), но в расширительном: опираясь на тебя стану Богом не только тебе, но и «семени после тебя».

«И дам тебе и семени твоему после тебя землю, в которой ты чужестранец, всю землю Кнаана, так чтобы она была вашим владением (ахуза) навечно. И буду им Богом» (Б.17:8).

Чтоб понять сказанное здесь надо верно понять слово «ахуза». Оно означает не то, что человек держит землю под своею властью и как хочет распоряжается ею. Напротив, ахуза это понятие, означающее, что земля держит человека. Земля, о которой идет речь, должна быть навечно связана с Авраhамом и семенем его после него. Евреи, при всем их разнообразии, должны быть все вместе связаны этой землею в единую нацию. Это не этническая, а духовная связь. И когда такая связь через землю прочно установится в них, тогда Он сможет стать «им Богом» — не только по заслугам отцов, но и ради их самих.

«И сказал Бог Авраhаму: «А ты (веата) Мой Завет храни, ты и потомство твое в поколениях их» (Б.17:9*)*.

Завет между Господом и Авраhамом — двусторонний. В стихе 4 Господь говорил, что Он со Своей стороны берет на Себя. Теперь же, в стихе 9, Господь говорит какую задачу с его стороны должен взять на себя Авралам: хранить Завет, который Он установил.

В слове «ве-ата» («а ты» или «ты же») есть оттенок, который интересно воспринять. Дело в том, что обрезание (мила), о котором речь пойдет далее, не одно и то же для Авраhама и для его потомков. Он совершил обрезание в 99 лет, да и как знак Завета оно, собственно, не необходимо ему: он уже совершил все, что должно, внутри себя. Но для потомства Авраhама этот знак Завета нужен изначально, на восьмой день жизни, в самом ее начале. И потому: «ве-ата», и все-таки, и ты — тоже..

VIII. ОБРЕЗАНИЕ

«Вот Завет, который вы храните, между Мной и между вами и между потомством твоим после тебя»

И тут же Господь называет Авраhаму Свой Завет с Ним:

«...hимоль лахем (у вас) *коль* (каждый) *захар* (мужчина)» (7:10).

То, что должно быть «у каждого вашего мужчины» определяется словом «hимоль», основа которого — «муль», быть против, состоять в оппозиции. **«Мила»** (слово, которое и понимают как «обрезание») есть противостояние животному началу, необузданности сил плоти. Но, конечно, не в значении решительного боя или полной победы над нею, а в смысле того ограничения, заключения в рамки, того обрезания плоти до известных пределов, которое составляет мощь Эль Ш-ддай. Понятие «мила» по смыслу близко понятию «даи». Формулу Завета, данного Авраhаму, вернее всего выразить так: «Пусть будет противостояние у вас каждого мужчины». Но не женщины. Ей активное противостояние не нужно.

Начало следующего стиха на языке подлинника звучит так:

«...у-намалтем эт басар орлатхем».

Обычный перевод: «обрезайте вашу крайнюю плоть». Если быть точным, то «басар орлатхем» надо перевести «плоть вашей крайней плоти», где «орла» понимается как медицинский термин для обозначения крайней плоти мужского полового органа. Что совершенно неверно. «Орла» — это неовладевание. «Орла шанэ» — говорят про болтливого человека, который не владеет своими устами. «Орла озен» — тугой на ухо, не владеющий своим слухом. «Орла лэвав» — буйствующий в страсти, не владеющий своим сердцем. Плоды первых трех лет дерева потому «орла», что мы не имеем права ими пользоваться. Так что речь в разбираемом стихе идет не о медицинской операции, а о том, что с плотью вашей, которая находится в состоянии «орла», надо произвести то, что названо «намаль».

Слово «намаль» означает вычеркивание части жизненной силы и в этом смысле противостояние (в данном случае плотской силе). Необузданную плотскую силу мужчины, его плоть в состоянии «орла», необходимо остановить (не разгонять), ослабить, взять под контроль. Так что суть Завета весьма проста: **противостоять орла плоти.**

У всех Заветов, которые ставит Господь, есть знак. Знак Завета между Богом и человеком — нечто, что должен сделать человек. Это может быть действие, выражение словом, исполнение заповеди. Знак Завета хранит Завет, который хранит сердце наше. Таким знаком Завета на теле мужчины и является медицинская операция обрезания крайней плоти.

«...И у вас будет знак (от) *Завета* (брит) *между Мной и между* вами» (Б.17:11).

«*Восьми* дней отроду да будет сделано обрезание *(мила)* каждому мужского пола у вас в поколениях ваших и рожденному в доме и купленному за деньги от любого чужого, даже того, кто не из твоего семени» *(Б.17:12)*.

99-летний Авраhам делает обрезание сам, сознательно. Всем остальным обрезание «будет сделано» на 8 день. Число

8, число октавы, знаменует переход на совершенно другой уровень. К тому же за 8 дней жизни ребенок уже прожил одну субботу. Обрезанию подвергается и рожденный от служанки и любой работник, даже из чужого племени. Народ, как видите, формируется не только из семени Авраhама. Евреем мужчину прежде всего делает «мила», а затем рождение. Всякое движение праведности начинается очищением тела и начинается с овладевания им.

«Пусть непременно будет сделана мила каждому рожденному в доме и каждому купленному за серебро твое. И станет Мой Завет — вашей плотью, как Завет навечно (ле-брит олам)*»* (Б.17:13).

Завет между Господом и Авраhамом, предназначенный для досоздания Мира (олам), хранится в плоти поколений знаком Завета. И тем самым становится «вашей плотью» и «ле-брит олам», то есть Заветом для всего Мира и Заветом вечным.

Тот же мужчина, у которого не сделано обрезание, называется «орель». Плоть его находится в состоянии «орла». В отличие от Завета и знака Завета «орла» не соединяет, а разделяет «между Мной и между вами». И потому душа того, кто «орель»

«будет отторгнута (карэт) *от тех, кто с Ним, ибо Мой Завет расторгнут им»* (Б.17:14).

«Карэт» для души человека — одно из самых страшных явлений, о которых Тора говорит лишь в самых серьезных случаях. «Орель» разрушает «Мой Завет» и душа его истребляется, отторгается от Господа. Оказывается, что знак Завета (от брит) есть нечто большее, чем символ и память; это то, нарушение чего ведет к изоляции души от Бога и Его народа и, как следствие, к ее гибели.

«И сказал Бог Авраhаму: «Сарай, твоя жена, не будешь звать ее именем Сарай, потому что Сара — ее имя» (Б.17:15). Жена Авраhама уже стала Сара, ее не надо переименовывать, и потому про нее не говорится так, как было сказано про Авраhама, что ее имя станет Сара. Сара — уже есть ее имя.

Надо знать, что Сарай — мужское имя. Оно указывает на высокопоставленность, на власть, на царственность. Сара — женский род слова Сар. Сар — уполномоченный властвовать в некоторой определенной сфере жизни (в современном обиходном языке «сар» это министр). Он призван развивать, взращивать, руководить в этой сфере и не должен вмешиваться в иные сферы жизни. От того же корня происходит слово «мисра»: та мера малых вещей, которой взвешиваются драгоценности. И Сар относится к тому, что в его ведении, как к драгоценности.

С женой Авраhама произошло то же самое, что и с ним самим. Как Аврам, ставший Авраhамом, сделался отцом и маховым крылом для человечества, так же и Сарай, ставши Сара, стала «властительницей» не только для дома мужа, но и для всего человечества. Ее власть — в силе ее души. Она всегда отличалась особой проницательностью и душевным героизмом. В ней есть внутренняя мощь (гвура), которой в Авраhаме исходно нет. Из имени Сарай изъята мужская буква «йод» (число 10) и заменена на женскую букву «хей» (число 5). А где еще 5, еще «хей»? Оно — в имени Авраhама. Гвура жены Авраhама, сила ее мужского имени Сарай переходит от нее, как от материнского корня, к мужскому стволу и мужским ветвям. По мидрашу мужская буква «йод» имени Сарай перешла через многие поколения в состав имени Йошуа (Иисуса Навина).

Изъятие мужской буквы «йод» из имени Сарай знаменует переключение мощи ее души на задачи женской жизни. Главная из них — родить сына. И она уже готова к исполнению того, что должно исполниться.

«И Я благословлю ее, и так же дам от нее тебе сына...»

По Замыслу Бога недостаточно, чтобы отцом сына был Авраhам, надо еще чтоб матерью его была Сара. Без нее ничего не получится. У Авраhама уже есть один сын, Ишмаэль (Измаил), но то, что должно быть по Замыслу Бога, непременно должно исходить из чрева Сары.

«...благословлю ее» — после того, как она родит сына, чтобы могла она вскормить его — *«...и станет народами* (лэгоим) *и цари государств* (амим) *от нее выйдут»* (Б.17:16). Если Авраhам станет отцом народов, то Сара сама станет народами.

«И упал Авраhам на лицо свое и засмеялся (ве-ицхак)...»

Упал на лицо свое — отказался от своего стояния, от своей самости — и тогда засмеялся. Почувствуйте этот его смех.

Как давно обещано ему. Как долго и мучительно ждал он. И вот все встало на свое место. Так неожиданно, внезапно. Вдруг стало понятным — кто бы мог подумать! — что ему следовало дожить до 99, а ей до 90 лет, всю жизнь быть бесплодной, и тогда только родить ему сына!.. Поразительно.

Родители — старики, сын родится и они, скорее всего, не успеют вырастить его, сделать его вполне жизнеспособным. Но он же — единственный их сын, хрупкий, как всегда у стариков. А от крепости его существования зависит существование великого народа. И на нем же — одном! — держится Завет Бога и человека, Завет всего Мира!

Внезапно, в озарении слов Бога Авраhам сознает невообразимую парадоксальность Замысла Бога и, пораженный и удивленный, — в потрясении своем смеется. Вот как, оказывается. Бог делает человеком Свое Дело!...

Имя сына Авраhама — Ицхак (засмеялся) — дано от этого смеха Авраhама. Смех все время повторяется в истории жизни Ицхака (Исаака). Смех этот — чрезвычайно существенней и глубок

В каком-то глубинном смысле жизнь еврейского народа среди других народов смехотворна. Это народ с колоссальными претензиями, на которые у него, им кажется, нет никаких оснований. Другой народ часто встречает еврея смехом. Однако в природе этого смеха нет комизма. Этот смех (цхок) внутренне связан с каким-то криком (цоак). Смех в трагедии — специфически еврейская черта. Смех этот останавливает крик — от боли, удивления, неожиданности, негаданности. Смех же Авраhама — от разгаданности тайны Бога, Его путей, которые, казалось, должны были бы особенно прочно установлены в Мире и человеке, а оказалось, что они, говоря словами еврейских мудрецов, **«как гора подвешенная на нитке».** Вот тайна Замысла Бога.

«И сказал в своем сердце: «Как — у столетнего родится? Или Сара девяностолетняя родит?» (Б.17:17).

Это Авраhам подумал про себя. А Богу он сказал:

«И сказал Богу Авраhам: «Хоть бы Ишмаэль жил перед лицом Твоим» (Б.17:18).

С рождением сына от Сары получается вроде бы так, что сын от Гагари Ишмаэль (Измаил) не годится Богу — и, значит, отсекается, гибнет, теряется для Него? Если столбовой Путь жизни не для Ишмаэля, если он не может ходить перед лицом Твоим, то пусть он, просит Авраhам за сына, хотя бы живет перед лицом Твоим.

«И сказал Элоким: «А все-таки Сара, твоя жена, рожает тебе сына. И ты назовешь его имя — Ицхак...» — в память о твоем смехе (ицхак), чтобы остался этот смех во все поколения. И смех, который встречает еврея на всех перекрестках его жизни с людьми других народов, — не в унижение ему; загадочный и непроизвольный смех этот есть свидетельство того, что он исполняет свое предназначение. Они не могут не смеяться, ибо и смех Авраhама остался навсегда. И — далее, об Ицхаке:

«...восставлю Завет Мой с ним, Заветом вечным (брит олам — *Заветом всего Мира) и семенем его, которое после него»* (Б.17:19).

«А об Ишмаэле, — Я услышал тебя (само имя Ишмаэль означает «услышал Бог«). *Вот, Я благословил его* (уже благословил*) и распложу его и умножу его во множестве, двенадцать* князей (насим) *он родит и сделаю его великим народом»* (Б.17:20).

От Авраhама через Ицхака и Яакова идет трудный и сложный процесс очищения и переплавки души человеческой. Этот процесс для линии Ишмаэля не нужен. 12 князей, которых родит Ишмаэль, это уже и есть начало народа — не двенадцати народов, а одного большого

(великого) народа. Таково назначение Ишмаэля, которое дано в Торе.

«А Завет Свой поставлю с Ицхаком (а не с Ишмаэлем*),* которого родит тебе Сара *(а не `Гагарь)* к этому сроку в следующем году» (Б.17:21*)*.

«И прекратил говорить с ним и поднялся Бог от Авраhама» (Б.17:22),

Обычно откровение по завершению его не выключается разом, свет откровения удаляется от человека постепенно. Но тут Бог поднялся от Авраhама сразу же, откровение прекращено резко — дабы Авраhам, не медля, стал исполнять то, что ему сказано.

«И в тот самый день, когда Бог говорил с ним» (Б.17:23) Авраhам взял (ваиках — уговорил словами, а не силком взял) тринадцатилетнего Ишмаэля и всех мужчин своего дома и обрезал их. В тот же день, (в день, когда ему исполнилось 99 лет) он обрезал и свою крайнюю плоть» (Б.17:24). Все люди дома Авраhама сделали обрезание и, замечает РаШИ, никто из них не ждал увидеть, как эта неведомая операция скажется на других.